

Марк Лейн

Устами американцев

MARK LANE

CONVERSATIONS
WITH AMERICANS

NEW YORK

МАРК ЛЕЙН

У · С Т А М И
АМЕРИКАНЦЕВ

Перевод с английского В. ЯРОШЕНКО

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1972

И(Англ.) •

Л42

Лейн Марк

Л42 Устами американцев. Репортаж. Перевод с английского В. Ярошенко. М., Воениздат, 1972.

184 стр.

Настоящая книга — документальный репортаж, составленный известным американским юристом и публицистом из показаний американских военнослужащих — участников разбойничьей войны, которую ведут США во Вьетнаме.

Материалы книги являются потрясающим свидетельством насилий и зверств, чинимых американскими агрессорами на вьетнамской земле. Автор разоблачает преступные методы воспитания хладнокровных убийц и грабителей, принятые сегодня в вооруженных силах США.

Книга представит интерес для широкого круга читателей.

1-12-2

82-72

И(Англ.)

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В течение многих лет внимание всего мира приковано к войне в Индокитае, развязанной Соединенными Штатами Америки.

Осуществив вооруженную интервенцию в Южном Вьетнаме, американский империализм с каждым годом расширял фронт агрессии, в результате чего объектом захватнической войны стали уже все три страны Индокитайского полуострова — Вьетнам, Лаос и Камбоджа.

Преступная война, развязанная Соединенными Штатами, вызывает бурю гнева у честных людей всех стран и континентов. Здесь, в Индокитае, прошел фронт борьбы между силами нового и старого мира, между демократией, справедливостью, гуманизмом и реакцией, произволом, человеконенавистничеством.

Индокитайская проблема стала всеобщей проблемой для всех народов земли. Вот почему движение против американской агрессии в Индокитае достигло в наши дни беспрецедентного размаха. Можно смело сказать, что история еще не знала такого крупного и организованного движения самых широких слоев народа за мир, против войны. С каждым днем это движение охватывает все более широкие слои американского народа. Особое значение приобретает тот факт, что все большую роль в движении против агрессии США в Индокитае начинает играть американская общественность.

В движение против агрессии США в Индокитае включились многие американские писатели, ученые, деятели искусства, журналисты. А вот перед нами весьма красноречивое доказательство того, насколько решительно втягиваются в это движение американские юристы.

В 1970 году в США вышла книга «Устами американцев». Автор ее — американский адвокат Марк Лейн, из-

вестный своей книгой, посвященной раскрытию обстоятельств убийства президента Джона Кеннеди. Книга «Устами американцев» представляет собой документальный репортаж, содержащий материалы опроса американских военнослужащих по поводу тех преступлений, свидетелями или соучастниками которых они были. Надо сказать, что книга Марка Лейна не единственное произведение американских юристов, выступающих с разоблачением агрессии США в Индокитае. Несколько лет назад в США был создан комитет американских юристов по политике США во Вьетнаме. Он состоит из виднейших американских юристов. В его составе Ричард Барнет — один из руководителей Института политических наук в Вашингтоне, в прошлом советник по вопросам международного права штаба американских войск в Европе, видный чиновник государственного департамента, консультант министерства обороны США; профессор Джон Герц — ученый-юрист, являвшийся политическим советником госдепартамента и Центральным разведывательного управления; профессор Уоллес Макклур, проработавший в госдепартаменте более тридцати лет; профессор Куинси Райт, президент и почетный член американского общества международного права, почетный главный редактор «Американского журнала международного права», бывший консультант госдепартамента и советник Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Не трудно заметить, что это представители тех слоев американского общества, которые не раз в прошлом выступали в поддержку американского капитализма и его политики и, более того, не раз играли активную роль в разработке официального курса внешней политики США. И это знамение времени, что даже такие люди сегодня открыто вступают в борьбу, решительно выступают с разоблачением американской агрессивной политики в Индокитае. С большой тревогой они наблюдают за тем, в каком опасном (и для американского народа) направлении развивается политика США, как в геометрической прогрессии Америка теряет друзей. «Это, видимо, необычно, когда группа юристов-международников посвятила себя задаче доказать, что их собственное правительство ведет войну в нарушение международного права»¹, — пишет в предид-

¹ Richard Falk. Vietnam and International Law. New York, 1967, p. 11.

словни к своей книге «Вьетнам и международное право» председатель консультативного совета комитета американских юристов профессор Фолк.

И как бы задавая самому себе вопрос, насколько морально оправданы подобные позиции, Ричард Фолк отвечает:

«На данном этапе истории человечества представляется наивысшим выражением патриотизма выступить против собственного правительства, когда оно погружается в незаконные действия в области внешней политики. Беззаконие в вопросах войны угрожает благополучию всего мира, включая собственное общество»¹.

Предлагаемая читателю книга Марка Лейна, в сущности, является отражением этого взгляда прогрессивной американской общественности. Автор провел большую работу, он встречался и беседовал со многими американскими военнослужащими, как состоящими в армии США, так и уволенными в запас. Это были беседы по поводу тех обвинений, которые общественное мнение всего мира выдвигает против американских преступлений в Индокитае.

С каждым днем раскрываются все новые и все более тяжкие военные преступления американских вооруженных сил в Индокитае. Трагедия в Сонгми — лишь один из наиболее страшных эпизодов в цепи этих преступлений. И с каждым днем ширятся протесты во всем мире против военного разбоя США в Индокитае.

Отдавая себе отчет в растущей морально-политической изоляции США, правящие круги страны все чаще прибегают к различному камуфляжу с целью снять с себя ответственность за совершаемые преступления. Для этого пропагандистский аппарат Пентагона стремится либо опровергнуть самые факты многих преступлений, либо представить как законные действия то, что в действительности является грубейшим попранием общепризнанных норм международного права.

Американские министры пытаются убедить мировое общественное мнение, что совершаемые американскими военнослужащими преступления в Индокитае являются не результатом санкционированной политики, а следствием недисциплинированности отдельных солдат и офи-

¹ Richard Falk. Vietnam and International Law. New York, 1967, p. 11.

церов армии США. Например, 24 марта 1971 года генерал Уэстморленд в интервью корреспонденту «Пари жур» с горячностью убеждал читателей французской газеты в том, что «никогда еще ни одна армия не прилагала таких усилий с целью избежать жертв среди гражданского населения», как американская армия во Вьетнаме. «Правда, указания по безопасности мирного населения не всегда выполнялись. Правда, можно было бы избежать жертв...» — признался Уэстморленд.

Многочисленные расследования преступлений США в Индокитае, произведенные различными расследовательскими органами, включая комитеты по расследованию, созданные в ДРВ и Южном Вьетнаме, а также национальными и международными комиссиями, состоящими из представителей общественности, раскрыли фальсификаторский характер официальных утверждений американских правящих кругов.

Книга Марка Лейна является важным дополнением ко всей той кампании разоблачения американских преступлений, которую проводит мировая общественность.

Несомненная ценность этой книги заключается в ее документальности. Она состоит из весьма убедительных свидетельств этих преступлений, свидетельств, исходящих от самих американцев, от тех, кто, находясь в американском экспедиционном корпусе в Южном Вьетнаме, либо был соучастником преступлений, либо их очевидцем. В сущности, эти люди вступили в острую полемику с пропагандой Пентагона и своими показаниями помогают раскрыть лживый ее характер.

Когда стали известны чудовищные по своему зверству и цинизму преступления, совершаемые американскими солдатами и офицерами, многие честные американцы начали задавать себе вопрос, как это могло случиться.

Книга Марка Лейна помогает найти ответ. И ответ этот обнаруживается во всей той изощренной человеконенавистнической идеологической обработке, которой подвергались и продолжают подвергаться американские солдаты, перед тем как они направляются во Вьетнам. Становится очевидным, что в общей системе этой пропаганды большое место занимает расизм, попытка внушить американскому солдату, что вьетнамцы — это неполноценные люди, что уничтожение их будет только способствовать очищению человечества.

Расовая пропаганда дополнялась попытками внушить американским солдатам, что вьетнамцы представляют большую опасность для Соединенных Штатов, для американского народа.

Как рассказывает в этой книге Уоррэлл, солдатам говорили: «Давайте разобьем Вьетконг во Вьетнаме, иначе нам придется воевать против него в Калифорнии».

Большое место в показаниях, включенных в книгу, занимает так называемая система «боди каунт» («body count») — «счет убитых». Такой «боди каунт» имеет любое подразделение армии США в Южном Вьетнаме, любой солдат и офицер. И система эта означает, что чем больше убитых вьетнамцев на счету того или иного американского военнослужащего, тем больше у него шансов на служебное продвижение и награды. Эта преступная система была полностью раскрыта во время некоторых судебных процессов, проведенных в США в отношении отдельных американских военных преступников. Лейтенант Даффи, которого обвиняли в убийстве мирного вьетнамского жителя, прямо ссылаясь на то, что действовал в соответствии с системой «боди каунт». На судебном процессе по делу Даффи свидетель лейтенант Крюгер показал, что командир его батальона майор Темплтон был «страшно разгневан», когда узнал, что он, Крюгер, взял двух пленных. Оказывается, это испортило «статистику»: «если бы эти двое были убиты, «боди каунт» выглядел бы лучше на две единицы». Другой свидетель, капитан Тэрнер, показал: «Идите убивайте «гуков» — вот слова, которые мы слышали кругом. Они исходят от командования бригадой, от командования обеих групп войск, из штаба 25-й дивизии и вообще отовсюду. Конечно, нет ничего письменного, ничего, что я мог бы вам показать... Чем больше вы убили, тем более эффективным считается ваше подразделение... И в действительности, не брать пленных стало почти политикой»¹.

Столь же убедительную характеристику системы «боди каунт» дал Джордж Ст. Джордж в газете «Интернэшнл геральд трибюн» от 28—29 марта 1970 года: «В течение ряда лет сводки американской армии читаются как отчеты Освенцима — сотни и тысячи людей противника убиты. Ни один из них за последние пять или шесть лет не

¹ «Scanlan's», 1970, vol. I, N 2, p. 6.

был указан как пленный или раненый. Система «боди каунт» была единственным критерием для установления военного успеха, равно как и для присуждения наград и продвижения по службе.

Отпуск, медали, новые звания — все это должно было стимулировать убийства, стимулировать улучшение статистики по «боди каунту»¹.

И не случайно, когда защита по делу лейтенанта Даффи, которого обвиняли в убийстве одного мирного вьетнамского жителя, заявила суду ходатайство об истребовании из военного министерства США всей документации по «боди каунту», то это ходатайство было отклонено судом. И такой отказ был вполне понятен. Нет сомнения, что с точки зрения общепризнанных норм уголовного права система «боди каунт» есть в самом чистом виде подстрекательство к совершению преступлений, подстрекательство тем более опасное, что исходит оно от самого государства в лице его органов военной власти.

В книге Марка Лейна читатель найдет много доказательств того, как осуществляется преднамеренное уничтожение мирных городов и гражданского населения стран Индокитая при помощи бомбардировок и артобстрела. Сержант Ричард Лоу рассказывает, как при помощи напалма, минометного огня и других средств поражения была полностью уничтожена деревня и почти все ее жители.

Американское командование из всех сил стремится убедить мировое общественное мнение, что бомбардировкам подвергаются только военные объекты, и при этом «почти с хирургической точностью», как заявил адмирал Мурер.

Но хорошо известно, что американская авиация стала орудием массового уничтожения гражданского населения и во Вьетнаме, и в Лаосе, и в Камбодже. На Вьетнам сброшено в три раза больше бомб, чем на всю Европу за время второй мировой войны.

В июне 1971 года в Осло на заседании второй сессии Международной комиссии по расследованию преступлений США в Индокитае выступили свидетели, как жители Индокитая — жертвы этих преступлений, так и американские военнослужащие — соучастники и очевидцы преступлений.

Большой интерес вызвали показания бывшего амери-

¹ International Herald Tribune, March 24, 1970.

канского летчика Рэнди Флойда. С марта 1966 по сентябрь 1968 года он служил во Вьетнаме.

Вопрос. Говорили ли вам что-нибудь о том, что необходимо воздерживаться от бомбардировки мирных городов и гражданского населения?

Ответ. Нам говорили, что все вьетнамцы — и мужчины, и женщины, и дети — наши враги, что они варвары, а не люди. Нам рассказывали, что у них даже есть обычай отрубать голову своим детям, так как она является каким-то священным атрибутом. Нам говорили, что вьетнамцы способны даже на большее, чем нацисты.

Рассказав все об ужасающих зверствах, Флойд заметил, обращаясь к членам Международной следственной комиссии:

«Вы должны понять, что большинству из нас было по 18—19 лет. В это время так легко сделать из человека робота и растоптать в нем все человеческое. В нас разжигали страсть к разрушению. В конце концов у нас был «боди каунт». И не простой».

Флойда спросили, может ли он установить количество убитых в результате бомбардировок. Он ответил, что не может, ибо у них, летчиков, «боди каунт» был особый, определялся он по количеству и тоннажу бомб. Кто больше сбросил бомб на цель, тот и впереди по «боди каунту».

Международное право издавна установило недопустимость мер насилия в отношении военнопленных. Еще во время великой французской революции был издан декрет, где указывалось, что «военнопленный должен быть неприкосновенен как суверенитет народа и священным как несчастье».

Женевская конвенция 1949 года в статье 13 об обращении с военнопленными устанавливает:

«С военнопленными следует всегда обращаться гуманно. Любой незаконный акт или бездействие со стороны держащей в плену державы, приведшие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и будут рассматриваться как серьезное нарушение настоящей конвенции»¹.

¹ «Женевские конвенции о защите жертв войны». Изд. «Ведомости Верховного Совета СССР». М., 1964, стр. 75.

США подписали эту конвенцию, взяв на себя, таким образом, обязательство придерживаться ее требований. Однако вооруженные силы США в Индокитае бесцеремонно попирают нормы Женевской конвенции. Книга Марка Лейна раскрывает страшную картину террора, обрушившегося на миллионы мирных жителей Южного Вьетнама. Как сыпь на теле, разползлись по стране концентрационные лагеря. Массовая депортация гражданского населения стала обычным явлением.

Ознакомившись с книгой Марка Лейна, читатель неизбежно поставит перед собой вопрос: каков же характер преступлений, совершаемых американскими вооруженными силами в Индокитае? Что это — эксцессы, отдельные, изолированные эпизоды или это нечто большее?

Как уже говорилось, стремясь уйти от ответственности за совершаемые преступления, американские власти пытаются представить их лишь как следствие недисциплинированности отдельных военнослужащих и таким образом опровергнуть обвинение мировой общественности, что преступления американских вооруженных сил в Индокитае — это неизбежный результат военной стратегии США.

Спору нет, в ходе войны могут быть отдельные эксцессы, отдельные преступления. Но речь в данном случае идет не об этих эксцессах, а об общей линии поведения вооруженных сил. А эта общая линия, как показывает исторический опыт, прямо зависит от целей войны. Именно это дает ключ к пониманию методов и средств ведения войны.

В. И. Ленин, который много внимания уделял теоретическим вопросам войны и мира, не раз подчеркивал большую роль политики в войне, указывал, что с началом войны политика не перестает действовать, что она определяет не только самый характер войны, но и методы ее ведения. В сущности, преступная цель агрессивной войны определяет и преступные методы ведения военных действий. В этом мы убедились на опыте германской агрессии во второй мировой войне. Органическую связь между целями войны и поведением вооруженных сил мы прослеживаем и на войне США против народов Индокитая.

Перед лицом этого бесспорного факта становятся абсолютно несостоятельными попытки американского командования объяснить огромный размах преступлений в Ин-

докитае эксцессами в поведении отдельных военнослужащих армии США.

Не говоря уже о многих других собранных международной общественностью доказательствах, показания американских военнослужащих, включенные в книгу Марка Лейна, с полной очевидностью раскрывают тот факт, что преступления армии США в Индокитае — это преступления, предписанные и санкционированные, преступления, прямо вытекающие из целей войны и воспитания личного состава армии.

И весьма симптоматично, что к этому выводу все чаще и чаще приходят политические деятели и крупные журналисты США, люди, которых никак не заподозришь во враждебном отношении к американской политике в целом. Но и для этих людей все более ясной становится мысль о прямой связи между целями агрессивной войны США в Индокитае и методами ее ведения. Не случайно Джеймс Рестон писал в «Сатердэй ревью»: «Основной вопрос, который вытекает из процесса Колли, сводится к следующему: не делает ли самый характер войны, которую мы ведем, неизбежным Майлаи?».

Рестон писал, что вопрос стоит не только о так называемых конкретных «lawbreakers» (нарушителях права), но и о «policymakers», о тех, кто «делает политику»¹.

За последнее время американские власти провели на территории США ряд судебных процессов против военных преступников, и, как было заявлено, эти власти решили применить к себе самим нюрнбергские принципы.

Увы, опыт судебных процессов, проведенных за последнее время в США в отношении военных преступников, свидетельствует как раз о том, что нюрнбергские принципы оказались выброшенными за борт. Американскому командованию казалось, что именно с помощью этих процессов, так сказать, «малой кровью», ему удастся доказать случайный, эпизодический характер преступлений США в Индокитае. Но эта попытка провалилась. В ходе проведенных процессов вопреки воле их организаторов мировая общественность получила новые свидетельства организованного характера преступлений, совершаемых вооруженными силами США в Индокитае. Именно в ходе этих процессов во всей своей преступной сущности

¹ Saturday Review, July 18, 1970, p. 60.

раскрылась система «боди каунт». И когда американское командование убедилось, что ссылки подсудимых на эту систему нельзя опровергнуть и что дальнейшее разбирательство чревато новыми разоблачениями, суды стали спешно оправдывать военных преступников на том основании, что они действовали на основании «приказа свыше».

В то же время американское командование, по существу, отказалось от привлечения к ответственности тех, кто отдавал такие приказы. Совершенно очевидно, что иная политика в этом вопросе завела бы слишком далеко. И это хорошо подметил в своей статье в американской печати бывший заместитель главного обвинителя от США на Нюрнбергском процессе Тэлфорд Тэйлор, который заявил, что возникающая проблема ответственности за преступления американских вооруженных сил в Индокитае не может быть решена несколькими судебными процессами в военно-полевых судах в отношении незначительных по рангу офицеров. «Проблема эта, — пишет он, — включает руководящую структуру американской акции во Вьетнаме, как политическую, так и военную»¹.

Именно такой вывод вытекает из всего опыта чудовищных преступлений США в Индокитае, именно такой вывод напрашивается, когда знакомишься с материалами книги Марка Лейна.

Сосдиненные Штаты ведут в Индокитае несправедливую войну и поставили перед собой преступные цели покорения целых народов. За последнее время мировое общественное мнение получило новые доказательства этому в опубликованных американской печатью секретных документах Пентагона.

С каждым днем становится все более и более ясным, что, пока продолжается агрессия, будут продолжаться и преступления.

Вот почему народы всего мира умножают свои усилия в борьбе против американской агрессии, вот почему становятся все более настойчивыми требования народов о прекращении войны и полном, безоговорочном выводе американских войск и войск союзников США из Индокитая.

Это главное, чего ждут люди, стремящиеся к миру на земле.

¹ San Francisco Chronicle, February 21, 1970.

ОТ АВТОРА

Вы — читатель этой книги — можете утверждать, что зверства присущи всем войнам, что война — это уже само по себе зверство, что обе воюющие стороны прибегают к подобным действиям. Однако для думающего человека эти утверждения отнюдь не убедительны.

Американские войска и их союзники во Вьетнаме ведут войну, в которой нет линии фронта. Они постоянно ищут противника. Такие обычные военные задачи, как преодоление сопротивления противника, захват стратегически важных районов, во Вьетнаме практически неосуществимы. Были изобретены новые критерии успеха: количество деревень, уничтоженных в результате операций по «поиску и уничтожению», и показатель, пожалуй беспрецедентный в истории войн, — так называемый «боди каунт». Без сомнения, во многих из уничтоженных деревень укрывали партизан и членов их семей. В каждой дотла сожженной деревне жили, разумеется, и гражданские люди. Когда убивают буйволов и птиц, портят посевы риса и опрыскивают смертоносными дефолиантами фруктовые деревья, то, конечно, тем самым нарушают снабжение противника продовольствием. Но одновременно нарушается снабжение продовольствием и нейтрального, гражданского населения. Эта программа вместе с бомбардировками на полное уничтожение, более массированными, чем все бомбардировки, предпринимавшиеся во время второй мировой войны обеими воюющими сторонами, сделала большие районы страны непригодными для использования войсками противника. Но они стали непригодны и для всего гражданского населения этой страны. В результате этой политики около миллиона вьетнамцев вынуждены жить в лагерях для беженцев.

Во многих отношениях война во Вьетнаме беспрецедентна, так как ее общая стратегия поощряет жестокости. Методы военных действий против повстанцев предполагают слишком поспешные решения. Ведь невозможно отличить любого гражданского от одетого так же повстанца за время, необходимое пуле, чтобы долететь до цели.

С первых же дней по прибытии во Вьетнам американский солдат слушает лекции по ориентации. Его предупреждают, что носить оружие и боеприпасы могут женщины и даже маленькие дети, что всех молодых людей следует рассматривать как «подозреваемых», что на деревьях и в высокой траве могут быть устроены мины-сюрпризы. Таким образом, враг уже опознан: враг везде, враг — это каждый. Тактика войны определяется ее основной стратегией. Дети действительно могут носить оружие, мин действительно много, и общая атмосфера в значительной степени действительно враждебна. Лекции, как бы одиозны они ни были, нельзя считать не относящимися к делу или полностью неверными в свете целей войны. Именно война и ее цели, а не лекции, их объясняющие, являются злом.

Молодые американцы поступают на военную службу под звуки фанфар победы, настолько реальной в умах военных, насколько в действительности более иллюзорной, чем сон.

Еще на прошлой неделе где-нибудь на Среднем Западе американский юноша приглашал на прогулку свою девушку и покупал ей содовую в местном кафе. А через шесть месяцев он будет убивать безоружных женщин и детей во Вьетнаме. Как же происходит эта трансформация, это превращение?

Начнем с обучения. Факты заставляют нас прийти к выводу, что начальное обучение морских пехотинцев проводится жестоко и направлено на то, чтобы лишить людей человеческого облика. Задача этого обучения — свести мышление человека до абсолютного минимума и превратить молодых людей в надежно действующие зубья машины убийства. Тот факт, что морская пехота часто действует очень эффективно, говорит не в пользу нашей цивилизации. Следует сказать, что обучение в других родах войск не ставит таких целей и в конечном счете не доходит до таких крайностей. Оно тоже предъявляет высокие требования, но менее жестокие. Факты свидетельствуют, что командиры преподают технику пыток лишь небольшой

группе военнослужащих, специально отобранных для ведения допросов, и даже не всем им.

Те, кого специально учат пыткам, составляют незначительное меньшинство американских военнослужащих во Вьетнаме. Но ведь и войска СС представляли собой незначительное меньшинство немецких военнослужащих!

Легко понять, что некоторые призывники не видят ничего необычного в новой для них тотальной обстановке. Большинство американцев, без сомнения, были потрясены, услышав впервые рассказ Уолтера Кронкайта о «боди каупт», с которым он выступил по телевидению. Сейчас, спустя годы, мы воспринимаем эти ежевечерние статистические сообщения так же, как счет в играх или сводку погоды на предстоящий день. А мы в отличие от военнослужащих находимся в обычной для нас обстановке. Мы можем, если хотим, придерживаться наших старых принципов и традиций.

Разумеется, легче лишить кого-то жизни, когда вы убеждены, что человек, которого вам предстоит убить, вовсе и не человек. Подсознательно вы лишаете противника всех человеческих качеств, отказывая ему в традициях и культуре. Он в вашем представлении уже не вьетнамец. Он «гук». В различных подразделениях и частях морской пехоты употребление слова «вьетнамец» применительно к противнику считается нарушением, наказуемым в обязательном порядке. За подобный проступок солдата заставляют сто раз отжаться от земли руками.

В конце марта 1970 года старший лейтенант Джеймс Б. Даффи был осужден за преднамеренное убийство во Вьетнаме. Его обвинили в том, что он приказал убить безоружного вьетнамского крестьянина. Когда было оглашено обвинительное заключение, прокурор сообщил суду, что подсудимый по этому обвинению может быть приговорен к пожизненному заключению. В связи с этим суд пересмотрел формулировки обвинительного заключения и признал Даффи виновным в непреднамеренном убийстве, присудив его к штрафу в 1500 долларов и шестимесячному тюремному заключению. Газета «Нью-Йорк таймс» писала, что в зале суда во время заседаний трибунала находились несколько военных юристов. Один из офицеров, по сообщению газеты, заявил: «Для многих из нас это всего лишь еще один пример применения правила ВНГ — «всего-навсего гук». Он пояснил, что этот термин

употребляют некоторые армейские офицеры-юрсты, которые рассматривают вьетнамцев отнюдь не как людей первого сорта.

На следующей неделе советник лейтенанта Даффи сообщил, то «суд вынес более легкое наказание, поскольку лейтенант Даффи делал только то, чего от него ожидала армия, и не совершал никакого преступления». И все-таки во время судебного разбирательства Даффи признался, что разрешил сержанту, находившемуся у него в подчинении, застрелить До Ван Мана — двадцатипятилетнего крестьянина, который был связан и не мог двигаться.

Несколько американских офицеров так прокомментировали дело Даффи. Один из них сказал: «Может быть, вы думаете, что убить ребенка — это бесчеловечно, но противник использует детей для доставки подсумков с боеприпасами на велосипедах». Другой офицер заметил, что он не стал бы расстреливать пленных, если бы они были столь «тяжелым грузом». А сам лейтенант Даффи заявил: «Некоторые люди, может быть, думают, что неправильно судить о подразделении только по числу людей, которых удалось убить этому подразделению. Я думаю, что это — единственный критерий, при помощи которого мы должны оценивать подразделение. Единственная цель, ради которой мы находимся на поле боя, — это убивать противника».

Если вы убедите ваших солдат в том, что противник не человек, что его в лучшем случае можно сравнить с тяжелым грузом, а в худшем с детоубийцей, и сообщите им затем, что их задача добиться наиболее высоких результатов в упражнении по подсчету убитых, можно ли удивляться, видя, во что превратилась война.

Если американцы очень мало знают о тех чудовищных жертвах, которые несет в войне гражданское население Южного Вьетнама, то они почти ничего не знают, какую реальную цену платит Америка за свою авантюру. А мы приносим в жертву целое поколение.

Весьма характерные данные для войны во Вьетнаме можно узнать в госпиталях Японии и Соединенных Штатах Америки. Майор Томас Энгельсинг, сейчас заведующий стационарным психиатрическим отделением 97-го армейского госпиталя общего назначения во Франкфурте-на-Майне, рассказывал мне о медицинской помощи раненым во Вьетнаме: «...раненым спасают жизнь, спасают

жизнь людям, которые в любой другой войне умерли бы, людям с многочисленными ампутациями, слепым, с очень серьезными ранениями мозга». В результате армейские службы переполнены людьми, здоровье которых нельзя восстановить.

Он сообщил далее, что получил «директиву не эвакуировать раненых в Соединенные Штаты, потому что в США их полно; для них больше нет места».

Майор Энгельсинг признался, что медслужбы в Германии настолько переполнены, что он вынужден игнорировать эту директиву. Полковник, только что вернувшийся в Германию из Соединенных Штатов, рассказал майору Энгельсингу, что условия в армейских госпиталях и госпиталях администрации по Вьетнаму ужасные, что помещения забиты ранеными, что многие врачи и санитары не находят в себе сил переносить и дальше эту угнетающую обстановку и просят перевести их в Германию или даже во Вьетнам. Условия в армейских и флотских госпиталях в Японии такие же, а может, и хуже.

Власти тем не менее нашли новый метод снижения цифры потерь. Человек, у которого оторваны обе руки и обе ноги и страдающий неизлечимым поражением мозга, числится в Пентагоне всего-навсего как раненый. Если этот «раненый» умирает в армейском госпитале в Соединенных Штатах, Японии или на Окинаве, его зачисляют в список военнослужащих, умерших дома. А этот список не включается в общие военные потери. Таким образом потери США во Вьетнаме придерживаются на «приемлемом, — по терминологии Пентагона, — уровне». Врачи и медицинские работники говорили мне, что на каждого военнослужащего, погибшего на поле боя, приходится, вероятно, еще один, умирающий где-то в госпитале. А на каждого умершего приходится один или два раненых, которые никогда не вернутся в строй. Официальная цифра американцев, убитых во Вьетнаме, превышает 45 тысяч. Но если говорить точнее, число навсегда потерянных молодых людей в несколько раз больше этой цифры. Кроме того, не следует забывать, что огромному числу всех тех, кто воевал во Вьетнаме и не был физически ранен, нанесен непоправимый моральный ущерб.

Многие солдаты возвращаются домой контуженными после первых же разрывов снарядов. Но нередко совершенно нормальные люди принимают рациональное реше-

ние рисковать своей жизнью во имя дела, в которое они верят. До отправки во Вьетнам солдатам говорят, что их задача защищать вьетнамцев от коммунизма. Но проходит немного времени, и американские солдаты сжигают деревни, убивают «подозрительных», даже если они не уверены, что это действительно враги. Где-нибудь на фронте солдат наконец задумывается над тем, зачем он здесь. Толчком к этому обычно служит рапение, гибель друга, близкое соприкосновение с противником, нападение из засад. Армейский девиз «Вы здесь для того, чтобы защищать этих людей» перестает быть приемлемым объяснением, тем более если учесть поведение армии. Пока от молодого человека требуют, чтобы он убивал и подвергал себя риску быть убитым, у него нет цели, во имя которой он воюет, и решение остаться и воевать уже не его решение. Он не подготовлен к тягостям войны, а еще меньше к тому, чтобы их переносить.

Однако государственный департамент использует даже это обстоятельство. Время от времени в США публикуются материалы, доказывающие, что дезертиры в Швеции — люди неудовлетворенные, организаторы беспорядков и преступники. Эти материалы почти всегда фальшивы, и соответствующие органы шведского правительства не раз веско доказывали их несостоятельность. Тем не менее некоторая часть молодежи действительно обеспокоена и отличается повышенной подозрительностью и враждебными настроениями. Но прежде чем сбросить со счетов этих молодых людей, следует выяснить, можно ли рассматривать их как ненадежных лишь потому, что они сбежали из страны, внедряющей жестокость?

Их рассказы составляют первую часть этой книги. Я встречался и разговаривал с ними в Швеции, Франции и Западной Германии. Я вернул из Европы с рукописью, куда вошли главным образом рассказы тех, кто служил своей стране во Вьетнаме, а затем дезертировал. «Почему вы дезертировали?» — спросил я одного молодого человека. Он ответил: «По той же самой причине, по которой я пошел в армию и добровольно поехал во Вьетнам, — чтобы служить своей стране».

Мой друг и консультант Скотт Мередиц предлагал рукопись книги более чем двадцати издателям. Представители многих издательств проявили интерес к рукописи, но большинство одновременно выразили озабоченность,

граничившую с тревогой. Они не знали, можно ли публиковать такую книгу. Не знали, какие последствия для издателя может повлечь ее публикация. Наиболее серьезный ответ поступил от издательства «Симон и Шустер». Редакторы этого издательства также были потрясены материалом, но согласились издать его, если он будет документирован и подтвержден. Несколько редакторов «Симон и Шустер» и я провели большую часть дня, прослушивая записанные на пленку интервью, которые я взял в Париже и Стокгольме.

К концу января 1970 года издатель сделал мне предложение опубликовать первую часть этой книги, то есть интервью с дезертирами, при условии, что я возьму дополнительно интервью с теми, кто находится на действительной службе, или с теми, кто уволен с действительной службы с наградами. Другое существенное требование состояло в том, чтобы я получил от интервьюируемых и представил документальные подтверждения заявлений, сделанных в интервью. Я встретил это требование со сдержанным оптимизмом. Дезертирам не грозило преследование, так как они находились вне Соединенных Штатов и не сознавались в совершении преступлений, за которые им грозила бы высылка. Что касается военнослужащих, то у них было больше оснований для беспокойства, поскольку им грозило наказание по общему дисциплинарному уставу армии. Даже те, кто был уволен из армии с наградами, могли так или иначе оказаться уязвимыми за то, что они рассказали. Я задавал себе вопрос: кто сможет взять документы из казарм корпуса морской пехоты или тайно вывезти фотографии из Вьетнама?

В это время меня пригласили выступить в качестве свидетеля защиты в Чикаго по делу о заговоре. Находясь в этом городе, я беседовал с бывшим сержантом и командиром отделения, который вывез несколько таких фотографий из зоны военных действий. Позже в комнате для свидетелей я разговаривал с Питером Мартинсенем, который участвовал в допросах военнопленных во Вьетнаме. Меньше чем за месяц я взял интервью у тридцати семи военнослужащих, находящихся на действительной службе, и у ветеранов, уволенных с действительной службы с наградами, в том числе у военных следователей, пулеметчиков вертолетов, командиров взводов, медицинских работников и военнослужащих, приданных подразделе-

пиям разведки во Вьетнаме. Я брал интервью в штатах Джорджия, Южная Каролина, Техас, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Иллинойс, Калифорния и в Вашингтоне. Эти люди все вместе заслужили более ста медалей, нашивок и были неоднократно отмечены по службе за героизм.

Каждый сделавший заявление понимал, на какой риск идет, но каждый дал мне письменное разрешение опубликовать его заявление. Заявления эти иногда звучали как обвинения, часто они принимали форму признания. Значительное число интервью, которые я взял за последний месяц, не вошли в книгу, но опубликованные наиболее типичны для всех и отобраны, во-первых, по этому признаку, а во-вторых, потому, что в них содержатся либо уникальные факты, либо своеобразная точка зрения. Многие из интервьюируемых выражали горькое сожаление по поводу тех действий, в которых они принимали участие. В некоторых случаях я решил заменить настоящее имя вымышленным. В каждом случае такое имя помечено в тексте звездочкой (*). Кроме того, были изменены некоторые имена, приводимые в интервью. Конечно, каждый человек сам несет ответственность за свои действия, но я бы не хотел участвовать в процессе, в котором вся злоба разъяренной публики обрушивается на нескольких нарушителей, действия которых, как бы ни были они ужасны, являются результатом стратегии, одобренной обществом в целом.

Марк Лейн

ТЕ, КТО НЕ ВЕРНУЛСЯ

ПОДГОТОВКА

Чак Онан

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Чак Онан.

Вопрос. Сколько вам лет?

Ответ. Двадцать.

Вопрос. Когда вы вступили в корпус морской пехоты?

Ответ. В апреле 1967 года.

Вопрос. Добровольно?

Ответ. Да.

Вопрос. Где вы родились?

Ответ. В Германии.

Вопрос. Ваша семья немецкого происхождения?

Ответ. Нет. В нашей семье на одну четверть негритянской крови, на одну четверть индийского племени «чероки», на одну четверть ирландской, на одну четверть французской.

Вопрос. Вы учились в школе?

Ответ. Да, в Бойзтауне, штат Небраска.

Вопрос. Вы отправились в корпус морской пехоты прямо из Бойзтауна?

Ответ. Практически да. Пару месяцев спустя после того, как записался в Окленде, штат Калифорния.

Вопрос. Где вы проходили начальное обучение?

Ответ. В Сан-Диего, штат Калифорния.

Вопрос. Сколько вы там пробыли?

Ответ. Четыре месяца.

Вопрос. А куда вы направились оттуда?

Ответ. Меня направили в Кэмп Пендлтон для прохождения повышенного курса боевой подготовки.

Вопрос. Вас специально готовили для военных действий во Вьетнаме?

Ответ. Да.

Вопрос. Как?

Ответ. Лекции, упражнения и подготовка в полевых условиях, а также в горах. Все это в комплексе.

Вопрос. Сколько вы оставались в Кэмп Пендлтоне?

Ответ. Четыре-пять месяцев.

Вопрос. А куда вас направили потом?

Ответ. В Мемфис, штат Теннесси, на базу морской авиации. Я был там в парашютной школе.

Вопрос. Сколько раз вы прыгали с парашютом?

Ответ. Семь.

Вопрос. Сколько вы пробыли на базе?

Ответ. Больше трех месяцев.

Вопрос. А оттуда куда?

Ответ. В Бофорт, Южная Каролина, на базу морской пехоты. Я там пробыл около месяца.

Вопрос. А какую подготовку вы проходили там?

Ответ. Я учился в школе «Скуба».

Вопрос. Это школа подводников?

Ответ. Да.

Вопрос. Почему вас так специально и интенсивно готовили?

Ответ. Я был в составе специальных подразделений корпуса морской пехоты, это что-то вроде «зеленых беретов».

Вопрос. Вас учили допрашивать военнопленных?

Ответ. Да.

Вопрос. Где?

Ответ. На всех базах. В последний же месяц, когда меня готовили уже непосредственно к отправке во Вьетнам, этому уделяли много внимания, особенно в школе «Скуба», где мы проходили также курс по выживанию в джунглях. Там нас тоже учили, как пытать военнопленных.

Вопрос. Кто учил вас этому?

Ответ. Главным образом сержанты, но в этом принимали участие также и офицеры — лейтенанты, а иногда и капитан.

Вопрос. Что вас учили делать?

Ответ. Пытать пленных.

Вопрос. Как?

Ответ. Нам рекомендовали много методов.

Вопрос. Какие, например?

Ответ. Снять обувь с пленного и бить его по подошвам ступней. Но это еще довольно мягкая пытка по сравнению с некоторыми другими.

Вопрос. Каким же другим методам вас учили? Вы можете вспомнить?

Ответ. Я пытался забыть все это за последний год.

Вопрос. Каким другим методам вас учили? Можете вы привести еще один пример?

Ответ. Нас учили применять электро- и радиооборудование, например присоединять электроды к половым органам.

Вопрос. Вам все это показывали на практике или просто рассказывали, как нужно действовать?

Ответ. Показывали на схемах.

Вопрос. Где были эти схемы?

Ответ. На доске.

Вопрос. Их рисовал кто-нибудь из сержантов?

Ответ. Нет. Это были отпечатанные схемы. Их прикалывали кнопками к доске.

Вопрос. Они показывали, как прикреплять электроды для пыток?

Ответ. Да.

Вопрос. Чему еще вас учили?

Ответ. Выдергивать ногти.

Вопрос. Какой инструмент рекомендовали для этого?

Ответ. Плоскогубцы.

Вопрос. Кто объяснял вам этот метод?

Ответ. Сержант.

Вопрос. Каким другим методам вас еще учили?

Ответ. Применять бамбук.

Вопрос. Как, например?

Ответ. Загонять под ногти и забивать в уши.

Вопрос. Вам демонстрировали эту технику?

Ответ. Да. Однажды я видел, как парня ударом по ногам повалили навзничь и били винтовкой.

Вопрос. Сколько морских пехотинцев было в группе на этих лекциях по технике пыток?

Ответ. Не больше двадцати.

Вопрос. Вам давали специальные инструкции о том, как допрашивать женщин?

Ответ. Да.

Вопрос. Что же предлагалось?

Ответ. Это довольно садистские методы. Не хочется говорить об этом. Что толку в том, что я расскажу. Я пытаюсь все забыть, выбросить из головы.

Вопрос. Я намерен опубликовать все, о чем вы мне рассказываете. Вы слышали, как недавно Никсон заявил, что Сонгми — единичный случай, что американские солдаты щедры и добры? Если морских пехотинцев учат пытаться вьетнамцев, не думаете ли вы, что это должно стать известно?

Ответ. Конечно, нас учили пыткам. Но люди не хотят знать этого или поверить в это. Если есть хоть какая-то надежда, что это поможет, я, конечно, расскажу.

Вопрос. Как вас учили пытать пленных женщин?

Ответ. Раздеть их, повалить на землю и загонять отточенные планки или штыки в половые органы. Нам также говорили, что мы свободно можем насиловать девушек.

Вопрос. Что еще?

Ответ. Нам показывали, как вскрывать фосфорные бомбы, не взрывая их, и посыпать фосфором места, где боль ощущается сильнее всего.

Вопрос. Какие именно?

Ответ. Глаза и половые органы.

Вопрос. Предлагали вам использовать какие-нибудь другие химические вещества?

Ответ. Да. Отравляющее вещество «Си-эс».

Вопрос. Как оно используется? Это что, порошок?

Ответ. Да, это порошок. Нас учили открывать контейнеры и применять «Си-эс» в качестве яда. Мы должны были заставлять пленных есть его.

Вопрос. Вам читали лекции об использовании вертолетов?

Ответ. Да. Нам говорили, что мы можем посадить в вертолет нескольких пленных и выбросить одного. Тогда остальные заговорят. Рассказывали также о том, как однажды во Вьетнаме руки и ноги пленного привязали к двум вертолетам. Вертолеты поднялись в воздух, и пленный был разорван.

Вопрос. Кто рассказывал вам об этом?

Ответ. Один из наших инструкторов, сержант.

Вопрос. Он действительно видел все это?

Ответ. Он сам это делал.

Вопрос. У вас была обширная подготовка по применению вертолетов?

Ответ. Нам преподавали специалисты по вертолетам. Нас учили нескольким методам пыток при помощи вертолетов. Один из методов такой. На вертолете есть веревка, которая автоматически опускается и поднимается. Она предназначена, чтобы вытаскивать тонущих людей. Нам показывали, как привязать пленного на этой веревке и, накинув ему на шею другую небольшую веревку, спускать его. Вербка вокруг шеи постепенно затягивается и вот-вот задушит пленного. Это один из способов использования вертолетов для пыток. Еще можно привязывать пленных к основаниям посадочных рельсов вертолета, а потом лететь над вершинами деревьев. Человек испытывает острую режущую боль.

Вопрос. Это была часть вашей подготовки в корпусе морской пехоты?

Ответ. Да, нам преподавали эту технику и другие методы применения вертолета. Нам также говорили, что наиболее простой и наиболее распространенный способ — это поднять нескольких пленных в воздух и затем выбросить одного или двоих, чтобы остальные заговорили. Это нужно делать особым образом, вы понимаете, с предосторожностями, чтобы не вывалиться самому. Нам показывали, как это делать.

Вопрос. Сколько же продолжалась ваша подготовка к ведению допросов с применением пыток?

Ответ. Она началась на второй базе и продолжалась до самого конца. В среднем — пять часов в неделю в течение более шести месяцев.

Вопрос. Значит, на это было потрачено больше учебных часов, чем идет на подготовку студента колледжа по основному предмету? На юридическом факультете, где я учился, основной предмет — уголовное право — я изучал только два часа в неделю в течение пяти месяцев.

Ответ. Да, нас тщательно готовили, чтоб мы умели проводить пытки. Но это лишь формальная сторона. Наши инструкторы, сержанты, жили с нами. И они все время рассказывали о том, что делали во Вьетнаме.

Вопрос. О чем же они говорили?

Ответ. О расстрелах пленных, о пытках, об изнасилованиях. У сержантов были и фотографии всего того, о чем они рассказывали.

Вопрос. Ну и как вы, новички, реагировали на эту подготовку?

Ответ. Положительно. Большинству она нравилась. Морских пехотинцев готовили из добровольцев, и им хотелось скорее поехать во Вьетнам, чтобы там применить полученные знания. А сержанты изображали все это дело в наиболее привлекательном свете. Нам говорили, что можно убивать сколько угодно...

Вопрос. А что говорили сержанты об обращении с пленными женщинами? Это использовалось как побуждение морских пехотинцев к отправке во Вьетнам?

Ответ. Да. Они говорили, что насиловали девушек и что любой морской пехотинец тоже может безнаказанно делать это.

Вопрос. Когда вы покинули корпус морской пехоты?

Ответ. В феврале 1968-го.

Вопрос. Почему вы сбежали?

Ответ. Я получил приказ направиться во Вьетнам.

Вопрос. Как вы относились к службе в корпусе морской пехоты во время подготовки?

Ответ. Все шло гладко, но на последней стадии подготовки стало очень противно.

Вопрос. Что вы делаете в Стокгольме сейчас?

Ответ. Хожу в школу, изучаю французский. На следующий год начну заниматься в музыкальной школе, буду играть на гитаре и сочинять музыку. А шведский язык я уже изучил.

Терри Уитмор

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Терри Уитмор.

Вопрос. Сколько вам лет?

Ответ. Двадцать два.

Вопрос. Где вы родились?

Ответ. В Мемфисе, штат Теннесси.

Вопрос. Вы записались добровольно?

Ответ. Да. Но это произошло после того, как я получил повестку на прохождение военно-медицинской комиссии. Меня уже должны были призвать. В шестнадцать лет мне сделали серьезную операцию, и я думал, что никогда не пройду комиссию. Я думал, мне скажут: «Ты нам не

нужен. Ты больной, парень». Однако на комиссии мне сказали, что я в лучшей форме. Мне не хотелось служить в сухопутных войсках. Я думал, что флот лучше, что там интереснее, да еще и этот маленький берет на голове. И я пошел, чтобы записаться на флот. А мне говорят: «У нас вот сколько желающих» — и в доказательство показывают длинный список.

Вопрос. Приходило ли вам в голову, что этот офицер, вербовщик, не хотел включать вас в список потому, что вы негр?

Ответ. Да. Вообще-то я думал об этом, но точно не знаю. Затем приходит ко мне парень — вербовщик из корпуса морской пехоты, во всем голубом и очень строгий. Он рассказал мне все о преимуществах службы в морской пехоте и потом стал внушать мне: «Послушай, ведь ты хочешь быть на рождество дома? Я обожаю быть на рождество дома, для меня это лучшее время года. В армию тебя призовут сразу же, но если ты запишешься в корпус морской пехоты, тебе не нужно будет отправляться на службу немедленно, по крайней мере еще три или четыре месяца». Это было в октябре 1966 года. А парень все провоцирует меня: «Армия заберет тебя сейчас, а я даю тебе возможность побыть еще дома».

В результате я поехал вместе с ним на комиссию, чтобы пройти окончательную медицинскую проверку и принять присягу. Потом я оказался на этой большой птичке, что летела в Пэррис Айленд¹. Это ад крошечный. Инструкторы здесь доводят новобранцев до такого состояния, что даже дышать нужно просить разрешения. В туалет разрешают выходить три раза в день и пускают не тогда, когда вы хотите, а тогда, когда они вам говорят. Единственное, что слышишь каждый день с утра до вечера, это «убей!». Это «убей! убей! убей!» буквально вбивается в призывников. В Пэррисе нас никогда не называли морскими пехотинцами. Инструкторы называли нас девками, дерьмом, как угодно, но никогда не пехотинцами. Старший инструктор у меня был негр. Я думал сначала, что это очень здорово. Я впервые попал в лагерь, я вообще впервые уехал из дому и вдруг вижу: этот инструктор бьет парней. Разбивает им головы. «Дьявольщина, куда же я попал?» — думаю. А он хватает негритянского парня,

¹ В Пэррис Айленде находится лагерь подготовки новобранцев морской пехоты. — *Прим. авт.*

который стоит передо мной, бьет его наотмашь, потом дает ему по челюсти, затем в живот. Парень падает. «Этот парень — негр, — думаю я. — Он должен быть на нашей стороне, а он бьет черных».

Все инструкторы заставляли нас кричать «убей! убей! убей!». Каждую ночь, перед тем как лечь спать, мы повторяли «убей!». Это стало нашим лозунгом. Перед сном необходимо было прочитать молитву, в которой прямо говорится: «Убей! Убей! Убей!» А еще следовало молиться за войну. Прямо на стене висела отпечатанная молитва, и каждый должен был читать ее вслух. «Убей» — это слово стало частью нашей жизни. «Морские пехотинцы — это убийцы». Инструкторы все время повторяли нам это. А все вместе мы должны были повторять: «Мы убиваем». И, конечно, нам постоянно твердили о разнице между армией и морской пехотой. У нас был даже курс по истории корпуса морской пехоты. Там разбирали разные сражения. «Запомни этот бой, когда корпус морской пехоты должен был вмешаться, чтобы выручить из беды проклятую армию. Каждый день помни это, парень!» «Морские пехотинцы были на холме Порк-Чоп!» «Морские пехотинцы установили флаг на Иводзима!» «Если бы не морская пехота, Америки бы не было!» Мне кажется, инструкторы верили в это. А если даже и не верили, все равно заставляли нас верить. Они вбивали это в голову каждый день. По окончании курса обучения в Пэrrисе я стал обычным морским пехотинцем, и любой гражданский, и любой армейский солдат для меня уже был дерьмом. «Если вы не в морской пехоте, бейби, то вы никто».

Я пробыл в Пэrrисе три месяца. Кажется, теперь они пропускают парней через это побыстрее. Нам говорили: «Пулеметы не могут задеть морского пехотинца». Однако многие морские пехотинцы убиты во Вьетнаме. Их задевают и сейчас, поэтому все быстрее прогоняют парней через лагеря подготовки. У нас каждый день проходили занятия по штыковому бою. Когда мы загоняли штык в чучело, мы должны были орать «убей!». Потом мы избивали чучело прикладом и загоняли в него штык. При этом мы кричали на чучела, что они — грязные подонки, гуки и косоглазые. Вы верите, стоим мы и орем на чучела. Сейчас это кажется сумасшествием, но тогда все было нормально. Своих противников мы называли чарли, гуками, косоглазыми или плоскоголовами. Только вьет-

памцами нам их было запрещено называть. Большинство наших инструкторов побывали во Вьетнаме. Они рассказывали, как пытали пленных. «Помнишь, как мы выбили кишки из того чарли?» Один сержант рассказал, как застрелил старую женщину: «Я выбил из нее мозги». А другой сержант тоже похвастался: «А помнишь операцию, когда я подстрелил старика в задницу и выбил мозги из мальчишки?» Таких воспоминаний мы наслушались вдоволь. Из Пэрриса я отправился в Кэмп Лежон, в Северную Каролину, а потом получил приказ о прохождении службы на море. Вот это действительно дело! Служба на море два года! Быть всего-навсего «ракушками» — с моряками! Отправляешься на корабль и сторожишь его два года! Мне повезло — я избежал Вьетнама! Проведя месяц в Кэмп Лежоне, я поехал домой в отпуск. Вот это было время! Поехал домой в форме и ботинках. Я был морской пехотинец. А знаете ли вы, что это значит? Это значит, что я мог побить кого угодно! И мне действительно прочистили мозги: за три дня до выезда из дому в Норфолк для прохождения службы на море я получил телеграмму. Это был приказ вернуться в Кэмп Лежон. Я позвонил парню, который был вместе со мной в лагере подготовки. Он тоже получил назначение на морскую службу. Его звали Уайт. Этот парень был белый. И он получил такую же телеграмму. Первое, что я сделал, это поспешил к телефону и позвонил ему: «Ты заглядывал в почтовый ящик?» Он ответил: «Да, я только что собирался позвонить тебе и спросить об этом же». Я понял, что это значит: я уже на пути во Вьетнам. Но я не мог сказать об этом матери. «Мама, я еду назад. Наверное, я должен пройти еще какую-то подготовку. Наверное, мне нужно еще лучше научиться говорить «убей!». А потом все будет нормально». Мать сказала: «Сынок, ты едешь во Вьетнам». — «Нет, нет, я только еду снова на подготовку». Когда мы прибыли в Кэмп Лежон, нам сразу все выложили. Мне сказали: «Надеюсь, ты знаешь, что направляешься в горячий Нам?» Я понял, что еду на войну. Я был перепуган, но не хотел показывать этого и ответил: «О'кэй! Дайте мне поехать туда и убить пару гуков». Я помню, что сказал мне инструктор тогда в лагере: «Ты едешь воевать. Ты едешь воевать там, во Вьетнаме, с этими грязными, вонючими косоглазыми. А воевать ты с ними будешь потому, что как бы тебе понравилось, если бы эти грязные, маленькие,

вонючие оказались бы здесь, в США, насильовали бы твою сестру или мать и уничтожили бы нашу страну? Как бы тебе это понравилось?» В ответ нам полагалось очень громко рычать — так нам не правилась эта мысль. И мы действительно громко ревели, так, что крыша здания чуть не поднялась в воздух. Однако инструктор сказал что-то вроде: «Девки, мне кажется, вам хочется, чтобы эти... оказались здесь. Мне кажется так потому, что вас едва слышно». И мы должны были орать во все горло «убей!». Мы были морскими пехотинцами. Мы были грозными и жестокими.

Марк Уоррэлл

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Марк Уоррэлл.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Я вырос в Калифорнии. Затем поступил в университет штата Орегон, где пробыл с 1964 по 1967 год. Когда у меня кончились деньги, я записался добровольцем. Тогда нам говорили: «Давайте разобьем Вьетконг во Вьетнаме, иначе нам придется воевать против него в Калифорнии». Я записался в корпус морской пехоты в мае 1967 года, когда мне было девятнадцать с половиной лет.

Вопрос. Где вы проходили учебу?

Ответ. В Сан-Диего, в течение восьми недель. Затем еще две недели проходил специальную пехотную подготовку в Кэмп Пендлтоне в Калифорнии. Вся подготовка состояла в том, чтобы научить нас убивать. Мы должны были кричать «убей! убей! убей!». У нас была также и идеологическая подготовка. Нам говорили, что армия — это дерьмо, что единственный ценный род войск — это корпус морской пехоты. Все было направлено на то, чтобы сделать из нас убийц. Нам постоянно твердили, что вьетнамцы — это животные, что это не люди, что мы можем делать с ними все что угодно. Нам говорили, что мы можем, убив гука, разрезать его пополам, потому что это не человек. Перед отправкой во Вьетнам я прошел подготовку в учебном батальоне. Занятия там проводились весьма интенсивно. Принимались все меры к тому, чтобы прославить уничтожение и пытки этих «низких» вьетнамцев. Сержант всегда называл их гуками или плоскоголовыми.

Их не разрешалось называть вьетнамцами. Однажды, когда один из парней назвал их вьетнамцами, сержант заявил, что он, «проклятый, любит гуков».

Эд Трератола *

Вопрос. Вас зовут Эд Трератола?

Ответ. Да.

Вопрос. Откуда вы родом, Эд?

Ответ. Из Хантингтона.

Вопрос. Вы записались добровольно или вас призвали?

Ответ. Я записался в корпус морской пехоты, чтобы попасть в авиационную школу.

Вопрос. Какое до этого было у вас образование?

Ответ. Я окончил среднюю школу.

Вопрос. Какую?

Ответ. Хантингтонскую среднюю школу.

Вопрос. Окончив школу, вы сразу же добровольно вступили в вооруженные силы?

Ответ. Да.

Вопрос. На три года?

Ответ. На четыре.

Вопрос. Вы как-нибудь оговорили ваше желание получить специальное образование, прежде чем подали заявление?

Ответ. Да. Я договорился, что меня зачислят в летную школу. Я хотел стать механиком реактивных самолетов. Однако когда я кончал школу, у меня развился дальтонизм, и меня перевели в пехоту.

Вопрос. Где вы проходили начальную подготовку?

Ответ. В Пэррис Айленде.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. В мае 1967 года.

Вопрос. Сколько продолжалась ваша подготовка?

Ответ. Я провел восемь недель в Пэррис Айленде. Затем меня перевели в Кэмп Лежон, где я провел еще четыре недели. Это специализированная школа, где готовят минометчиков, стрелков и пулеметчиков.

Вопрос. Куда вы были направлены после Кэмп Лежона?

Ответ. В Мемфис, штат Теннесси. Меня направили в авиационную школу, и я провел там две недели. Когда я проходил медицинскую комиссию, обнаружилось, что

я не различаю цвета. Тогда меня перевели в сборную роту еще на две недели и затем отправили в Кэмп Пендлтон, где я проходил подготовку еще в течение восьми недель.

Вопрос. Вас готовили для службы во Вьетнаме в течение всего периода обучения?

Ответ. Это составляло основу всей моей подготовки.

Вопрос. В чем состояла подготовка?

Ответ. В Пэррис Айленде нам не позволяли оставаться одним. Мы должны были находиться в части весь день, а в город выходили только в сопровождении сержантов. Это было похоже на ад. Нам даже не разрешалось распечатывать личные письма, если рядом не было сержанта. Нас постоянно заставляли бегать по территории части и распевать о том, как хорошо убивать гуков, вьетконговцев. Когда наступало время обеда и мы отправлялись в столовую, то, прежде чем нам разрешали приступить к еде, мы должны были с максимальным напряжением наших легких три раза прокричать «убей!». Если мы кричали недостаточно громко, нас заставляли делать упражнения и говорить: «Это для грязных ублюдков во Вьетнаме» и т. п., отжиматься на руках от земли и всякие другие упражнения.

Вопрос. Что была за песня, которую вы пели?

Ответ. Это была песня парашютистов. Бегая, мы говорили: «Вьетконг. Вьетконг. Убей! Убей! Убей! Должен убить! Должен убить! Потому что это весело, потому что это забавно».

Вопрос. Было ли предусмотрено еще что-нибудь подобное этому обязательному пению?

Ответ. У нас на стене висела молитва. Во всех казармах морских пехотинцев в Пэррис Айленде висит эта молитва. Это — молитва за войну. Каждый вечер, прежде чем лечь спать в девять часов, мы должны были молиться о том, чтобы была война, чтобы морские пехотинцы всегда были в движении, потому что в том и состоит их работа — воевать.

Вопрос. Вас учили пользоваться штыком, винтовкой или другим оружием?

Ответ. В Пэррисе в течение двух недель меня учили владеть штыком, затем еще две недели владеть ножом и две недели вести ближний бой. Все остальное время было занято главным образом лекциями о том, что нас ждет во Вьетнаме.

Вопрос. В лагере подготовки новобранцев или позже вас учили допрашивать пленных?

Ответ. Нет, потому что я был пехотинцем. Это касалось главным образом разведчиков и специалистов допроса. А нам говорили, что если мы когда-нибудь и захватим пленного, то, вероятно, все равно его не приведем.

Вопрос. Кто говорил вам это?

Ответ. Это нам говорил один младший офицер. Я забыл его имя. Он был морским пехотинцем — первым, кто сжег деревню во Вьетнаме. Его фотография, по-моему, была в журнале «Лайф». Он стоит и держит в руках зажигалку «Зипшо», которой поджигал хижины. Сначала его чуть не уволили из корпуса морской пехоты, но вместо этого вскоре назначили инструктором в Пэррис. Там все смотрели на него с почтением, потому что он не рассказывал, сколько убил вьетконговцев, сколько сжег деревень и как это было весело и что нам это здорово попадется, когда мы попадем туда.

Вопрос. А рассказывал ли он когда-нибудь о допросах пленных?

Ответ. Нет. Он участвовал главным образом в операциях по «поиску и уничтожению». Задача морских пехотинцев — пройти через деревню и полностью уничтожить ее. Затем идут армейские санитарные подразделения и срашивают ее с землей. Мы, морские пехотинцы, никогда не берем пленных.

Вопрос. Можете ли вы отметить еще что-нибудь характерное для вашей подготовки?

Ответ. Это было, когда мы проходили курс «Как выжить в зимних условиях». Сержант принес на занятия маленького белого кролика. Он держал его на руке и гладил. Все мы стояли и думали: «Что за чертовщина?» Затем сержант сказал: «Так вот, парни. Вы должны научиться делать себе обувь, если хотите выжить в холодную погоду». Он взял кролика, оторвал ему голову и содрал кожу.

Нам постоянно демонстрировали всякого рода жестокости. Вот пример. Если, находясь на стрельбище, солдат неправильно держал винтовку, то его заставляли отвести затвор винтовки, всунуть язык в наз и нажать на спусковой крючок. Затвор возвращался на место и бойком пробивал язык. Получалась большая рана.

Мы должны были также стоять по стойке «смирно», в то время как сержанты, если им этого хотелось, били нас. Иногда нас загоняли по тридцать человек в душевую комнату, рассчитанную на двенадцать, накрывали плащ-палаткой, пускали горячую воду и заставляли драться друг с другом. Если мы не затевали драку, нас оставляли там надолго. Мы почти всегда избивали друг друга до бесчувственного состояния.

Вопрос. Вы много говорили об отправке во Вьетнам?

Ответ. Все стремились к этому. Тогда нам война казалась похожей на занятия по штыковому бою, когда инструктор дает команду «Коли!» и мы втыкаем штык в мишень или когда он командует: «Убей гука» и мы бьем мишень прикладом. Постепенно у солдат появляется желание убивать, потому что их все время учат этому и внушают, что убивать действительно интересно и очень забавно. По истечении какого-то времени человек не чувствует угрызений совести и сдается.

Призыв к солдатам во Вьетнаме:

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ С УДАЧНОЙ ОХОТЫ!

Линдон Б. Джонсон,
президент США

**Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛЮБЛЮ НАБЛЮДАТЬ,
КАК ЛЕТЯТ В ВОЗДУХ РУКИ И НОГИ!**

Полковник Джордж С. Паттон,
командир 11-го бронекавалерийского полка

СТАТИСТИКА

Ален Козн

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Ален Козн.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Ньютона, штат Массачусетс.

Вопрос. Что вы делали до поступления на военную службу?

Ответ. Я окончил среднюю школу и один год учился в Бостонском университете. Потом я бросил университет. Меня должны были уже призвать, и я решил добровольно записаться в армейскую службу безопасности — орган военной разведки. Больше года меня готовили в Соединенных Штатах. Сначала я прошел начальную подготовку в Форт-Диксе, штат Нью-Джерси, затем учился в институте иностранных языков министерства обороны в Калифорнии, где в течение тридцати семи недель изучал язык суахили. Потом после небольшого отпуска меня снова направили в восточные районы страны. Я прошел курс обработки разведанных, получаемых в результате радиоперехвата. Потом пароходом я отправился на станцию Каглю, в Асмаре (Северная Эфиопия). Это столица северной провинции страны.

Вопрос. Что вы там делали?

Ответ. Во-первых, я должен был воспользоваться знанием языка суахили при радиоперехватах в Восточной Африке, обрабатывать данные и направлять соответствующую разведывательную информацию в Вашингтон. Все мы имели допуск по форме «Совершенно секретно». Вся наша работа проходила под прикрытием. Прикры-

тием для станции Кагню служили задачи якобы срочной передачи по радио информации между Африкой, Ближним Востоком и остальными районами земного шара. Мы делали также вид, что пытаемся связаться по радио со спутником «Телстар» и другими. Эта работа действительно велась, но главным образом для того, чтобы скрыть нашу настоящую деятельность. Нашей действительной задачей был перехват радиопередач для выявления дислокации войск в Африке и на Ближнем Востоке. У нас работали сотни специально подготовленных людей. Мы должны были добывать и направлять информацию в управление национальной безопасности, работающее в Форт-Миде, штат Мериленд, где анализировались данные радиоперехвата соответствующих служб вооруженных сил.

Вопрос. Эта операция проводилась только в рамках армейской разведки или в ней участвовали также и другие организации?

Ответ. Там работали также представители Центрального разведывательного управления, Управления национальной безопасности, разведывательных управлений сухопутных войск, ВМС и ВВС.

Вопрос. Сколько времени вы находились там?

Ответ. Восемь месяцев.

Вопрос. Передавали ли эти станции и другие разведданные в Соединенные Штаты?

Ответ. Да. Кроме того, что мы передавали информацию о войне на Ближнем Востоке, мы имели доступ к ежедневным и еженедельным сообщениям из Вьетнама. Мы стали одним из центров распространения информации для ежедневных сообщений, и нам наиболее очевиден был разрыв между необработанной развединформацией и той, которая передавалась информационным службам в Соединенные Штаты. Разница между фактами и тем, что давалось газетам для публикации, была поразительной. Американский народ пытались убедить в одном, а факты, мы это хорошо знали, говорили совершенно о другом. Это очень быстро развеяло иллюзии у многих из нас. Достаточно было только сравнить, например, действительные потери за неделю или день с материалами, опубликованными в «Нью-Йорк таймс» или бостонской «Глоб» или «Геральд».

Вопрос. Как же отличались сообщения для прессы от разведывательных данных?

Ответ. При передаче для прессы американские потери значительно преуменьшались, а потери противника в огромной степени преувеличивались. Это была обычная процедура. Мы наблюдали это все время.

Вопрос. Существенно ли изменялись цифры?

Ответ. Весьма существенно. Если в одной короткой операции было убито тридцать человек, то в прессе сообщалось: «Двое убитых, шестеро раненых». Это было в 1968 году, когда там проходили значительные военные действия. Все великолепно знали это.

Вопрос. Каким образом вы получали доступ к необработанным разведанным?

Ответ. Информация поступала в Кагню. Мы должны были передавать ее затем в Вашингтон. Такую информацию получают только станции высшей категории. А Кагню как раз и является такой станцией. Хотя станцию в Эфиопии непосредственно не интересовали данные, поступающие из Вьетнама, мы все-таки получали их, потому что выполняли задачу наивысшей ответственности. Наша миссия была совершенно секретной, поскольку мы действовали в нарушение соглашения со страной, на территории которой находились.

Вопрос. Как нарушалось американско-эфиопское соглашение?

Ответ. Правительство Эфиопии предоставило нам территорию для радиостанции за определенную плату. Разведбаза была настолько засекречена, что никто в правительственных кругах Эфиопии не знал о ее действительном назначении. Когда на базу приезжал Хайле Селасие, то ему показали только столовую и административное здание. В подписанном же соглашении говорилось, что ни одна американская разведывательная организация не может проводить разведоперации на территории Эфиопии. Мы постоянно нарушали это соглашение и составляли подробные разведывательные сообщения о движении освобождения, так называемом Фронте освобождения Эфиопии.

Вопрос. Как реагировали на это военнослужащие, работавшие на базе?

Ответ. Нас приводили в ужас как ложные цифры, так и сам факт нарушения международного соглашения. Многим из нас это открыло глаза...

Стив Вудс

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Стив Вудс.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Норт-Веймута, штат Массачусетс.

Вопрос. Сколько вы находились на службе?

Ответ. Я был два года на флоте, поступил добровольцем.

Вопрос. Почему?

Ответ. У меня не было денег, чтобы продолжить учебу. Я знал, что меня призовут, и предпочел флот, а не армию. Тогда мне было восемнадцать лет.

Вопрос. Вы находились в водах Вьетнама?

Ответ. Да. На авианосце «Орискани». Мы были во Вьетнаме девять месяцев.

Вопрос. В чем состояла ваша служба?

Ответ. Я был механиком по реактивным самолетам. Мы осматривали самолеты перед вылетом, а после полетов проверяли и ремонтировали их.

Вопрос. Сколько реактивных самолетов действовало с вашего авианосца?

Ответ. Триста.

Вопрос. Сколько вылетало на задания?

Ответ. Это зависело от задач. Наверное, около сотни, но всякий раз было по-разному.

Вопрос. Какие это были самолеты?

Ответ. А-4 и А-8.

Вопрос. Сколько было потеряно самолетов за время вашего нахождения на авианосце?

Ответ. Некоторые самолеты возвращались на авианосец настолько поврежденными, что их нельзя было отремонтировать. Их выбрасывали за борт. Мы потеряли все триста самолетов. Авианосец вернулся в Соединенные Штаты пустым. С пилотами дело обстояло несколько лучше. Их уцелело около пятидесяти процентов. Они выбросились с парашютами, и специальная спасательная служба подобрала их.

Вопрос. Что вы думаете об официальной статистике потерь американской авиации?

Ответ. Что я могу думать? Это все ложь. Я не хотел бы вдаваться в политику, но все эти цифры — вранье. Только на нашем авианосце мы потеряли самолетов больше, чем правительство объявило потерянными за все это время.

ВОЙНА

Ричард Доу *

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Ричард Доу.

Вопрос. Сколько времени вы находились во Вьетнаме?

Ответ. Тридцать три месяца.

Вопрос. Сколько вы служили в армии?

Ответ. Семь лет пять месяцев и восемнадцать дней.

Вопрос. В каком чине вы были во Вьетнаме?

Ответ. Сержант Е-5.

Вопрос. В чем состояла ваша служба?

Ответ. Я был командиром группы из шести человек. Группа осуществляла подвижную разведку. В нашу задачу входило найти противника, передать полученную информацию и, вернувшись вместе с главными силами в этот район, уничтожить противника.

Вопрос. По какой причине закончилась ваша служба во Вьетнаме?

Ответ. Я был ранен во время патрулирования.

Вопрос. Куда вы были ранены?

Ответ. Два ранения в ногу, кроме того, в бедро, живот, плечо и грудь.

Вопрос. Куда вас направили после ранения?

Ответ. Я провел две недели в 97-м эвакуационном госпитале во Вьетнаме, затем меня перевезли в 106-й госпиталь общего типа в Японии, а оттуда — в госпиталь общего типа в Сан-Франциско.

Вопрос. Сколько времени вы находились в госпитале?

Ответ. Восемнадцать месяцев.

Вопрос. Вы получили награды или поощрения? Как отметили вас по службе за пребывание во Вьетнаме?

Отвст. Я получил бронзовую звезду, нашивку за доблесть и медаль за доблесть от вьетнамского правительства. Вместе с другими из нашей части был отмечен в приказе президента. Получил несколько вьетнамских нашивок и медалей «Пурпурное сердце».

Вопрос. Сколько вы получили медалей «Пурпурное сердце»?

Отвст. Пять.

Вопрос. Что вы думаете об этой войне?

Отвст. Когда я прибыл во Вьетнам, то смутно представлял, что там происходит. Мне приказывали воевать, и я воевал. Когда же я все испытал на собственной шкуре, я понял, что мы убиваем невинных людей, и теперь я против войны. Мы так же отвратительны, как и нацисты во время второй мировой войны, которые уничтожали евреев. Мы убиваем невинных людей, может, даже и не вьетконговцев. Но нам говорят: «Вьетконг. Убивать их!» И мы их убиваем.

Вопрос. Можете вы рассказать об операциях, в которых убивали невинных людей и очевидцем которых вы были?

Отвст. Конечно, могу. К северу от нашей позиции находилась деревня. Мы получили сообщение, что в этом районе действует Вьетконг. Мы должны были направиться в деревню и провести допросы. Допросили старосту деревни. Староста симпатизировал Вьетконгу. Он сказал нам, чтобы мы уходили. Мы ушли, но потом вернулись с большим подразделением и полностью уничтожили деревню.

Вопрос. Как?

Отвст. Применили напалм, минометный обстрел, обстрел из тяжелой артиллерии и бронемашин. Это была большая атака на маленькую деревню.

Вопрос. Сколько людей было в деревне?

Отвст. Около четырехсот.

Вопрос. А сколько осталось в живых?

Отвст. Один.

Вопрос. Кто был среди убитых?

Отвст. Женщины и дети.

Вопрос. Кто отдал приказ уничтожить деревню?

Отвст. Приказ поступил от начальника разведки батальона.

Вопрос. От начальника разведки батальона?

Ответ. Да, но он в свою очередь выполнял приказ начальника разведки дивизии. Командир нашего взвода передал приказ командирам отделений, командиры отделений дали указание своим отделениям.

Вопрос. Это была необычная операция?

Ответ. Нет. Мы проводили и другие операции, подобные этой, когда нам приказывали полностью сжечь деревню, но людей не убивать. Правда, я знаю и такие случаи, когда мы убивали всех жителей по приказу.

Вопрос. Можете назвать деревню, уничтоженную таким образом?

Ответ. Баутри.

Вопрос. Где находится эта деревня, вернее, где она находилась?

Ответ. Примерно в двухстах километрах северо-восточнее Сайгона.

Вопрос. Каковы были приказания командования в отношении пленных?

Ответ. Иногда пленных берут, иногда — нет. Все зависит от обстановки, от того, сколько потерь у подразделения, или от того, нужно ли узнать, где находятся главные силы противника, кто ему помогает...

Вопрос. Вы получали когда-нибудь приказ не брать пленных?

Ответ. Да, получал.

Вопрос. От кого?

Ответ. От лейтенанта, командира взвода.

Вопрос. И часто?

Ответ. Да.

Вопрос. И что же?

Ответ. Мы не брали военнопленных.

Вопрос. Что вы с ними делали?

Ответ. Убивали.

Вопрос. И раненых?

Ответ. И раненых.

Вопрос. Как вы их убивали?

Ответ. Из пистолетов, винтовок, пулеметов, кололи их штыками.

Вопрос. Раненых, лежащих на земле?

Ответ. Да. Они не были в состоянии защищаться.

Вопрос. Вы это видели сами?

Ответ. Я принимал в этом участие.

Вопрос. Почему?

Ответ. На войне через какое-то время человек превращается в животное и убивает почти инстинктивно, не отдавая себе в этом отчета.

Вопрос. Скольких пленных или раненых вы убили? Вы можете это сказать?

Ответ. Кого убил лично я?

Вопрос. Да.

Ответ. Человек двести пятьдесят.

Вопрос. Лично вы?

Ответ. Да.

Вопрос. А сколько, по-вашему, было убито на ваших глазах?

Ответ. Примерно две-три тысячи.

Вопрос. В том числе и раненые?

Ответ. Да, конечно. Раненых и гражданских, мужчин, женщин и детей — всех убивали без причины.

Вопрос. Не можете ли вы рассказать, какой порядок предусмотрен в американской армии в отношении допроса пленных?

Ответ. Допросы обычно проводят лица вьетнамской национальности — военнослужащие-вьетнамцы, которых придают американским подразделениям.

Вопрос. Каким подразделениям придается вьетнамец для ведения допроса?

Ответ. Роте.

Вопрос. Вы присутствовали при допросах?

Ответ. Да, когда приводил пленных. Это было раз двадцать пять, а то и больше.

Вопрос. Можете вы рассказать о некоторых допросах?

Ответ. Однажды я захватил юношу. Ему было лет семнадцать. Я ранил его в ногу. Он был вооружен. Я разружил его, оказал первую помощь, вызвал эвакуационный вертолет и повез его на командный пункт роты. Там ему оказали медицинскую помощь, а потом допросили.

Вопрос. Вы присутствовали на допросе?

Ответ. Да. Вел допрос вьетнамец. Пленный был ранен в бедро. Рану зашили и ввели плазму. Во время допроса вьетнамец сорвал повязку с ноги пленного и ударил по ране прикладом ружья. Рана начала кровоточить. Пленный потерял много крови. Ему сказали, что, если он заговорит, рану перевяжут. Но он молчал. Тогда вьетнамец вытащил штык и распорол рану. Потом начались пытки.

Вопрос. Как пытали пленного?

Ответ. Они рубили ему пальцы — фалангу за фалангой, потом кололи ножом, неглубоко, лишь для того, чтобы потекла кровь.

Вопрос. Куда они его кололи?

Ответ. В лицо, живот, руки, ноги...

Вопрос. Сколько это продолжалось?

Ответ. Около трех часов. В конце концов парень умер, не приходя в сознание. Вьетнамец выстрелил ему в голову. Затем они отрезали у убитого половые органы, засунули их в рот и зашили. Труп пленного привязали посредине деревни и повесили надпись, что, если кто-нибудь попытается убрать его, с ним будет то же самое. Никто не тронул его. С женщинами они делают приблизительно то же самое.

Вопрос. Вы когда-нибудь видели это?

Ответ. Да. Однажды мы поехали в Сайгон пить пиво. Один из парней уединился на втором этаже, над баром, с проституткой. Вдруг мы услышали, как он заорал. Женщина напала на него с бритвой. Мы вызвали военную полицию. Парня отвезли в госпиталь, а женщину — в ближайшую воинскую часть. Там ее схватили, привязали к столбу и разрезали тело от влагалища до горла.

Вопрос. Вы видели это?

Ответ. Да, видел.

Вопрос. Вы видели другие случаи жестокого обращения с женщинами?

Ответ. Да, видел, но об этом неудобно говорить.

Вопрос. И все же расскажите, что вы видели?

Ответ. Однажды поймали молодую девушку. Говорили, что она симпатизировала Вьетконгу. Ее поймали солдаты южнокорейской армии. Во время допроса она молчала. Тогда с нее сорвали одежду и изнасиловали. Потом ей зашили половые органы обычной проволокой, пробили медной палкой голову и повесили. А командир группы, лейтенант, своей длинной саблей разрубил тело девушки пополам. В другой раз я видел, как девушку жгли раскаленным штыком, загнав его в половые органы.

Вопрос. Кто это делал?

Ответ. Мы.

Вопрос. Американские солдаты?

Ответ. Да.

Вопрос. Сколько американских солдат принимало в этом участие?

Ответ. Семь.

Вопрос. Кто была эта девушка?

Ответ. Дочь вьетнамского старосты, который симпатизировал Вьетконгу. Мы раздели ее, привязали, раскалили на огне штык, проткнули им груди, а затем воткнули его во влагалище.

Вопрос. Она умерла?

Ответ. Не сразу. Один из наших парней взял кожаный шнурок из своего ботинка, намочил его и замотал вокруг горла девушки. Потом ее привязали на солище. Сыромятный ремень, высыхая, садится, и он медленно задушил девушку.

Вопрос. Где вы родились?

Ответ. В Руперте, штат Айдахо.

Вопрос. Где вы ходили в школу?

Ответ. В маленьком городке, который называется Бэнд, штат Орегон. Сначала — в начальную школу, потом — в среднюю. Затем почти пять месяцев учился в Нью-Йоркском университете. Потом пошел в армию.

Вопрос. До того как вы поступили на военную службу, вы могли бы поверить, что американские солдаты способны делать такие вещи?

Ответ. Нет. Честно говоря, не смог бы поверить, что человек, особенно американец, способен на это. Я не думал в то время, что американец может так ужасно, так садистски пытаться пленных. Одному из наших парней, только что прибывшему во Вьетнам, во время такого допроса стало плохо. Однако через некоторое время на пытки уже не обращаешь внимания. Многие из солдат даже получают от этого удовольствие. Люди становятся извергами.

Вопрос. Вы убили более двухсот человек за тридцать три месяца во Вьетнаме?

Ответ. Да.

Вопрос. Вы знаете, зачем там были?

Ответ. Говоря честно, не могу сказать. Мне говорили, что мы собираемся спасти вьетнамцев от коммунистов, но мы никого не спасали. Мы лишь убивали. Зачем нас туда послали? Честно говоря, не могу сказать.

Джимми Робертсон

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Джимми Робертсон.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Вашингтона.

Вопрос. Сколько вам было лет, когда вы вступили в армию?

Ответ. Мне было девятнадцать, когда я записался добровольцем.

Вопрос. Вы учились в средней школе?

Ответ. Да, но не окончил. Я бросил учиться.

Вопрос. Когда вы записались в добровольцы?

Ответ. 1 апреля 1966 года.

Вопрос. А где вы проходили начальное обучение?

Ответ. В Форт-Гордоне, штат Джорджия.

Вопрос. А повышенную пехотную подготовку?

Ответ. В Форт-Джэксоне.

Вопрос. В Южной Каролине?

Ответ. Да. Меня направили в часть, которую готовили во Вьетнам. Там формировался батальон. Я пробыл там пару месяцев, а затем всех нас с некоторыми другими батальонами посадили на пароход.

Вопрос. На пароходе — во Вьетнам? Вы плыли паромом?

Ответ. Да. Двадцать один день.

Вопрос. В каком районе во Вьетнаме вы высадились?

Ответ. Мы прибыли в Вангтау. Это на побережье.

Вопрос. Сколько вы пробыли во Вьетнаме?

Ответ. Год.

Вопрос. Вы участвовали в военных действиях?

Ответ. Вообще-то не все время. Понимаете, я был в такой части, которая поддерживала пехоту. Наша часть называлась 36-е подразделение связи и обслуживания. Когда отправлялись во Вьетнам, нам говорили, что в полевых условиях мы будем полгода. У нас было много водителей грузовиков. Нам говорили еще, что нам придется делать и такие вещи, к которым нас специально не готовили.

Вопрос. Когда же вы увидели боевые действия?

Ответ. О, прямо с самого начала. Это был минометный обстрел или что-то вроде этого. Несколько минометных обстрелов.

Вопрос. Обстреливали ваше подразделение?

Ответ. Да. Район, где мы находились. Некоторых из наших убило. А потом нас придали 1-й пехотной дивизии и перебросили в район Дзиань. Там находилась большая пехотная база. Вот там мы и были. Нам заявили, что мы должны делать все, что прикажут. Мы ходили в патруль с парнями из пехоты. Они занимались этим уже давно, ну и кое-чему нас учили. А потом нас стали посылать и в ночной патруль. Что я хочу сказать? Дневной патруль — это вообще-то неплохо. А тут — ночной патруль. Охранять склады с боеприпасами и снаряжением. Месяца через два стало действительно горячо. Готовилась большая операция. Она называлась «Седар Фолз». Это было в шестидесяти километрах на север от Сайгона. Там сосредоточилось много солдат противника. Сначала я был в конвое, а потом попал в такой переплет, что начал курить. Вы понимаете?

Вопрос. Какой процент солдат курит?

Ответ. Я думаю, что семьдесят пять процентов.

Вопрос. Что они курят?

Ответ. Главным образом травы. Некоторые — опиум. Мы проводили большую операцию по прочесыванию, но я все это помню смутно. Я даже не помню названия деревни. Очень маленькое, маленькое поселение. В деревне нас атаковал противник, и некоторые наши ребята были убиты.

Вопрос. Только американцы?

Ответ. Среди убитых были и наши солдаты, и жители. Они попали в зону обстрела, и их всех перебило. Там были женщины, старики. Была большая заваруха. Помню, кто-то из наших парней предложил мне пойти покурить, потому что снова придется заниматься неприятным делом. Потом сержант приказал нам идти в деревню, где было человек двадцать жителей, не больше.

Вопрос. Во всей деревне?

Ответ. Да. Сержант сказал: «Мы должны сесть на них. Мы прикончим их всех». Потом, помню, мы шли группой. Нас было что-то около взвода. Кто-то начал стрелять. Ну и я тоже...

Вопрос. Сколько жителей было убито?

Ответ. Все. Человек пятнадцать — двадцать.

Вопрос. Кто это был?

Ответ. Главным образом старики и женщины.

Вопрос. А дети там были?

Ответ. Кажется, было двое. Они были уже не маленькие. Нам приказали молчать об этом, чтобы никто не узнал, где мы побывали. Да мы и сами не знали, как называется эта деревня. Некоторые из наших парней сломались потом. И я тоже.

Вопрос. Что это значит — «сломались»?

Ответ. Как бы окаменели, понимаете? И я тоже. Знаете, я случайно посмотрел в глаза какой-то женщины. Как раз перед тем как мы начали стрелять. Понимаете, я не хотел. Хотелось повернуться и сбежать. Что-то подсказывало мне, что нельзя стрелять. Однако когда все начали стрелять, стал стрелять и я. Когда наш взвод ушел из деревни, туда прибыли бульдозеры. Они сровняли деревню с землей.

Вопрос. Замели следы?

Ответ. Именно так. Будто и не было этой деревни. А потом нас предупредили, что, если мы что-нибудь расскажем о происшедшем, нас сурово накажут.

Вопрос. Кто сказал вам это?

Ответ. Сержант. Но он только выполнял приказ. Когда мы вернулись на базу, некоторые из ребят сломались. Некоторых даже положили в госпиталь.

Вопрос. Скольких солдат отправили в госпиталь?

Ответ. Не знаю. Одни сошли с ума, другим это понравилось. Вроде Митчела. Этот здоровый парень, около двух метров ростом, был на хорошем счету в 1-й дивизии. Примерный сержант, он делал все, что ему говорили. Он служил в разведке. В таких разведывательных группах служат специально подготовленные ребята. Их выбрасывают с вертолета в определенном районе, и каждый выполняет свое задание. Их задача захватить и доставить пленных, вызвав по радио вертолет. А Митчел совсем свихнулся. Он всегда брал с собой топор и натачивал его как бритву. Митчел подкрадывался к противнику и отрубал ему голову. Головы он складывал в мешок. Это было в 1-й дивизии. Там за определенное число убитых солдат противника давали трехдневный отпуск. Предписывалось приносить с собой уши жертвы. Митчел же приносил головы. В отпуск обычно посылали туда, где не было больших боев, например на побережье. Там случаются лишь минометные обстрелы. Это вроде зоны отдыха. И Митчелу все время давали медали.

Вопрос. Вы сами видели, как он приносил мешок с отрубленными головами?

Ответ. Однажды я сидел в своей палатке в базовом лагере. Вошел Митчел. Он всегда как-то странно смеялся. «Ну вот, я и заполучил еще одного, еще одного косоглазого», — проговорил он. Вся эта война была сумасшествием, но то, что делал Митчел, было уж слишком. Я сидел в своей палатке, сидел и просто думал. Митчел только что вернулся из обычной своей разведки. В руках он держал вещевой мешок. Митчел присел рядом со мной, на мою постель, развязал мешок и вдруг вытряхнул на постель три или четыре головы. Они были обрублены по шее. Увидев это, я закричал. А он вытаскивал головы, бросал на постель и смеялся. Странно, почему его не отравили в госпиталь. В армии любили этого парня. Он делал то, что ему говорили. И ему это нравилось. Ему действительно это нравилось.

Вопрос. Что вы слышали о пытках пленных?

Ответ. Я видел, как их избивали. Однажды солдаты из южнокорейской дивизии «Тигр» привязали пленного к дереву. Кто-то из южнокорейцев подошел к привязанному и сказал: «Я тебя буду резать ломтями». И отрезал у него кусок тела. Пленный заговорил.

Вопрос. Вы когда-нибудь слышали о том, что пленных выбрасывают из вертолета?

Ответ. Сам я никогда не видел этого, потому что не летал на вертолетах, но слышал об этом. Мне рассказывали, что пленных поднимают в вертолете и говорят: «Отвечай или сейчас тебя выбросим». Если, например, есть пять пленных, то стоит вытолкнуть одного, как другие начинают понимать, в чем дело.

Вопрос. Вы видели, как полностью сжигали и другие деревни, кроме той, о которой вы рассказали?

Ответ. Да. Это происходило, в частности, в тех случаях, когда был ранен или убит кто-нибудь из наших ребят. Сержант в таких случаях говорил: «Нам все равно, что бы вы ни делали. Делайте все, что хотите. Нам все равно. Вы можете насиловать женщин. В общем, делайте все, что хотите».

Вопрос. Солдаты насилуют женщин в деревнях?

Ответ. Иногда, когда мы бывали долго без женщин, в патруле или полевых условиях. Некоторые из ребят сильно заводились. Когда мы приходили в деревню, где

жили молодые девушки, мы говорили: «Нам нужно посмотреть на этих птах. Мы будем хорошими, но, если придется, будем и плохими». Староста одной деревни отказал нам в удовольствии. Мы его избили, и он уступил: «Хорошо, берите любую». Мы взяли нескольких девушек. Девушкам было лет по пятнадцать-шестнадцать.

Вопрос. Случалось, что и убивали этих девушек?

Ответ. Была одна деревня. Она находилась за пределами нашей зоны. Один из наших парней отправился туда и не вернулся. Потом его нашли с перерезанным горлом. Ребята решили нанести визит в эту деревню. Они нашли птаху, которая, по их мнению, зарезала того парня, и убили ее. В другой раз они взяли огнемёт, засунули его в девушку и выстрелили. Ее разорвало на части. Вообще там происходит много диких вещей. Иногда захватывали тех, кто воевал за Северный Вьетнам. Я слышал, что им отрубали пальцы. Однажды ребята поймали девушку, которая, по их мнению, заразилась одного из наших парней венерической болезнью. Девушке влили во влагалище смолу. Эти парни совсем конченые, они уже больше не люди. В некоторых частях таких парней много. Например, в 1-й пехотной дивизии, 1-й кавалерийской, 4-й пехотной и 173-й парашютной. Иногда они напиваются до потери сознания и хвастаются тем, что они натворили. И однажды я сбежал. Украл грузовик и уехал.

Меня начинало трясти, мне снились кошмары, и я все время видел лицо женщины, которая посмотрела мне прямо в глаза в той деревне. Это был дьявольский взгляд. Как будто она хотела что-то сказать. Казалось, все обрушивается на меня. Я отправился к своей подружке в Сайгон. Я хотел вырваться из Вьетнама, но не знал, как это сделать. Всякий раз, когда я приезжал в Сайгон, военная полиция арестовывала меня. Моя знакомая в Сайгоне сказала, что в сорока милях от Сайгона живет в деревне ее сестра, что я могу сбежать в эту маленькую деревню и что со мной там будут хорошо обращаться. Вот в эту деревню я и отправился на грузовике. Когда я туда приехал, то понял, что был уже там раньше во время одной операции. Я привез много вещей, продовольствия и сразу отправился к старосте деревни. Он немного говорил по-английски. Только немного. А я немного понимал вьетнамский. Староста сказал, что я могу у них остаться.

Поначалу то, что я нахожусь там, мне казалось очень

смешным. Все было нереально. Это напоминало сон. Живя в деревне, я делал все, что делали другие. Я работал на рисовых полях. Жители называли меня «рядовой номер один». Я пытался научить некоторых из вьетнамцев английскому языку и старался изо всех сил. Меня затягивала жизнь в деревне, и я начал забывать обо всем остальном. Я не был больше солдатом. Я стал частицей этой деревни. Я носил вьетнамскую одежду и чувствовал, что делаю что-то полезное. Я служил уже не той цели, ради которой меня послали во Вьетнам. Я начал понимать этих людей. В деревне мы вставали очень рано, ели рис и отправлялись в поле, а женщины занимались нехитрым домашним хозяйством. Все было непривычно для меня, но я начал чувствовать, что именно здесь мое место. Я жил совершенно другой жизнью, и мне больше не хотелось быть частью войны. Люди в деревне относились ко мне очень дружелюбно. Я забирался в свой грузовик и катал ребятшек по деревне. Там жила девушка, которую я стал учить английскому языку. Она была очаровательной, все время крутилась рядом и очень смешно смотрела на меня. Она была как ребенок. Когда над деревней пролетали вертолеты, я прятался в хижине или еще где-нибудь. Однажды, когда я пробыл в деревне уже около двух недель и работал в поле с вьетнамцами, над нами пролетел вертолет. Он летел очень низко, а у меня не было возможности спрятаться. На мне была вьетнамская одежда и большая вьетнамская шляпа. На этот раз вертолет развернулся и приземлился неподалеку от меня. Я хотел было убежать, но было поздно. Из вертолета выпли двое парней. Один из них, офицер, увидев меня, начал хохотать. Оказалось, что у них была моя фотография. Они смотрели то на фотографию, то на меня и громко смеялись. А потом сказали: «Черт побери, кто ты такой? Ты же понимаешь, что ты не дома?» Офицер спросил меня: «Ну что, повеселился тут с гуками? Ты, наверное, действительно любишь этих гуков? Мне кажется, что ты больше времени провел с гуками, чем с американцами». Я не знал, что сказать, и стоял как пень. Потом выпалил: «Послушайте, дьяволы, может, вы получаете удовольствие от этой проклятой войны, мне же она вытягивает душу. Я не хочу принимать в ней участие. Почему бы вам не оставить меня здесь до окончания моего срока?» Они посмотрели на меня как на сумасшедшего. Тогда я сказал

им: «А здесь счастлив, понимаете?» Они же ответили: «Ты действительно свихнулся. Но тебе придется вернуться назад. Ты нужен в роте. Ты нарушаешь кое-какие обязанности». Итак, я должен был вернуться. Когда меня забирали, жители деревни были очень расстроены, по-настоящему расстроены. Они кричали на офицера: «Ты солдат номер десять». А это у них означает: очень плохой человек, хуже не бывает. Номер десять — самый плохой, самый низкий человек. Жители кричали: «Номер десять, не забирай номер один!» А молоденькая девушка начала плакать. Мне хотелось подбежать к ней, поцеловать в щеку, но офицер не пустил меня. Я должен был вернуться в хижину и забрать свою форму, которая лежала свернутой в углу. Потом меня посадили в вертолет. В вертолете на обратном пути меня называли «гуков любовник». Я же отвечал: «Послушайте, парни, они люди. Они были более добры ко мне, чем вы за все это время». Я говорил: «Лучше б я остался с ними, чем с вами. Вы не похожи на тех людей, с которыми я вырос в Штатах. С вами что-то произошло».

Вопрос. Чтобы вы сделали, если б американские солдаты пришли в деревню и начали стрелять?

Ответ. Не знаю. Я очень много думал об этом. Не знаю, что бы я сделал. Может, взял бы винтовку и выстрелил себе в голову. Меня всегда беспокоил этот вопрос.

Вопрос. По возвращении в Соединенные Штаты вы рассказывали кому-нибудь о том, что с вами произошло во Вьетнаме?

Ответ. Когда я вернулся, мне ни о чем не хотелось говорить. Однако через пару недель я рассказал все некоторым друзьям. Они вели себя так, будто не хотели слушать меня. Я понял это и больше ничего не рассказывал. Когда я думаю о Вьетнаме, у меня всегда горькое чувство. Мне постоянно снятся кошмары. Мне снятся эти люди.

Вопрос. Какие люди?

Ответ. Люди в деревне.

Вопрос. Где вы жили?

Ответ. Нет. Там, где мы убивали. Всех их было двадцать. Но чаще всего я вижу лицо той женщины и с криком просыпаюсь. Я видел ее всего несколько секунд, но запомнил ее взгляд. Она смотрела на меня в упор и будто спрашивала: «За что? Что мы сделали?» Я не могу за-

быть взгляда этой женщины. Не могу забыть того чувства, которое я испытал тогда.

Вопрос. Как вы думаете, ваше отношение к вьетнамцам типично для большинства солдат?

Ответ. Нет. Я за свое отношение к вьетнамцам имел одни неприятности. Мне говорили, что я слишком хорошо отношусь к вьетнамцам, что я слишком много пробыл с ними. Одно время меня даже стали называть гуком. Мне говорили: «Если они тебе так нравятся, почему ты не воюешь за них?» Когда меня привезли из деревни в часть, все решили, что я сошел с ума. Я вынужден был пойти к своему командиру. Он сказал мне, что я создаю слишком много хлопот. Меня отправили в медицинскую часть в Сайгон. Там в госпитале — разные отделения. Есть и отдельный блок, куда помещают буйных сумасшедших. Меня определили туда: они решили, что я совсем рехнулся. Меня выслушал так называемый армейский психиатр. Я сказал ему, что не в состоянии вернуться на фронт. В госпитале меня продержали бы долго. Кое-кто из парней, находящихся там, действительно сошел с ума. Некоторые вскакивали среди ночи и кричали. Один парень постоянно изображал звук разрыва мины. Другой повторял: «Я — оловянный солдатик». Еще один все время называл меня Биллом. Я повторял ему, что я Джим. И всякий раз он отвечал: «Извини меня, Джим, за то, что я убил тебя». Как только представилась возможность, я сбежал из госпиталя и отправился к своей сайгонской девушке, однако военная полиция нашла меня. Так закончились мои похождения во Вьетнаме. Меня отправили в Германию, в Мангейм.

Я знаю многих ребят. Они были хорошими парнями в Штатах, но Вьетнам изменил их. Многие казались даже застенчивыми в Америке, но после двух или трех месяцев во Вьетнаме они стали убийцами. Они сами себе не представляют, кем они стали. А были совершенно другими людьми.

Ален Кэмден

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Ален Кэмден.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Гэри, штат Индиана.

Вопрос. Сколько вам было лет, когда вы вступили в армию?

Ответ. Восемнадцать.

Вопрос. Когда вы уехали во Вьетнам?

Ответ. В апреле 1969 года. Потом я заболел малярией, и меня в октябре отправили в госпиталь в Японию.

Вопрос. Вы были против войны, когда вас призвали в армию?

Ответ. Да. Но когда я увидел Вьетнам и все, что там происходит, я стал еще большим противником войны.

Вопрос. Что вы там видели?

Ответ. Например, как солдаты по приказу офицеров и сержантов расчленили тела убитых. Нам приказывали рубить их.

Вопрос. Вы часто это видели?

Ответ. Да.

Вопрос. Как приказывали расчленивать тела убитых?

Ответ. Многие парни отрезали уши. Другие отрубали разные части тела и разбрасывали их. Выдавливали глаза. Я видел американских солдат, которые пытали вьетнамца. Они избивали его, а потом выдавили ему глаза. Он умер.

Вопрос. Сколько ему было лет?

Ответ. Около шестнадцати.

Вопрос. Где это было?

Ответ. Севернее Куангтри.

Вопрос. Когда это случилось?

Ответ. В мае 1969 года.

Вопрос. Кто пытал пленного?

Ответ. Солдаты нашего взвода. Главным образом солдаты, но в пытках принимал участие и лейтенант. Он как раз и начал это.

Вопрос. Как его имя?

Ответ. Виллиг.

Вопрос. Это он приказал пытать мальчика?

Ответ. Да, он просто сказал: «Как вы, парни, смотрите на то, чтобы позаботиться об этом гуже?»

Вопрос. В каком подразделении вы служили?

Ответ. В 5-й пехотной дивизии.

Вопрос. В какой роте?

Ответ. Во 2-й роте 1-го батальона 66-го полка. А потом меня перевели в 1-ю роту 7-го саперного батальона.

Вопрос. А где вы служили в то время, когда замучили до смерти этого мальчика?

Ответ. В 1-й роте 66-го полка.

Вопрос. Где вы в это время располагались?

Ответ. Когда я был в 5-й пехотной дивизии, мы находились приблизительно в тридцати километрах южнее демилитаризованной зоны. Я был медиком в пехотном подразделении. Сначала по прибытии во Вьетнам меня назначили фармакологом в тыловое подразделение в диспансер. Но когда санитары в полевых частях погибли, мне сказали, что я должен заменить их. Мне обещали, что это ненадолго, что я скоро снова вернусь в свою аптеку. Однако получилось так, что я остался при фронтовой части. Я отношусь к категории людей, которые выступают против войны и службы в армии по убеждению. Я отказался носить оружие. В нашей части среди солдат широко распространилась практика собирать отрезанные уши солдат противника. Для этой цели ребята с ножами отправлялись разыскивать убитых. У нас с уважением смотрели на тех, у кого коллекция была больше. В нашей хижине жили двадцать парней, и у пятнадцати стояли банки с ушами. Это было модно. Еще очень популярно было собирать пальцы — отрезать у жертв и складывать в банки со спиртом. Банки стоят на полках, которые прибиты над постелями. У кого больше всего ушей или пальцев в банке, тот и считался лучшим солдатом. Это результат подготовки, предварительного обучения. Когда я прибыл в армию, меня отправили в Форт-Кэмпбелл. Там в течение трех недель меня, как и других, постоянно учили убивать. Это было невыносимо. Многие из ребят вступают в армию, чтобы ехать во Вьетнам убивать гуков. Мне же не хотелось убивать кого бы то ни было, однако до этого никому не было дела. Входя в столовую, мы должны были повторять: «Убей! убей! убей!» — и называть свой индивидуальный номер. Такая подготовка, это вдальбливание «убей! убей! убей!» рождает в человеке звериные чувства. Но убить теперь считается недостаточно. И вот это недостаточное компенсируется тем, что собирают уши, пальцы, расчлениют человеческие тела. Люди перестают быть людьми.

Терри Уитмор

И вот мы отправились в горячий Нам. Перед этим мы еще две недели проходили подготовку. Нас отправили в

Кэмп Пендлтон, не предоставив отпуска. Я прибыл во Вьетнам в июле 1967 года. Мы летели на гражданском самолете из Японии. Как только наш самолет приземлился, я увидел стрельбу с вертолетов недалеко от аэропорта. Стреляли трассирующими пулями. Мы приземлились в Дананге и сразу поняли, что мы на войне. Я испугался. Единственное, что мы видели, — это красные полосы, пронесшиеся по небу. Вертолеты не просматривались — было слишком темно. Меня отправили в часть южнее Дананга, в 1-ю дивизию морской пехоты. Мне не стыдно признаться, что дня через два по прибытии в часть я перепугался по-настоящему. Куда ни посмотришь — вертолеты, пламя, осветительные ракеты. Кругом слышны выстрелы из минометов, винтовок, пулеметов, а противника не видно. Я так перепугался, что однажды ночью от страха закричал. «Господи, господи! — кричал я. — Забери меня отсюда!» Я пробыл во Вьетнаме всего неделю и еще не был даже в карауле. А через несколько дней я впервые попал в джунгли: мы должны были установить «секрет». Ночью мы выступили и шли долго. Я видел, как нашего направляющего разорвало на куски. Он наступил на мину. Ему советовали не ходить в ту ночь в секрет: через две недели он должен был уехать домой. Сержант сказал ему: «Тебе уже скоро. Нет смысла ходить». Он же ответил: «Нет, я пойду. Это будет мой последний секрет». И отправился. Его разорвало на куски. Я увидел взлетевшую в воздух половину человеческого тела, освещенную фантастическим белым светом. Потом опять стало темно и тихо. Один из наших парней заметил: «Ну что ж, он свое получил. Его убило». А другой заорал куда-то в джунгли: «Вы, грязные потаскуны, косоглазые, мы вас найдем. Мы вырежем на ваших головах свои инициалы». Через минуту уже кричали все, просто кричали в темные джунгли.

Взвод провел в джунглях ночь. Наше отделение выслало вперед, чтобы организовать засаду. Мы разделились по двое. Это была длинная ночь. А следующей ночью нас атаквали из засады. Мы шли по песчаным дюнам, где некуда спрятаться. Впереди показался холм, поросший травой, и на нем несколько деревьев. И вдруг с холма открыли огонь. Тут впервые в жизни я попал под обстрел. В Пэррисе я часто слышал: «Пулеметы не могут убить морского пехотинца!» Теперь я с горечью подумал, что и

пулеметы, и все что угодно другое может убить морского пехотинца. Здесь не Пэррис, не лагерь подготовки. Чучела, которые мы расстреливали в лагере, здесь начинают отвечать огнем. Потом я услышал голос лейтенанта. Это был лейтенант из лагеря подготовки. Мне кажется, у него было намного меньше опыта, чем у меня. Он начал орать: «Давайте расстреливаем этот холм». Мы открыли огонь из «Лю»¹ по холму. Мы стреляли просто по горе. Когда мы перестали стрелять, наступила тишина. Один из парней крикнул: «Кого-нибудь задело?» Джордж заорал в ответ: «Меня! Старину Джорджа ранило в ногу!» Он сидел на траве и смеялся. Смеялся и кричал: «Тысячу чертей! Меня задело!» Я подполз к нему. Нога его была вся в крови. «А знаешь, что это значит?» Джорджа дважды ранило до этого, а по правилам после трех ранений увольняют совсем. Вот почему Джордж смеялся. «Посмотри-ка на мою рану. Меня задело! Посмотри на рану, парень. Теперь я выберусь из этого дерьма!» Он показывал ногу и смеялся.

Еще у нас в отделении был Энди — парень из Милуоки. Он заменил убитого командира отделения. Потом я встретил парня по фамилии Каминский. Это был действительно сумасшедший парень. Если б не он, я бы свихнулся. Он меня поддерживал морально. Это был удивительно эксцентричный парень. Когда в перестрелке убивали наших ребят, Кам мог смеяться. Я попытался стать таким же сумасшедшим. Это мне помогало.

В ту ночь мы впервые оказались вместе — Кам и я. Около маленькой брошенной деревушки мы выкопали окоп и засели в нем. Этой ночью один из морских пехотинцев убил другого. Для меня это было шоком, но я еще был новичком. Мы сидели в окопе, метрах в десяти от нас рос маленький куст. Мы сидели прямо перед ним. Кам сказал: «Ты первый веди наблюдение». Я ответил: «О' кэй!» Кам уснул. Ему, наверное, что-то приснилось или еще что с ним произошло, но он проснулся. Я сидел и наблюдал за кустом. Может, мне показалось или я действительно что-то увидел, но я прошептал: «Проклятье». Кам вскочил и проговорил: «Парень, там что-то есть». Я сказал: «Да, наверное, есть». Мы прицелились в этот

¹ М-79, противотанковое ружье «базука», ПРТ. — Прим. ред.

куст. И вдруг Кам начал палить. А я ничего не вижу. Он же говорит, будто что-то увидел. Тогда я тоже начал палить в куст. Кам метнул даже гранату. Потом по полковому телефону нас спрашивали: «Что там у вас, болваны? Что стряслось? Убили кого-нибудь?» «Не знаю, — говорю, — я туда не пойду. Если хочешь посмотреть, иди сам». Я и Кам просидели в окне всю ночь. Мы были перенутаны до смерти.

Кам поддерживал меня во всех переделках, в которых мы бывали. И потом он умел воровать. Вообще он парень не промах. В нашем отделении всегда было полно всего. Время от времени он отпраивлялся в Дананг и покупал что-нибудь на все отделение. Он всегда покупал для всех. Однажды он привез из Дананга для всего отделения каски. Знаете, то дерьмо, что носят австралийцы? В другой раз привез с собой магнитофон. Он потратил уйму денег, делая записи на пленку. Зато все отделение слушало эстрадные новинки. Потом он привез из расположения батальона игральные карты. Вообще-то он поддерживал моральный дух всего отделения.

Однажды я видел, как Кам застрелил старуху. Просто взял и застрелил. Мне это не очень-то понравилось.

Вопрос. Почему он ее застрелил?

Ответ. Это было началом того массового убийства, в котором мы участвовали.

Вопрос. Как назывался город?

Ответ. Не знаю. Это недалеко от Куангтри.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. В ноябре 1967 года, сразу же после операции «Медина». Мы находились в этих проклятых горах. Был день. Кам шел первым, за ним двигались я и парень по имени Джессуп. Мы были хорошими друзьями. К тому времени все мы уже поднакопили опыт, участвуя во многих операциях. Вдруг меня подозвал Кам и сказал: «Подойди сюда, приятель, посмотри на это дерьмо. Поди-ка сюда!» Я подошел и увидел забавную картину, какую мне не приходилось видеть раньше. Знаете громадных красных муравьев? Так вот, два таких муравья схватились друг с другом. Кам сидел, наблюдал за дракой и вдруг сказал мне: «Вот этот мой, а вот этот — твой». Подошел Джессуп, и тут прямо над его головой пронесся град пуль из автоматического оружия, будь оно проклято! Я стал стрелять из своего гранатомета, а Кам — из автомата.

Потом я увидел людей. Детей не было. Несколько женщин бежали через открытое пространство к хижине. Кам и говорит мне: «Послушай, приятель, вон бегут гуки, вышибика из них дух!» Я повернулся, хорошенько прицелился и выстрелил в хижину. Я вложил в нее по крайней мере четыре заряда из гранатомета. И все это были точные выстрелы. Так что, если люди и добежали до хижины, они были убиты. На месте хижины образовался глубокий бункер. Кам остановился на краю, взглянул вниз и вдруг проговорил: «Посмотри-ка на это дерьмо, приятель! Ты только посмотри!» Я тоже подошел к бункеру и увидел там старуху. Она была очень старая, лет восьмидесяти. Она пыталась выбраться оттуда. Я отвернулся, и в эту секунду Кам разрядил половину магазина из автомата в эту женщину. Из автомата, понимаете? Я испугался, потому что не ожидал, что он будет стрелять. Отпрянув, я с удивлением уставился на Кама. «Проклятье, приятель! Ты убил эту старуху?» Мне было страшно заглянуть в бункер. Старуху, должно быть, смешало с землей. Джес-суп подбежал к бункеру, заглянул вниз и тоже уставился на Кама, выпучив глаза: «Проклятье, Кам! Посмотри-ка на это, парень. Посмотри, что ты сделал!» А Кам? Он достал гранату и бросил ее в бункер. Старуху, конечно, разорвало на миллион кусков.

Вопрос. Почему Каминский сделал это?

Ответ. Он сказал, что ему просто захотелось что-нибудь сделать.

Вопрос. Почему же все-таки он убил ее?

Ответ. Он не объяснил нам.

Вопрос. А что вы думаете? Вы же знаете его?

Ответ. Не знаю. Кам потом стоял, глядел на то, что осталось от тела, и ухмылялся. У него был очень странный взгляд. Я повернулся и пошел прочь. Мы стали жечь все хижины. Поджигали спичками и зажигалками. В хижинах были люди. Когда они пытались выйти, мы в них стреляли. Мы долго возились там, от запаха горящих тел кружилась голова. Будь он проклят, этот страшный запах! Кам завязал рот и нос тряпкой: он не выносил запаха горящих тел. Наш взвод закрывал выход людям, которые пытались выбраться из горящих хижин. Нам поставили задачу закрыть район отступления и убивать всех, кто попадал в поле зрения. Затем мы поднялись на небольшую гору. Там паслось стадо коров. Я выстрелил из

гранатомета прямо в стадо. Коровы бросились в сторону команды пулеметчиков, а те установили пулеметы и — та-та-га... Животных всех разнесло в клочья. Это было большое убийство.

Потом мы пошли дальше по дороге и увидели небольшой аккуратный вьетнамский домик. Энди говорит: «Уит, возьми свою группу и позаботься об этом доме». Я ответил: «О'кэй, приятель! Джессуп, Скип, за мной!» Мы подошли к дому, я выстрелил в него из гранатомета. Это был кирпичный дом. Джессуп зашел с одной стороны, Скип — с другой. Они словно обезумели: войдя в дом, они начали срывать все со стен и все подряд ломать. Потом мы подошли к дому и пошли дальше.

Вопрос. Сколько, по-вашему, всего погибло людей?

Ответ. Трудно назвать точную цифру, но мы полностью уничтожили эти деревушки. Я не знаю точно, сколько там было людей. В маленьких деревушках обычно живут человек тридцать, а одна деревня от другой иногда находится на расстоянии не больше ста метров. Мы там камня на камне не оставили.

Вопрос. Сколько таких деревушек вы уничтожили в тот раз?

Ответ. Тринадцать. Все они находились в долине. Позже, ночью, я слышал, как офицер отдавал команду убить детей. Я стоял рядом с офицером. Кто-то из наших парней подорвался на mine, и вызывали вертолет, чтоб отвезти раненого в тыл. Я стоял рядом с офицером, когда радист сказал ему: «Послушайте, сэр! Мы собрали детей. Что с ними делать?» Офицер ответил: «Проклятье! Ты что, пехотинец, не знаешь, что делать с ними? Убить этих ублюдков. Если у тебя не хватит пороха, я убью их всех сам». Пехотинец ответил: «Слушаюсь, сэр» — и выключил радио. Через две или три минуты после этого я услышал сильный огонь из автоматов и крики детей. Я слышал, как плакали маленькие дети. Они кричали так, что, казалось, вот-вот лопнут у них легкие. Я слышал это. Это было недалеко. Потом застрочил пулемет. Там было много детей. На следующий день мы поправились в другие деревушки. На дороге я увидел маленькую девочку. Забавная такая. Родители, конечно, были убиты. У нее за спиной был ребенок, видимо, ее маленький братишка. Она стояла и будто спрашивала: «А что здесь происходит?» Она видела, как мы уничтожили деревню.

В большой яме неподалеку мы увидели двух буйволов. Жители ставят их на ночь в эти ямы. Мы подошли поближе. В пяти-шести метрах от нас росло дерево. Девочка стояла под деревом. Мы остановились на краю ямы. Джессуп сказал: «Посмотри-ка на это дерьмо. Давай немпожко повеселимся». Эти два буйвола не могли убежать. Они вообще не могли выбраться оттуда. Джессуп достал пару гранат, бросил их в яму и отбежал. Раздался сильный взрыв. Мы подошли к яме и заглянули в нее. Буйволы были разорваны. На боку одного дымилась большая дыра величиной с человеческую голову. Все внутренности вывалились, но буйвол был еще живой, он стонал. Джессуп был в восторге. Он смеялся. Потом сказал: «Не дам я ему мучиться» — и разрядил почти весь магазин в голову животного. А девочка стояла и молча смотрела на нас. Когда мы проходили мимо нее, она опять смотрела на нас. Ее маленький братишка плакал. А она смотрела на нас с каким-то недоумением, с изумлением. Ей было лет пять или шесть, а братишке, наверное, меньше года. Она осталась стоять под деревом. Я быстро ушел прочь, потому что был уверен, что кто-нибудь из парней подойдет и убьет ее. А я не мог бы этого вынести. И я ушел. Я уверен, что ее убили.

Одно время я думал взять на воспитание кого-нибудь из этих ребятишек. Мне они нравились. У меня есть большой альбом со снимками, которые я делал камерой «Свинджер». И на всех этих фотографиях — дети. Я брал их на руки, сажал детишек на шею, и меня фотографировали.

Это было единственное большое убийство, в котором я участвовал. Гражданских же убивали почти каждый день, если они оказывались поблизости. Когда мы заходили в деревушку, кто-нибудь из парней обязательно говорил: «Эй, парень, застрели-ка того ублюдка». Другой поворачивался и стрелял крестьянину прямо в грудь. У крестьян же не было оружия.

Вопрос. Вы видели, как обращались с пленными?

Ответ. Мы не очень-то часто брали пленных. Однажды Кам поймал какого-то парня. У нас во взводе был сержант, такой здоровый детина, негр. Он поднял пленного за воротник и вцепил ему коленом в живот и пах. Я думал, что он разорвет парня на части. Мы просто смотрели, как он бил вьетнамца, и приговаривали: «Ну-ка, еще раз. Выбей-ка из него все, что в нем есть».

Однажды утром мы вышли в засаду. Это было далеко на севере, в демилитаризованной зоне. Самолет-разведчик обнаружил там передвижение крупных сил противника. Нашу роту послали в засаду. У меня был телефон. У каждой огневой группы есть телефон. Группа залегла. Я готовил запасные магазины. Вдруг слышу — вызывают командный пункт и докладывают, что обнаружили двух солдат противника в десяти метрах от себя. Кам говорит: «Лейтенант, мы обнаружили двух ублюдков метрах в десяти от нас. Открывать огонь?» Лейтенант отвечает: «Нет, подождите минуту». Я бросил магазины, зарядил один, и в этот момент открыли огонь. Я слышал, как свистят пули. Не знаю, кто начал, но все уже стреляли. Лейтенант кричал по телефону: «Уит! Смотри за тылом!» «Слушаюсь, сэр», — ответил я. Лейтенант спустился с холма и громко приказал: «Давайте-ка цепью!» Идет, орет, отдает приказы: «Мы ударим с этой стороны!» Он ведь тоже из Пэрриса. По-моему, он пробыл на фронте всего месяца два. Дурак. Кричит. Я передвинул свою группу. Я был старшим гранатометчиком во взводе. Слышу, лейтенант орет: «Уит! Вложи парочку зарядов в куст, что впереди». — «Слушаюсь, сэр!» Я сделал три выстрела.

Потом он, дурак, говорит: «Сейчас поднимемся и ударим. Пойдем в наступление». А место было совсем открытое, так что и спрятаться негде. А лейтенант все кричит, отдает приказы, хотя этого и не надо было делать. Нельзя наступать так во время огневого боя! Мы вышли, и через пять секунд будто ад обрушился на нас. Вся полоса перед нами открыла огонь. Сплошная огненная полоса. Первым был сражен лейтенант. Он стоял метрах в трех от меня. Лейтенант упал навзничь. Я сразу шлепнулся на землю: я тоже находился на открытом пространстве. Потом повернулся и побежал. Еще один парень вскочил и побежал следом за мной. Только мы двое из всего взвода и остались невредимыми и не попали в ловушку. Лейтенант же остался лежать в десяти метрах от меня. Вдруг слышу, зовет. Спрашиваю: «Кто это зовет?» Отвечает: «Я, — и плачет. — Уит, меня ранило». Я повернулся и зарорал на своего соседа: «Прикрывай меня! Прикрывай!» Я поступил, как Джон Уэйн: вернулся за человеком только потому, что он звал меня. «Чарли», вьетнамцы, не стреляли, хотя легко могли бы убить меня, как проклятую сидячую утку. Они же дали мне возможность пойти

за раненым. Спрятаться было негде. Они пощадили меня. Я знаю это. Но, когда я взял лейтенанта, в него снова попала пуля, теперь в ногу. Однако в меня никто не стрелял. Почему? Потому что я негр? Не знаю. В груди у лейтенанта была дыра: пробито легкое. Он задыхался, хватал ртом воздух. Рядом оказался наш радист Салли. Он вызвал дымовые снаряды для прикрытия. Появилась завеса, и можно было передвигаться. Салли и я хотели отнести лейтенанта в тыл. Мы крикнули морским пехотинцам: «Эй, кто там, нам нужна помощь!» В это время я услышал крик Джессуа. Он звал санитара. Кричал: «Санитар!» Снова и снова. Мне стало больно при мысли, что его ранило. Он и Кам были моими друзьями. Три морских пехотинца попытались нам помочь, но очередь из автомата сразила всех троих. Один был убит. Двоих тяжело ранило. Потом мы увидели санитара. Это был его первый бой. Он бежал перепуганный. Я заорал на него: «Вон туда иди, ублюдок! Туда!» — и показал в сторону Джессуа. На спине санитара были свернутые носилки. Я приказал бросить их мне. Мы положили лейтенанта на носилки, но не успели сделать и двух шагов, как Салли упал. Он не мог поверить, что ранен. «Слушай, в меня попало. Можешь ты в это поверить? Меня убили!» Пуля угодила ему в задницу. В это время послышались разрывы дымовых снарядов, звук у них, как у минометов. Один из снарядов упал недалеко от меня. Я оттащил лейтенанта назад. Вскоре подбежали два морских пехотинца. Я вернулся, чтобы посмотреть, что с Салли. Я снял с себя жакет, где находились гранаты, бросил гранатомет, взял пистолет и пошел к тому месту, где остался Салли. За мной поспешил и один из морских пехотинцев. Вдвоем мы оттащили Салли в воронку от бомбы. Там пряталось много парней.

Неожиданно появились наши реактивные самолеты и стали сбрасывать пашки красного дыма прямо на нас. Красный дым означает «позиции противника». И тут я понял, что мы действительно попали в беду.

Вьетнамцы знают, что такое красный дым. Они знают, что сразу же за этим прилетают другие самолеты, которые сбрасывают взрывчатку и напалм. Вьетнамцы должны были отходить. А мы, вместо того чтобы тоже отойти, ждали, когда «чарли» — вьетнамцы выскочат из своих дыр и побегут. Мы начали вышибать их. Они вынуждены были бежать из деревни под нашим огнем. Однако у них

не было другого выхода. Мы их много перебили. У нас было пять автоматических винтовок, пулемет и гранатомет. Я получал большое удовольствие стрелять по очереди из разного оружия.

Один из наших танков подбирал раненых и убитых. Сзади меня в нескольких метрах упала мина, и я поспешил отползти в сторону, но не успел: в спину, ноги и руки мне попала шрапнель. Я ничего не видел. В глазах поплыли круги, и я закричал: «В меня попало!» Я не чувствовал своих ног. Я подумал, что их оторвало, и боялся посмотреть. Ранило и другого парня. Я спросил его: «Тебя здорово ударило?» Он сказал: «Не очень». Потом я взглянул на свои ноги. Мои маскировочные брюки, предназначенные для джунглей, были разорваны. Ноги — все в крови. Парень предложил: «Давай выбираться. Пойдем!» Но я не мог пошевелиться.

Парень схватил меня за руку и начал тащить, но мое снаряжение и пояс с боеприпасами мешали. Тогда он снял пояс и потащил меня. В это время налетели самолеты с взрывчаткой. Если бы это был напалм, нас бы уничтожило. Бомбы рвались вокруг нас, а мы лежали, прижавшись к земле. Потом случилось то, чего я никогда не забуду. К нам подошел танк. Мы стали кричать. Морской пехотинец, который был со мной, кричал во всю силу своих легких: «Нас ранило! Помогите нам!» Танк шел всего в двадцати метрах от нас. Я хорошо знаю, что нас слышали. Однако танк двинулся назад. Этот ублюдок развернулся и уехал от нас. А мы лежали на земле в самом тяжелом состоянии. Когда бой кончился, нас подобрала. Сначала меня направили в полевой госпиталь. Там я встретил одного инструктора из лагеря Пэррис Айленд. Он пробыл во Вьетнаме две недели. Его ранило в том же бою, что и меня. Он получил пять ранений. Я видел, как доктора, осматривая меня, качали головой, что-то записывали. Потом мне сделали укол, и я потерял сознание. Очнулся я на операционном столе. Мне сделали еще несколько уколов, и я опять уснул. Проснулся я в постели. Похож я был на мумию — забинтован с головы до ног. Рядом со мной, на соседней койке, лежал приятель Скип. Его ранило в живот. Я не знаю, выжил он или нет. Прямо через проход лежал Салли. Наше подразделение действительно крепко побили в этом бою.

Потом меня переложили на носилки, погрузили в само-

лет и отправили в Дананг, где я пролежал несколько дней в госпитале ВВС. После этого меня переправили самолетом в Камранг. Когда наш самолет приземлился там, я подумал, что мы дома. Однако когда я увидел подъехавший джип с пулеметом, я сказал себе: «О нет, я все еще здесь».

Автобусом меня и других раненых доставили в армейский госпиталь, а оттуда — в Японию. Мне делали очень сложную операцию. Каждый день из меня доставали шрапнель. Я не мог ходить. Доктор сказал мне: «Ты никогда больше не поедешь во Вьетнам». Я учился ходить, но это было очень трудно. Наверное, как младенцу. Потом я начал ходить. Сильно хромал, но передвигался. Госпиталь был переполнен. Господи, сколько там было раненых! Людей старались выбросить оттуда как можно скорее, как только они начинали двигаться. Мне сообщили, что меня наградили орденами «Бронзовая звезда» и «Серебряная звезда». В день моего рождения, когда мне исполнился двадцать один год, я получил приказ вернуться во Вьетнам. Прошло всего две недели, как я встал на ноги, но ходил еще с трудом, сильно хромал. Во Вьетнаме требовались парни, а в госпитале не было мест. Я решил, что не вернусь в это пекло.

У меня была подруга, японка. Я никогда не думал о дезертирстве. Девушка была настроена против войны и часто спрашивала меня: «Почему вы воюете во Вьетнаме?» Я не знал, что ей ответить. Просто не знал. Я думал о бомбах, об убийствах, о танке, который бросил меня и уехал. И все же я дезертировал. Здесь, в Стокгольме, я работаю на подъемнике в мебельной фирме. Иногда меня здесь спрашивают: «Вы не жалеете о том, что делали во Вьетнаме?» Послушайте, я не жалею о том, что мне пришлось убить нескольких людей лишь потому, что все, кого я убил, старались убить и меня. Я жалею о другом — о том, что я должен был ехать в эту проклятую страну. Что я думаю о Вьетнаме? Мне до лампочки и Северный и Южный Вьетнам. Пусть они воюют хоть до конца своей жизни: мне безразлично, пока не трогают меня.

Джозеф Дусэтт

Вопрос. Когда вы вступили в армию?

Ответ. 17 июля 1961 года. Мне было восемнадцать лет. Я закончил среднюю школу и учился в Висконсинском

университете. Первый семестр я играл в эту игру, а потом бросил. Я знал, что я так или иначе не избежу призыва, и потому записался добровольно, чтобы скорее покончить с этим. И еще я подумал, что лучше мне пойти на военную службу сейчас, чем ждать и начинать делать что-нибудь этакое, чего не хотелось бы прерывать.

Вопрос. Куда вас направили?

Ответ. Основную подготовку я проходил в Форт-Диксе. Затем я прошел девятинедельное обучение в Форт-Гордоне для получения специальности шифровальщика. Оттуда меня отправили в Корею, в 51-й батальон. В Корее я пробыл три года, мне там очень понравилось. Страна очаровала меня. Я научился свободно говорить по-корейски. Культура этой страны настолько отлична от той, к которой я привык, что для меня было своеобразным вызовом разобраться в ней по существу. В роте подшучивали надо мной. «Ты все равно что кореец, — говорили мне, — ты должен быть в корейской армии».

У меня была чистая характеристика. Она и должна была быть у меня такой, чтобы поступить в школу шифровальщиков. Когда я прибыл в Корею, мне вновь устроили проверку для совершенно секретной работы: там нужны были операторы по секретной работе. И здесь я тоже получил отличную характеристику. В январе 1964 года меня направили в Форт-Ли. Там моя служба закончилась, но мне не хотелось идти искать работу. К тому времени я был уже сержантом.

Вопрос. И вы вновь записались добровольцем?

Ответ. Да. И опять я выбрал Корею. Я пробыл там тринадцать месяцев, потом меня направили в Форт-Монро, а оттуда в Вашингтон, в разведывательное управление. Перед этим назначением меня вновь проверяли, так как допуска к совершенно секретной работе уже было недостаточно. Меня назначили курьером в разведывательном управлении, а в июле 1966 года направили во Вьетнам. Я пробыл там год, служил в узле связи 1-й пехотной дивизии.

Вопрос. Где вы находились?

Ответ. Приблизительно в десяти милях северо-восточнее Сайгона, в базовом лагере Дзиань. Там находился штаб дивизии. Однажды мы возвращались из Пфулой и взяли по пути трех корейцев. Они везли пленницу. Это была молодая девушка. Наши солдаты издевались над

ней. Один из них взял карабин, поставил его в положение автоматической стрельбы, снял с предохранителя и направил ствол в живот девушке, приказав ей раздеться до гола и стоять у борта грузовика. Когда мы проезжали через деревню, этот парень кричал вьетнамцам: «Вот она, ваша вьетконговка. Все они проститутки!» Это было чудовищно до тошноты. Однако в сравнении с другими случаями это еще ничего.

Вопрос. С какими, например?

Ответ. Они вталкивали военнопленных в вертолеты...

Вопрос. Кто?

Ответ. Американцы. И там, в воздухе, допрашивали их. Если пленные не отвечали, их выталкивали из дверей. Это случалось часто. Брали троих или четверых. Начинали допрашивать самого старшего. Если он не отвечал, его выбрасывали. Те, кто принимал в этом участие, рассказывали, что, как правило, один из пленных не выдерживал и начинал говорить.

Вопрос. Вас готовили допрашивать пленных?

Ответ. Я прибыл во Вьетнам в июле 1966 года. В августе прошел курс патрульной службы. Я был в классе для сержантов. И мы получили комплекс инструкций. Около двух дней нас учили технике допросов. Наша группа в основном изучала глубокое разведывательное патрулирование: все мы были сержантами и должны были командовать патрулями, но нас учили и методам допросов и тому, что нужно делать, если пленный не дает показаний. Учили, как пытать. В частности, рекомендовалось окунать пленного в воду до тех пор, пока он почти не захлебнется, или снять с него обувь, связать ноги вместе и бить по подошвам стволом винтовки. Предлагалось также засовывать бамбуковые стебли в уши пленным и протыкать барабанные перепонки или брать полевые телефоны и присоединять провода к половым органам. Сила тока в амперах ничтожная, но напряжение достаточно велико, так что это чрезвычайно болезненно. Нам предлагали использовать эти методы, чтобы заставить людей говорить. Я помню один случай в нашем классе. У нас был очень молодой капрал. Он спросил: «А что если я не смогу сделать этого? По-моему, это неправильно». Инструктор на это ответил: «Сержанты, выполняйте приказы!» Иными словами: «Делайте то, что вам приказывают».

Если вы хотите в этом убедиться, можете познакомиться с учебными программами. Наверняка есть и планы уроков по этим вещам.

Одна из задач глубокого патрулирования — захват пленных. Нам показывали, как пытать пленных в полевых условиях, если доставка их слишком затруднена. Получив от них информацию, мы должны были убить пленных.

Вопрос. Вы принимали когда-нибудь участие в операциях по поиску и уничтожению?

Ответ. В декабре 1966 года 1-я пехотная дивизия участвовала в операции «Седар Фолз». Это была крупная операция по поиску и уничтожению. В ней участвовали три пехотные дивизии и еще другие части. В первый день операции два батальона 28-го пехотного полка высадились у деревни Бенсук, расположенной на реке Сайгон. Были получены разведывательные данные о том, что деревня Бенсук использовалась Фронтом Национального Освобождения как база для нападений на Тансон Нхут. Через пять минут после высадки войск деревня была окружена. Никого из жителей оттуда не выпускали. Там не было мужчин призывного возраста. Там находились старики, женщины и дети. Под дулами винтовок им приказали собрать необходимые вещи, затем погрузили их на десантную баржу на реке Сайгон и спустили вниз по течению в Фанкуангу. Из Фанкуанга их транспортировали на грузовиках в окрестности Фанвой и поместили в так называемый переселенческий лагерь. Я видел этот переселенческий лагерь. Мне он показался очень похожим на концентрационные лагеря нацистов. Он был окружен двумя рядами колючей проволоки. Там были установлены пулеметные вышки. Людям давали так мало риса, чтобы только не умереть с голоду. Им выдали старые, изношенные армейские одеяла, которые надлежало бы уничтожить. Люди жили в старых палатках, совершенно непригодных для жилья. Сначала лагерь охраняла военная полиция, затем охрану передали южновьетнамской армии. Стреляли без предупреждения в каждого заключенного, кто оказывался недалеко от ограды. Эти люди не были военными. Они не имели оружия, не носили форму. Их деревню сожгли и взорвали динамитом. Деревню сровняли с землей. Я был там примерно через неделю после проведения операции. Там не осталось ничего, кроме голой, выжжен-

ной земли. И это сделали американцы. Я никогда не видел, чтобы Вьетконг делал что-нибудь подобное.

Вопрос. До приезда во Вьетнам вы приветствовали участие Соединенных Штатов в этой войне?

Ответ. Да. Раньше я думал, что в основе своей американское присутствие там справедливо. Теперь же я хорошо знаю, что нам там не место. Я видел только нашу жестокость и отсутствие всякой заботы о людях. Какие-нибудь тугодумы, жестокие люди могут мне возразить, что, мол, в каждой войне неизбежны поступки и действия, выходящие за пределы нормы. Может, это и так, но во Вьетнаме мы не защищаем демократию, а лишь наносим ей поражение.

Вопрос. Как вы пришли к такому выводу?

Ответ. Я был во Вьетнаме, когда проводились выборы президента и депутатов Национальной ассамблеи. Американские наблюдатели, посланные туда, называли эти выборы справедливыми. В день выборов я находился в деревне Дзиань. Мне нужно было выехать по заданию, но, чтобы выбраться из базового лагеря, мне пришлось пройти через всевозможные препоны бюрократии. Военные, как я полагаю, не хотели, чтобы мы видели «демократические выборы». В одной деревне я проходил мимо избирательных кабин для голосования. В деревне находились сайгонские войска. К каждому избирателю был приставлен солдат. О каком свободном голосовании можно говорить, если кто-то с оружием в руках заглядывает вам через плечо и смотрит, за кого вы голосуете? Скольким американцам, а еще больше вьетнамцам, главным образом невинным гражданским людям, стоили жизни эти фиктивные выборы? А скольким еще придется умереть?!

Эд Трератола

Вопрос. Когда вы отправились во Вьетнам?

Ответ. В феврале 1968 года.

Вопрос. И куда вы прибыли?

Ответ. Вначале в Японию. Там мы пробыли двадцать четыре часа, но за это время успели узнать, что нас ждет во Вьетнаме. По рассказам, это был сущий ад. И этот ад приближался. Однако когда мы прибыли в Дананг, то

увидели там буфеты, где продавались рубленные бифштексы, вьетнамских женщин в мини-юбках и все прочее, что напоминало типичную базу в Соединенных Штатах. Потом мы вылетели в Фубай. Там мне выдали каску, оружие, ботинки, посадили в самолет С-143 и сказали, что мы направляемся в Кхесань. Мы сели в самолет и долго кружили. Затем послышался шум, похожий на гром: хвостовая часть самолета оказалась пробитой тремя крупными разрывами. Нам приказали сидеть тихо, потому что самолет будет совершать вынужденную посадку. Наш самолет приземлился, и мы сразу попали под обстрел. Меня посадили за пулемет, а остальных разбросали по всему району.

Вопрос. Сколько времени вы находились в Кхесани?

Ответ. С начала окружения.

Вопрос. Сколько же это продолжалось?

Ответ. Три месяца, до 10 апреля. По-моему, это был последний день окружения.

Вопрос. Какие были потери в Кхесани?

Ответ. Нам никогда не называли цифр, но солдат всегда не хватало. И могил тоже. Убитых было так много, что мы не успевали их хоронить.

Вопрос. Как вы уехали из Кхесани?

Ответ. Первый раз я уехал из Кхесани где-то в середине осады. Я потерял очки и полетел назад в Фубай, в тыл. Это был вертолет, на котором перевозили тела убитых. Пролетая над рисовым полем, мы увидели старого крестьянина, работавшего на буйволе. Один из наших пулеметчиков находился у одного люка, другой — у другого. Кто-то из них предложил: «Давайте снизимся и повеселимся». Вначале они очень низко пролетели над буйволом и страшно перепугали его. Затем пролетели еще раз и пристрелили его. Старик был в отчаянии. Пролетели в третий раз и сбросили на старика пятигаллонный жестяной бидон с водой. Старик, наверное, был убит, просто так, для развлечения. Когда я прилетел в Фубай, выяснилось, что мне нужно лететь в Дананг. Я должен был сдать свое оружие. Прилетев в Дананг, я с приятелем сразу же отправился на черный рынок. Маленькие дети окружили нас и просили денег. Один из них сказал: «Морской пехотинец, пойдем в веселый дом». Я посмотрел на военных полицейских. Они показали мне знаком, что идти

можно. И мы пошли. Приятель захватил пистолет, потому что был напуган рассказами о Дананге. Он пошел с одной цыпой, я с другой. Вдруг я услышал дикий крик. Оказалось, приятель ударил девушку пистолетом. Он не мог ее застрелить, потому что я вытащил из его пистолета патроны.

Вопрос. За что он ее ударил?

Ответ. Просто не захотел платить. А маленькие ребята в это время обшаривали карманы его штанов, пытаясь найти деньги. Вот он и стукнул ее.

Вопрос. Он сильно ее ударил?

Ответ. Да, довольно сильно. Ее лицо было все в крови. Потом всю дорогу мы смеялись над этой историей. Это было вроде большой шутки. Наконец я получил очки и вернулся в Фубай. В это время Кхесань была в осаде. Кхесань — это продолжение города Хюэ. Там, где я находился, город выглядел довольно современно. В свое время это была столица Вьетнама. Несколько парней пили в ресторанчике Фубай, у них на руках было по многу часов, большие пачки пиастров. Мы их спросили: «Что происходит?» Один из них ответил: «Э, парень, внизу, в Хюэ идет встряска. Там гуки. Город большой. Мы разобрали город на части и чистим его». Нам тоже захотелось попасть туда. Мы собрались украсть джип и поехать в Хюэ, но выход закрыли, и мы не смогли выбраться. Парни, возвращавшиеся оттуда, надевали кольца с алмазами. Ехали на мотоциклах, которые были прямо из магазинов. Никто не искал гуков. В городе находились главным образом гражданские, но все равно всех мужчин перебили, потому что кто-то объявил их вьетконговцами. Наши парни убивали всех, кого встречали, забирали все, что могли унести, а главным образом — ювелирные изделия.

Вопрос. Это было в Хюэ?

Ответ. Да.

Вопрос. Когда? Вы помните месяц?

Ответ. Да. Это произошло в мае 1968 года. Наши изобразили все это так, будто грабеж учинили вьетконговцы, пробравшиеся в город. Но на самом деле морским пехотинцам приказали отправиться в город и уничтожить там все. А одному из моих приятелей, капралу Говарду Кею, вьетконговцы спасли жизнь. Он был ранен. Жители внесли его в дом. Девушка перевязала ему рану. Это была меди-

инская сестра из Северного Вьетнама. Однако два приятеля Кея убили ее.

Вопрос. Девушку, которая помогла их другу?

Ответ. Да. Ей прострелили голову из пистолета, а она только что спасла жизнь Кею.

Вопрос. Он сам рассказал вам об этом?

Ответ. Да.

Вопрос. Почему же они убили ее?

Ответ. Потому что она гук.

Вопрос. Как они убили ее?

Ответ. Застрелили... Они были морскими пехотинцами. Хюэ — большой современный город. Они убивали там всех. Потом они применили артиллерию и разрушили так называемую Цитадель. Это была очень красивая католическая церковь. Вообще это был сказочно красивый город. Я видел фотографии города. Затем вызвали самолеты Б-52. Это произошло уже в конце осады Кхесани. В то время там уже не было вьетконговцев. Самолеты разбомбили весь город и сровняли его с землей. Хюэ больше нет.

Вопрос. А в каких-нибудь деревнях вы были?

Ответ. После Кхесани мы направились в район Куангтри. Там мы бросали ящики рациона-С в старух на улицах. Кое-кого из них убило. Маленьким детям мы давали голубые таблетки, предназначенные для разогревания рациона-С. Они похожи на конфеты. Когда же их зажигаешь, пламени не видно, но температура образуется очень высокая. Мы зажигали их и бросали маленьким детям. Те хватали их в руки и прожигали ладони насквозь.

Вопрос. Многие из парней делали это?

Ответ. Мы все делали это, потому что в Кхесани погибло много наших друзей. Я и сам старался быть как можно злее и хуже. Когда я встречал старика или старуху на улице, то требовал у них документы и бил их прикладом. Часто, если документов не оказывалось, мы пристреливали их на месте.

Вопрос. Сколько же ваше отделение убило людей только за то, что у них не оказывалось документов?

Ответ. Это было в Куангтри, а это ненадежный район. Если у крестьян, работающих на буйволах, не было документов, то мы имели право... Нет, мы не имели права, но мы могли пригрозить, и они убегали. После Кхесани в нас было столько ненависти, что для нас ничто не имело

значения. У нас не было возможности схватиться врукопашную с вьетконговцами, а в нас кипела дикая жажда крови. Это было страшно... Я не знаю...

Вопрос. Вы говорили, что бросали рацион-С в людей. Что это значит? Вы бросали банки?

Ответ. Нет, мы бросали целые ящики.

Вопрос. Целые ящики?

Ответ. Да.

Вопрос. Из грузовика?

Ответ. Да.

Вопрос. И были, наверное, случаи, когда попадали в кого-нибудь?

Ответ. Да. Мы могли так и убить. Мы проскакивали деревни со скоростью пятьдесят — семьдесят километров в час и никогда не останавливались, что бы ни произошло. Люди распластывались на дороге, а мы только смеялись: ведь нам разрешали бросать рацион-С вьетнамцам.

Вопрос. Ваши офицеры знали обо всем этом?

Ответ. Да. Все офицеры знали, что происходит. Вообще-то лейтенант Фостер сказал однажды: «Нет никакого смысла брать пленных. Это глупо. Они нам не нужны. Морские пехотинцы не берут пленных».

Вопрос. Он был в вашем подразделении?

Ответ. Да.

Вопрос. Командиром вашего взвода?

Ответ. Да, командиром взвода, совершенно верно. Он получал приказы от полковника Эльмера Роджерса.

Вопрос. Полковник Роджерс знал, что лейтенант Фостер не хочет брать пленных?

Ответ. Да, всякий раз, когда мы отправлялись в дозор, полковник Роджерс приезжал к нам. Нам поручалось привести одного-двух пленных. При этом говорилось, что если вьетнамцы станут сопротивляться, то мы можем убить их.

Вопрос. Кто говорил это?

Ответ. Лейтенант. Если в какой-нибудь деревне нас встречали огнем или как-то проявляли враждебное отношение к нам, то мы выстраивали жителей, отбирали молодых парней и уводили их на допрос. Они никогда не возвращались к себе домой.

Вопрос. Вы действительно делали это?

Ответ. Мы делали это в Куангтри. Этот район контролировала 101-я воздушнодесантная дивизия. Наш баталь-

он прибыл сменить ее подразделение, которое понесло очень большие потери. Нам сказали, что в случае осложнения обстановки мы должны арестовать всех молодых парней в деревне и отправить их в Дананг для допросов.

Вопрос. И вы делали это?

Ответ. Да, в двух деревнях. После этого в большинстве других стало спокойнее. Нас перестали преследовать снайперы. Однако вскоре противник начал ставить мины. Мы тогда стали делать так: какую-нибудь старуху ставляли идти по тропинке по джунглям впереди нас. Мы ей говорили: «Ты будешь идти той дорогой, какой мы прикажем. Если встретится мина, лучше предупреди. Если не скажешь, мы убьем тебя». Однажды мы приказали какой-то женщине идти впереди нашей колонны. Вдруг она остановилась и ни за что не хотела идти дальше. Переводчик потребовал, чтобы она шла дальше, но женщина не двигалась. Тогда нам стало понятно, что впереди — мина. Мы опять приказали: «Иди, иначе мы застрелим тебя». В конце концов через пять или десять минут она привела нас прямо к мине. Мы разрешили женщине идти домой. Потом нам приказали вернуться ночью в деревню и убить эту женщину.

Вопрос. Убить?

Ответ. Да.

Вопрос. И ее убили?

Ответ. Да.

Вопрос. Кто же сделал это?

Ответ. Четыре добровольца. Младший капрал Питкери и его огневая группа.

Вопрос. Почему же ее не убили сразу?

Ответ. Это не так-то просто. Нам следовало быть осторожными в Куангтри. Там было очень много армейских генералов, которые следили за всеми нашими действиями. Корпус морской пехоты и армия не ладят друг с другом, мы очень разные, и потому мы должны были быть осторожными.

Вопрос. Кто посылал огневую группу? Кто вызывал добровольцев?

Ответ. Капрал Клам. Он сказал капралу Макмиллану, под командованием которого было двенадцать человек, а тот выбрал младшего капрала Питкерна. Этот капрал любыми путями добивался повышения. Он не раз вызывался идти добровольцем на самые неприятные задания. Не

знаю, как они сделали это, но потом поступила жалоба, что кто-то из наших убил женщину. Мы же все свалили на Вьетконг.

Вопрос. Вы видели, как сжигали дотла деревни?

Ответ. Я много видел жестокости по отношению к людям, но как сжигают дотла деревни, лично не наблюдал.

Вопрос. Но вы слышали об этом?

Ответ. Да. Об этом много рассказывают, потому что такие вещи происходят во Вьетнаме постоянно. Все началось с 1966 года. Об этом узнаешь еще в учебном лагере. Там вдавливали, что каждому необходимо сжечь хоть одну вьетнамскую хижину.

Вопрос. Вы когда-нибудь видели допросы пленных?

Ответ. Нет. Не видел. У нас не было времени допрашивать их.

Вопрос. А как убивают пленных, видели?

Ответ. Да. Их убивали постоянно. У нас не было времени возиться с ранеными. Мы не вызывали вертолета, чтобы не ставить под угрозу жизнь пилота. Поэтому пленных убивали.

Вопрос. Вы часто это видели?

Ответ. Да. Каждый раз после боя, когда были раненые вьетконговцы.

Вопрос. Что же происходило?

Ответ. Рядовых убивали сразу же.

Вопрос. И вы видели это?

Ответ. Да.

Вопрос. Как это делалось?

Ответ. Из винтовки. Кто-нибудь из нас подходил к раненым и начинал их убивать. Сначала мы пользовались только винтовками, потом это превратилось в своего рода игру. Мы складывали раненых в кучу и стреляли из гранатомета.

Вопрос. Прямо по раненым?

Ответ. Да. Одного или двух сразу разрывало на мелкие части.

Вопрос. Скольких раненых убили на ваших глазах?

Ответ. Я не могу сказать точно, потому что это случилось по ходу дела. Наверное, около... пятидесяти — шестидесяти. Вообще всех, кто лежал на земле, мы пристреливали.

Вопрос. А как вы обращались с женщинами?

Ответ. Когда мы были в глубоком дозоре и долго не видели женщин, пять или шесть наших парней отправлялись в деревню, ловили девушку и приводили в джунгли.

Вопрос. Вы видели это?

Ответ. Да. Часто.

Вопрос. И что же?

Ответ. Девушку приводили в джунгли, приставляли к виску ружье и приказывали не сопротивляться и не кричать. Если у ребят было хорошее настроение, они потом отпускали ее, если же плохое — убивали. Все зависело от того, что случилось в этот день. Если кого-нибудь из наших убивали, девушку уничтожали.

Вопрос. Это делалось систематически?

Ответ. Да. Всегда, когда мы долгое время находились в джунглях. А пойти в деревню — такая возможность у нас выдавалась часто.

Вопрос. Значит, это была регулярная практика?

Ответ. Да. Парни часто занимались этим. Иногда каждую ночь. Деревенские много жаловались. Иногда наши пачальники выговаривали нам: «Послушайте, остыньте немного. Делайте это пореже». Но никто не наказывал нас.

Вопрос. Вам никто не говорил, что вы не имеете права так делать?

Ответ. Нет.

Вопрос. И никто не боялся, что его будут судить и накажут за изнасилование?

Ответ. Нет. Нам просто говорили: «Потише». Однажды группа солдат изнасиловала французскую медсестру.

Вопрос. Кто сделал это? Где и когда?

Ответ. В Кхесани. Это было во время осады. О девушке ходило много разных слухов. Ребята были накануне в дозоре. Они завязали бой с противником. Их было человек тридцать. Большинство из них получили в тот день орден «Бронзовая звезда», а капитан — даже орден «Серебряная звезда».

Вопрос. Что же они сделали?

Ответ. Они наскочили на окопы северовьетнамской армии, рядом с Кхесанью. Завязалась рукопашная. Они захватили медсестру. Она была не вьетnamка. Она была французенка. Она перевязывала гуков.

Вопрос. Ее привели в Кхесань?

Ответ. Да. И офицеры изнасиловали ее, а потом передали сержантам и солдатам. Затем ее вывели в расход.

Вопрос. Они убили ее?

Ответ. Ей прострелили голову из пистолета.

Вопрос. Вы делали какие-нибудь снимки?

Ответ. Да. Я фотографировал.

Вопрос. У вас нет этих фотографий с собой?

Ответ. Все мои фотографии просмотрела цензура, в том числе и фотографии, сделанные в Кхесани. Все фотографии, где были убитые, у меня отняли.

Вопрос. Сколько времени вы пробыли во Вьетнаме?

Ответ. Почти шесть месяцев.

Вопрос. У вас есть ранения?

Ответ. Да.

Вопрос. Как это произошло?

Ответ. Я был в дозоре в Кхесани. Шрапнель ударила мне в глаз. За ранение я получил медаль «Пурпурное сердце». Меня показали врачу. Я сказал ему: «Послушай, парень, мне надо уехать отсюда. Ты не можешь направить меня в Дананг?» И он отправил меня в Дананг. Там я пошел к главному врачу. Тот объявил: «С глазом нет ничего плохого». Тогда я ему сказал: «Послушай, я напишу письмо своему конгрессмену». И врач направил меня в армейский госпиталь в Японии. Я пролежал в глазном отделении около месяца. Глядя на парней, которые находились там, я понял, как мне повезло, что я так легко выбрался из Вьетнама.

Вопрос. Госпиталь был переполнен?

Ответ. Да. Он был забит ранеными, и в основном морскими пехотинцами. Их пересылали в Японию, потому что и американские госпитали были переполнены. Большинство парней хотели уехать домой, но им не разрешали. А я вот дезертировал.

Вопрос. Почему вы дезертировали?

Ответ. После первого же боя во Вьетнаме я понял, что война — это не то, о чем мне рассказывали. Потому что люди... Нам говорили, что мы едем во Вьетнам помогать, защищать вьетнамцев от коммунизма и тех, кто собирается отнять у них землю. Говорили, что вьетнамцы нас любят, что они смотрят на нас как на своих спасителей. На самом же деле старухи от нас шарахались, дети убежали. Они общались с нами, лишь когда хотели что-нибудь нам продать. И чем дольше я находился там, тем

больше росла у меня к ним ненависть. А когда растет ненависть, все больше хочется взять верх и в конце концов начинаешь бить людей ни за что ни про что. Скажем, проходишь через деревню и стреляешь пару раз в чьи-то окна. И никому до этого нет дела. С каждым днем это становится все противнее и противнее.

У меня был товарищ. Он снял скальп: отрубил вьетнамцу голову и держал ее в своей палатке. Вечерами он надевал на мертвую голову шляпу и развлекал нас. Однажды мы проходили через деревню и увидели мертвую старуху. Она лежала, свернувшись калачиком. Мой приятель взял котелок и начал брызгать водой ей в лицо. Подошедший сержант спросил: «Что ты делаешь?» Тогда мой приятель вытащил пистолет и начал стрелять — бах, бах, бах — в лицо мертвой женщины. И это была всего-навсего шутка.

Вопрос. Как вы теперь к этому относитесь?

Ответ. Мне становится нехорошо, когда я вспоминаю об этом. Но самые худшие воспоминания у меня связаны с госпиталем. То отношение, которое раненые встречают в госпитале, — одно это уже может решительно изменить мнение о войне. Ребята воевали за свою страну, потеряли здоровье, а многие — руки или ноги. И что же? Они не получают приличного лечения. Им не давали лекарств, не давали даже болеутоляющих средств. Сестры сидят, пьют кофе, и порой я сам вставал среди ночи и давал ребятам пить. Санитары очень равнодушны. Я, конечно, случайно попал туда. Я ведь был здоров, я просто дурачился. Но все увиденное там было ужасно. Мне спились кошмары. Я все время видел этих парней и не мог вернуться во Вьетнам. По-моему, именно это и заставило меня уйти.

Вопрос. Что думают у вас в семье о том, что вы в Швеции?

Ответ. Во-первых, мой отец никогда не хотел, чтобы я ехал во Вьетнам. Он не хотел также, чтобы я пошел в корпус морской пехоты. Отец был в Германии во время второй мировой войны, принимал участие в бою на Рейне. Он говорил мне: «Надеюсь, ты никогда не попадешь в бой. Это ужасная вещь». Но я никогда особенно-то не ценил своего отца. Мне казался он глуповатым. А когда я позвонил отцу и он узнал, что я здоров и нахожусь в Швеции, он одобрил мое решение.

Вопрос. У вас есть братья или сестры?

Ответ. Да. Брат. Он на семь лет моложе меня. Он страдает сейчас из-за меня.

Вопрос. Каким образом?

Ответ. Его преследуют за то, что он брат дезертира.

Вопрос. Сколько ему лет?

Ответ. Четырнадцать. Он учится в средней школе. Большинство его учителей — те же, кто учил меня. Ему довольно трудно, потому что город, где я жил, никогда не участвовал в движении за мир. Это очень маленький город. Товарищи дразнят его.

Вопрос. А как он относится к тому, что вы находитесь здесь?

Ответ. У него нет политических взглядов. Он слишком молод. Он просто хочет, чтобы я приехал домой. Он хочет повидаться со мной.

Вопрос. Вы видели много жестокости во Вьетнаме. Во многих жестоких операциях участвовали лично. Почему же увиденное в госпитале в Японии больше подействовало на вас, чем все жестокости во Вьетнаме?

Ответ. Не знаю. Может, у меня просто не было возможности подумать об этом во Вьетнаме. Когда же я увидел наших раненых в госпитале, я содрогнулся.

Вопрос. Но вы же видели растерзанные вьетнамские тела?

Ответ. Да, но это совсем другое дело. Вы понимаете? Ведь в Японии были американцы!

Роберт Морань

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Роберт Морань.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Бейкера, штат Орегон. Это маленький городок в восточной части штата.

Вопрос. Вы добровольно пошли на флот?

Ответ. Да.

Вопрос. Какое вы получили образование?

Ответ. Окончил колледж. Я узнал, что меня скоро призывают в армию, и поэтому добровольно пошел на флот. Учился в морской офицерской школе. Это школа кандидатов в офицеры. Вначале я проходил начальную подготовку в Сан-Диего.

Вопрос. Когда вы записались добровольцем?

Ответ. В сентябре 1967 года. В Сан-Диего я пробыл около трех месяцев, затем получил приказ о зачислении в школу кандидатов в офицеры. Я учился в этой школе в Ньюпорте с марта 1968 года в течение шестнадцати недель. Окончил школу младшим офицером.

Вопрос. Как вы относились к войне, когда записывались добровольцем на флот?

Ответ. По существу, я не был против войны вообще, но с самого начала считал, что Соединенные Штаты не должны участвовать в этой войне, однако я никогда не принимал участия в протестах против войны.

Вопрос. В каком колледже вы учились?

Ответ. В колледже штата Орегон.

Вопрос. Там были выступления против войны?

Ответ. Это очень консервативный колледж. В период моего обучения там не было никакой организации, выступавшей против войны. Может, и проходили какие марши мира, но они были незначительны.

Вопрос. Куда вас направили после окончания школы кандидатов в офицеры?

Ответ. В школу подготовки десантников. Затем я прошел курс навигации, где изучал международные правила и управление кораблем. Потом я получил отпуск, после чего был направлен в Японию. Я получил назначение на транспортный корабль в Японии. Он совершал регулярные рейсы из Японии во Вьетнам.

Вопрос. Сколько времени вы находились в водах Вьетнама?

Ответ. За пять месяцев я был там дважды: со второй половины октября до декабря 1968 года и затем в январе — феврале и частично в марте 1969 года.

Вопрос. Какие задачи вы выполняли, находясь в водах Вьетнама?

Ответ. Корабль выполнял главным образом задачи по боевому обеспечению. Мы обеспечивали поддержку двух основных видов операций: контролировали побережье Вьетнама и поддерживали действия частей морской пехоты. Через систему рек мы заходили в дельту Меконга, чтобы поддерживать действия морской пехоты и сухопутных войск. Мы вели систематический обстрел берега, обычно в ночное время. Мы выполняли приказ не оставлять ничего живого в полосе обстрела.

Вопрос. По каким целям вы вели огонь?

Ответ. Нам указывали только координаты. Мы не знали, что там находится.

Вопрос. Это могла быть и деревня?

Ответ. Возможно. Мы стреляли из 76-мм орудий фугасными снарядами. Однако мне бы не хотелось говорить об этом. Я не хочу помогать противнику. Давайте не будем входить в детали военных операций. Бомбардировкам и артобстрелу подвергались целые районы; человеческие жизни и благосостояние людей во внимание не принимались. Эти районы определялись как районы действия Вьетконга, хотя местные жители были главным образом крестьяне и рыбаки. Многие из них были далеки от политики. Они гибли только потому, что оказывались в районе обстрела. На наш корабль регулярно доставляли военнопленных. Их допрашивали армейские переводчики. Бывало, что захватывали целые семьи, в том числе женщин и маленьких детей.

Вопрос. Знаете ли вы, зачем их забирали?

Ответ. Нет, не знаю.

Вопрос. Когда вы оставили службу?

Ответ. В апреле 1969 года.

Вопрос. Где вы были в то время?

Ответ. В Японии, в порту приписки. Мы всегда ходили туда ремонтировать корабль.

Вопрос. Как назывался ваш корабль?

Ответ. «Уоштенау».

Вопрос. Производилось ли десантирование танков с вашего корабля?

Ответ. Нет, хотя это было основное назначение корабля. Этот корабль с небольшой осадкой, он может подходить вплотную к берегу и высаживать танки. Но мы не перевозили танки. Чаще всего наша танковая палуба была заполнена боеприпасами и минами.

Вопрос. Почему вы дезертировали?

Ответ. Это решение я принял во Вьетнаме. Там я понял, что Соединенные Штаты — чужеродный элемент в этой стране. Вьетнамцев ввергли в самоуничтожение, и мы принимали в этом участие. Я не коммунист, но и не сторонник навязывания другим людям нашей идеологии. Люди сами должны решать, как им жить и какое правительство у себя иметь. Помимо причин, которые связаны с Вьетнамом, у меня была еще одна. Это военное окруже-

ние. Оно мне совсем не нравилось. Обычным делом на корабле были наказания за «дисциплинарные» проступки. Грубая, примитивная морская система наказаний бесчеловечна. Провинившегося, например, привязывали к мачте, и он три дня был на хлебе и воде.

Вопрос. Это варварский вид наказания?

Ответ. Да. Когда становишься военнослужащим, основные конституционные права на тебя уже не распространяются, такие, как свобода слова, соответствующее представительство в судах и т. д. Я считаю, что вся система военных трибуналов противоречит основным гражданским правам.

Вопрос. Офицер, который собирается дезертировать, находится в ином положении, чем рядовой?

Ответ. Да, совершенно верно. Офицеру труднее дезертировать. Он не может поговорить об этом ни с офицерами, ни с рядовыми. Офицеру поэтому труднее связаться с подпольной организацией, помогающей дезертирам и людям, протестующим против войны. И скоро обнаруживаешь, что ты изолирован. Ты должен вести себя безупречно, чтобы тебя ни в чем не заподозрили.

Гарри Плимpton *

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Сержант Гарри Плимpton.

Вопрос. Сколько вы пробыли в армии?

Ответ. Одиннадцать лет.

Вопрос. Сколько времени вы находились во Вьетнаме?

Ответ. Девять месяцев и двенадцать дней.

Вопрос. Какое у вас было звание во Вьетнаме?

Ответ. Сержант Е-5.

Вопрос. В чем состояла ваша служба?

Ответ. Я был командиром отделения в батальоне рейнджеров. Я участвовал во многих операциях по поиску и уничтожению.

Вопрос. Сколько времени вы пробыли во Франции?

Ответ. Почти три недели.

Вопрос. Не можете ли вы рассказать о какой-нибудь операции по поиску и уничтожению, в которой вы лично участвовали?

Ответ. Однажды мы проходили через какую-то деревню. Впереди идущее отделение подверглось обстрелу. Три наших парня были убиты. В нас стреляли по крайней мере из трех видов оружия. Мы отступили, унесли убитых и раненых. Когда отошли метров на двести или триста от деревни, командир роты, капитан, отдал приказ взводу минометчиков сровнять деревню с землей.

Вопрос. И они сделали это?

Ответ. От деревни не осталось следа.

Вопрос. Сколько людей жило в этой деревне?

Ответ. По-моему, около пятисот человек.

Вопрос. Кто-нибудь остался в живых?

Ответ. Мы не нашли оставшихся в живых. Мы видели лишь обгоревшие тела.

Вопрос. Что применили против деревни?

Ответ. Напалм, белый фосфор, дым, ракеты, стрелковое оружие, пулеметы.

Вопрос. И много деревень подвергалось такому уничтожению?

Ответ. Да. Если у нас возникало подозрение, что жители симпатизируют вьетконговцам или укрывают кого-нибудь из них, мы сжигали эту деревню.

Вопрос. Кто обычно принимал решение сжечь деревню?

Ответ. Старший по званию. Однажды лично я отдал такой приказ. Мы сожгли все — скот, рисовые посевы и, конечно, дома.

Вопрос. Знаете ли вы что-нибудь о порядке обращения с пленными?

Ответ. О порядке обращения с пленными? Обычно нам давали приказ: «Пленных не брать». Это значило — уничтожать всех раненых солдат противника.

Вопрос. А вы убивали раненых?

Ответ. Да. Однажды я застрелил раненого из пистолета.

Вопрос. Он не мог двигаться?

Ответ. Да, он был тяжело ранен.

Вопрос. И часто поступали такие приказы?

Ответ. Практически в каждой операции.

Вопрос. От кого они поступали?

Ответ. Я получал приказы от командира взвода и в свою очередь передавал его своим людям...

Вопрос. А от кого получал эти приказы командир взвода?

Ответ. От командира роты, а тот — от командира батальона. И так далее.

Вопрос. Приходилось ли вам видеть допросы пленных?

Ответ. Да.

Вопрос. Как это происходило?

Ответ. Однажды мы взяли пятерых пленных в вертолет и поднялись. Начали говорить с первым. Он не давал показаний, и мы выбросили его из вертолета.

Вопрос. Кто принимал решение выбрасывать людей из вертолета?

Ответ. Офицер разведки, лейтенант.

Вопрос. Выбросили только одного?

Ответ. Нет, четверых.

Вопрос. Что случилось с пятым?

Ответ. Пятый начал давать показания. Его потом отправили в лагерь для военнопленных.

Вопрос. На какой высоте летел вертолет, когда выбрасывали пленных?

Ответ. Примерно на высоте тысяча метров.

Вопрос. Все пятеро были солдатами?

Ответ. Вьетконговцами.

Вопрос. Они были солдатами?

Ответ. Они были партизанами.

Вопрос. Можете вы рассказать и о других случаях зверского обращения с пленными?

Ответ. Однажды южновьетнамские рейнджеры пытали молодую девушку. Ее пытали очень долго. Она умерла только на третий день.

Вопрос. Как ее пытали?

Ответ. С нее сорвали одежду, загнали крюки в ноги, у щиколоток, и распяли на дереве. Потом вогнали во влагалище бамбуковую палку, а щепками проткнули груди, живот, под мышками. Она умерла на третий день.

Вопрос. Вы видели это?

Ответ. Американцев заставляли отворачиваться и делать вид, что ничего кругом не происходит. Мы, конечно, все видели, но нам приказывали отворачиваться, чтобы мы могли сказать, будто ничего не видели.

Вопрос. Вы видели, как допрашивали других пленных?

Ответ. Да. Я видел, как допрашивали мужчину. Сначала его очень сильно избили.

Вопрос. Кто?

Ответ. Американские солдаты.

Вопрос. Чем его били?

Ответ. Кулаками, винтовками.

Вопрос. Что с ним случилось потом?

Ответ. Его забрали в госпиталь. Там он умер. Помню, мы взяли в плен тяжелораненого. У него были прострелены левое колено и правая щиколотка. Он потерял много крови. Я сидел рядом с этим человеком. Сержант Мэтьюз очень хорошо говорил по-вьетнамски и сказал ему, что, если он даст нам нужную информацию, мы сохраним ему жизнь, а если нет — перережем горло. Он заговорил.

Вопрос. Почему вы уехали из Вьетнама?

Ответ. Я был ранен в колено, бедро и лодыжку.

Вопрос. Вы имеете награды?

Ответ. Медаль «Пурпурное сердце», армейскую благодарственную медаль и вьетнамские медали.

Вопрос. Сколько вам лет?

Ответ. Двадцать восемь.

Вопрос. Значит, вы в армии с семнадцати лет?

Ответ. Да.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Техаса.

Вопрос. Ваша семья религиозна?

Ответ. Мать очень религиозна. Я тоже религиозен, но не так, как мать.

Вопрос. Вы баптист?

Ответ. Да.

Вопрос. Как вы могли совместить ваши религиозные убеждения со своим поведением во Вьетнаме?

Ответ. Я считаю, что должен ответить за некоторые дела во Вьетнаме.

Вопрос. Например?

Ответ. Например, я убил там молодую девушку. Кроме того, однажды я приказал обстрелять напалмом деревню. За эти дела мне придется ответить в день своей смерти. Вы когда-нибудь видели, что делает напалм? Если он даже вас не убьет, то проверяет всю жизнь. Когда кусок напалма попадет на подбородок, он может сжечь весь подбородок. Белый фосфор вообще невозможно загасить.

Передайте вашим лучшим друзьям, молодым людям, чтобы они не шли в армию. Их обязательно пошлют на верную гибель. Если вы попадете во вьетнамскую деревню, то даже старик на костылях, самодельных костылях, попытается убежать от вас. Дети с плачем прячутся от нас. Мы внушаем им ужас. От этого можно сойти с ума. Невольно спрашиваешь себя: «Что же я натворил?»

Майкл Шнейдер

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Я урожденный Дитер фон Кроненбергер. Так написано в моем свидетельстве о рождении. Затем отец изменил фамилию на Шнейдер, а меня назвал Майклом. Я Майкл Раймонд Шнейдер.

Вопрос. Когда вы вступили в армию?

Ответ. В начале 1965 года, в мае.

Вопрос. Вы записались добровольно?

Ответ. Да, 15 мая 1965 года.

Вопрос. А что вы делали до этого?

Ответ. Работал в Калифорнийском отделении лесного хозяйства.

Вопрос. Какое у вас образование?

Ответ. После первого курса я бросил колледж.

Вопрос. Какой колледж?

Ответ. Калифорнийский университет в Лос-Анжелесе.

Вопрос. Как реагировала ваша семья на ваше дезертирство?

Ответ. Мой отец назвал меня предателем. Он считает, что наш долг — быть верными армии, в которой служим. Он полковник, служит во Вьетнаме. Недавно он сменил полковника Джорджа Паттона в должности командира 11-го бронекавалерийского полка. Отец был капитаном во время второй мировой войны в нацистской армии.

Вопрос. Ваш отец полковник и служит во Вьетнаме?

Ответ. Так точно, он полковник, командир 11-го бронекавалерийского полка.

Вопрос. Когда он отправился во Вьетнам?

Ответ. Это у него вторая поездка. Я прибыл во Вьетнам в 1966 году. Он приехал туда позже, в феврале 1967 года.

Вопрос. Что он делал во время второй мировой войны?

Ответ. Вначале он был офицером бронетанковых войск в немецкой армии. Затем кому-то он понравился, тем более что кто-то из нашей семьи имел хорошие связи. Кроме того, отец — прусский аристократ, и генерал Гудериан знал кого-то из нашей семьи. В конце концов отец стал его помощником, офицером его штаба.

Вопрос. Что вы знаете о судьбе генерала?

Ответ. На Нюрнбергском процессе его признали невиновным в совершении преступлений и сейчас он — просто немецкий гражданин.

Вопрос. Ваш отец был капитаном в нацистской армии?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Как оказался ваш отец в Соединенных Штатах?

Ответ. Это довольно запутанная история. Наше начальство хотело заполучить Гудериана, потому что генерал был, пожалуй, самый крупный специалист по бронетанковым войскам. Командование армии США обратилось к Гудериану с предложением приехать в Америку и быть инструктором. Гудериан отказался. Тогда начались поиски. Наконец нашли молодого немецкого офицера, который достаточно хорошо знал доктрину действий бронетанковых войск, разработанную Гудерианом. Этим человеком был мой отец. В 1948 году мы пересекли океан. Поездка всей нашей семьи в Соединенные Штаты была оплачена. Мы жили в Ред-Клифсе, штат Кентукки. Это рядом с Форт-Ноксом. Отец работал там гражданским инструктором.

Вопрос. Сколько времени он там работал?

Ответ. Примерно... Да, пожалуй, до начала войны в Корее. Затем он обратился с просьбой присвоить ему звание, и как раз накануне войны ему присвоили звание капитана армии США.

Вопрос. Что же дальше?

Ответ. Около трех месяцев отец оставался в Форт-Ноксе в школе бронетанковых войск. Когда началась война в Корее, он стал командиром танковой роты в Корее. Он пробыл там до конца войны, потом вернулся в Соединенные Штаты. Теперь он полковник, командир полка.

Вопрос. Сколько времени он находится во Вьетнаме во второй раз?

Ответ. С июня.

Вопрос. А сколько он пробыл во время первой поездки?

Ответ. Немногим меньше года. Он должен был остаться в Вашингтоне, но пробыл там недолго. Отец никогда не рассказывал мне, что он там делал. Однако, когда полковник Паттон, командующий 11-м бронетанковым полком, вернулся в США на учебу, отца направили на его место.

Вопрос. Сколько времени вы пробыли во Вьетнаме?

Ответ. Полтора года.

Вопрос. Где вы там находились?

Ответ. Год я служил в 101-м воздушнодесантном полку.

Вопрос. Вы прыгали с парашютом?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Сколько раз?

Ответ. Боевых прыжков я не делал. Я раз пять прыгнул на базе Бьенхоа, чтобы получить нашивки — вьетнамские «крылья». Затем дважды прыгал вне боевой обстановки, ради потехи: когда уезжал в Камранг и когда вернулся. У меня приятель там работал, он и организовал мне это дело.

Вопрос. Сколько же прыжков вы совершили всего?

Ответ. Всего сорок семь прыжков за время службы в армии.

Вопрос. Каковы были ваши обязанности во Вьетнаме? Какое было у вас звание?

Ответ. Я был сержантом, командиром отделения. Однажды, когда я служил в 101-м полку, оказался в группе так называемой глубокой разведки. У меня было самое высокое звание среди всех остальных и больше опыта. В нашей группе было четыре команды по шесть человек в каждой. Можно считать, что я исполнял обязанности командира взвода.

Вопрос. Что вы делали, будучи командиром отделения или когда исполняли обязанности командира взвода?

Ответ. Ну, понимаете, я просто командовал. Мне сверху отдавали приказания, а я в свою очередь передавал эти приказы подчиненным.

Вопрос. Какие это были приказы?

Ответ. Это были обычные каждодневные приказы.

Вопрос. Давайте остановимся на этом. Что вам приказывали делать? Что это были за каждодневные приказы?

Ответ. Нашему пехотному взводу, например, лейтенант приказывал: «Двигайтесь туда-то и туда-то на правый фланг. Мы продвинемся в таком-то направлении к тако-

му-то пункту, на столько-то метров». Ну, мы и двигались в заданном направлении, и я оставлял кого-нибудь там.

Вопрос. Вы участвовали в атаках на деревни?

Ответ. Да.

Вопрос. Сколько раз?

Ответ. Трудно сказать. Не помню. Много раз. У нас стало привычкой поджигать зажатками крыши.

Вопрос. А как же жители?

Ответ. Мы заранее предупреждали жителей. Однако вскоре некого стало предупреждать. Жители либо прятались в подземельях, либо вообще уходили в джунгли. Они нас боялись и не ждали от нас ничего хорошего. Деревни опустели. Там никто не жил. Домашний скот и птиц мы ловили, а деревни сжигали.

Вопрос. Кто приказывал сжигать деревни?

Ответ. Обычно приказы поступали сверху. Например, так уничтожили деревню, которая лежала на пути снабжения наших рот, удаленных от батальона. Дороги к этим ротам не было вообще, и нам приходилось снабжать их при помощи вертолетов. Так вот, решили построить дорогу. Поручили это саперам. Деревня мешала, и тогда приказали снести деревню. Мы сообщили об этом жителям деревни: «Вам придется выезжать!» Многие сразу уехали, но несколько семей осталось. Все равно и их хижины сожгли. Жители возмутились, но так или иначе мы сожгли деревню дотла.

Вопрос. Кто-нибудь был убит?

Ответ. Не знаю. Но я видел однажды, как морские пехотинцы южнокорейской армии убивали людей.

Вопрос. Гражданских, в деревне?

Ответ. Да. Через эту деревню шла дорога к позициям одной из рот и дальше к шоссе № 1. Морские пехотинцы южнокорейской армии, около десяти человек, конвоировали пятнадцать грузовиков после проведенной операции. Когда они проезжали через деревню, их обстрелял снайпер. Корейцы остановились, вылезли из грузовиков и, окружив деревню, начали жечь хижины. Всех, кто выбежал из домов, расстреливали. Мы видели это с холма. Мне это не понравилось.

Вопрос. А американские солдаты убивали мирных жителей?

Ответ. Однажды я видел, как двоих, подозреваемых в симпатиях к Вьетконгу, избил наш парни. Один вьет-

намец умер от ран. Его били прикладом карабина. Однажды я и сам убил нескольких пленных. Я был страшно зол. Тогда убили моего друга. Потом меня направили к психиатру. Он назвал это обычной боевой психической травмой. При виде убитого друга со мной произошел шок.

Вопрос. Скольких вы убили?

Ответ. Трех.

Вопрос. И часто американские солдаты убивали пленных?

Ответ. О, почти всегда. Наш командир батальона не любил брать пленных. Он обычно говорил: «Не надо пленных». Пленных брали, только когда пужна была какая-то информация.

Вопрос. Вы видели, как допрашивают военнопленных?

Ответ. Да. Я и сам допрашивал.

Вопрос. Какими методами допрашивают пленных?

Ответ. Есть разные методы. Используют полевой телефон, например. Еще делают так. Берут кожаный ремень, мочат и завязывают вокруг шеи пленного. Высыхая, ремень медленно стягивается вокруг горла и душит. Пленных много бьют. Просто бьют. Можно загонять бамбуковые палки под ногти.

Вопрос. А с полевым телефоном — это электрическая пытка? Куда присоединяют электроды?

Ответ. Берут два конца электродов и присоединяют их к половым органам. Это очень болезненно.

Вопрос. Скольких людей на ваших глазах допрашивали таким образом?

Ответ. Однажды по приказу я это делал сам.

Вопрос. Кто вам приказывал?

Ответ. Мой командир взвода, лейтенант Дрю.

Вопрос. Как конкретно звучал приказ?

Ответ. Лейтенант сказал: «Попробуй что-нибудь выжать из него. Возьми телефон». Это и означало прикреплять провода и крутить телефон.

Вопрос. Вы много видели таких пыток?

Ответ. Несколько.

Вопрос. И кто пытал?

Ответ. Кто угодно. Кому давали телефон.

Вопрос. Кто давал приказ не брать пленных?

Ответ. Командир батальона подполковник Уолтерз. Его сменил подполковник Граффис. Он поступал таким же образом.

Вопрос. Он тоже отдавал приказы не брать пленных?

Ответ. Только в других выражениях. Он обычно говорил: «Не думаю, что нам нужны пленные». Или: «Не находите пленных».

Вопрос. А что же делали солдаты, если они «находили пленных»?

Ответ. Однажды я видел, как убили вьетконговца с листовкой. Листовки в руках держали обычно перебежчики на нашу сторону. Так вот, когда один из них выбежал на открытое место, размахивая листовкой, кто-то из наших парней начал стрелять. Вьетнамец упал.

Вопрос. Его убили?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Почему вы уехали из Вьетнама?

Ответ. Мне прострелили кость в бедре. Мне оставалось всего четыре недели до окончания срока службы, и я уехал бы домой. Я побывал в разных госпиталях, от Дананга до Японии.

Вопрос. Вы получили награды за бои во Вьетнаме?

Ответ. Да. Орден «Бронзовая звезда», медаль «Пурпурное сердце», орден «Серебряная звезда» и все обычные боевые медали и медали за службу.

Вопрос. Вас не судили за убийство троих пленных?

Ответ. Нет.

Джерри Дасс

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Джерри Дасс.

Вопрос. Вы из «зеленых беретов»?

Ответ. Да. Я прошел большую специальную подготовку в Соединенных Штатах и во Вьетнаме служил в отряде специального назначения.

Вопрос. Когда вы прибыли во Вьетнам?

Ответ. Мы прибыли в Бьенхоа 27 ноября 1967 года, как раз за полтора месяца до начала операции «Тэт». Из Бьенхоа мы направились в Сайгон, где находятся два отряда войск специального назначения. Оттуда меня послали в Нхатранг представиться начальству, так как там находился штаб 1-й группы войск специального назначения во Вьетнаме. Я получил приказ вернуться в Бьенхоа и работать инструктором в лагере «А». Там мы учили

южновьетнамских солдат. Между прочим, половина специальных частей состоит из южновьетнамских солдат. Подразделения специального назначения действуют группами по двенадцать человек. В такой группе — два офицера (капитан и лейтенант), санитар, специалист-подрывник, радист, разведчик (сержант), сапер и шесть стрелков. Я служил в 1-й группе роты специального назначения. Сначала мы находились в Чолоне, одном из районов Сайгона, а затем нас перебросили в Дананг. В Дананге, между прочим, находится 3-я рота войск специального назначения. Там ведутся допросы. Там мы готовили монтаньеров — специальные подразделения для операций в горах. В Дананге я впервые увидел допросы пленных. Это было ужасно. Людей пытали до смерти. Моя специальность — подрывник, поэтому я не занимался допросами, и все-таки мне было любопытно посмотреть, как обращаются с пленными. Им вырывали ногти, отрубали пальцы, держали их голову в воде. Это делал сержант, проводивший допросы, сержант специальных войск с переводчиком из южновьетнамской армии.

В период подготовки нас все время учили убивать. Основную подготовку я проходил в Форт-Орде, а пехотную — в Форт-Полке, штат Луизиана. Я закончил парашютную школу в Форт-Беннинге, в Джорджии, а подготовку, предназначенную для войск специального назначения, — в Форт-Брагге, Северная Каролина.

В войсках специального назначения никогда не знаешь, куда тебя направят и что произойдет. Когда мы получали последний приказ, нас держали в изоляции. Затем мы взлетали. Местом выполнения нашей очередной задачи был район неподалеку от демилитаризованной зоны. В этой операции я был ранен. Меня направили на остров Окинава, а потом — в Японию. Вот тогда я и дезертировал. Я решил, что и так уже слишком много видел.

Вопрос. Вы видели, как убивали пленных?

Ответ. Да. Пленных я видел в Дананге. Их долго пытали, а потом расстреливали.

Вопрос. Почему вы записались добровольцем в войска специального назначения?

Ответ. По той же самой причине, что и большинство парней, из-за денег. Вместе со специальной надбавкой за прыжки и работу подрывника я получал 780 долларов

в месяц. Я азиат по происхождению, и для меня в Соединенных Штатах нелегко зарабатывать такие деньги.

Марк Уоррелл

Вопрос. Когда вы отправились во Вьетнам?

Ответ. Я прибыл во Вьетнам в октябре 1967 года. Я находился все время в районе Дананга, недалеко от Дьенбана, в артиллерийской части корпуса морской пехоты. Однажды наша группа захватила пленного. Он был ранен. Его бросили на землю. Солдаты столпились вокруг пленного, а сержант заорал: «Эй, кто хочет убить гука?» Пленный был очень молод. Возможно, он и принадлежал к вьетконговцам. В него начали стрелять. Пули сначала ложились рядом с ним, а затем стали попадать ему в ноги. Около пятидесяти морских пехотинцев, глазевших на это зрелище, всякий раз, когда пули попадали в пленного, одобрительно кричали. Наконец кто-то прикончил пленного. Ему отрезали уши, а тело отдали вьетнамцам. Наши парни нанизывали уши, срезанные у жертв, на струны и подвешивали их в хижинах к потолку. Можно было видеть десятки таких связок. Ребята очень гордились своими коллекциями, но были и такие, кто не мог этого видеть. Такие люди даже во время боев старались никого не рапить и не убить. Они знали, что, если будут протестовать против таких коллекций, то в дозоре могут получить пулю в спину. Протесты поэтому никто не высказывал.

Вопрос. По каким целям вела огонь артиллерия?

Ответ. Иногда мы получали задачу стрелять по деревне. Обычно производилось пять выстрелов, а затем в деревню вступала пехота. Когда стрельба ведется из 155-мм орудий, достаточно одного попадания, чтобы от деревни ничего не осталось. Огонь корректировали артиллерийские наблюдатели.

Вопрос. Знаете ли вы что-нибудь о налетах пехоты на деревни?

Ответ. Да. Например, подразделение корпуса морской пехоты проводило операцию на севере, в районе Куангтри. Пехотинцы обнаружили подземный госпиталь. Там оказалось более пятидесяти тяжелораненых вьетнамцев. Их застрелили всех до одного. Это было в октябре 1967 года.

Вопрос. Вы видели, как допрашивали пленных во Вьетнаме?

Ответ. Да, видел, как раненого вьетнамца привязали и били. Делали это сержанты и рядовые. Видел, как пленных пытаются водой. Рот человеку затыкают мокрым носком, как кляпом, и льют в нос воду. Я видел, как пленного раздели догола, связали руки за спиной и пытали при помощи полевого телефона. У телефона два провода. Одним проводом проткнули пленному язык, второй вогнали в половые органы. Затем начали крутить ручку телефона. Пленный закричал, а все, кто стоял вокруг, смеялись. Пленному задали еще вопрос. Он ответил, что ничего не знает. Тогда начали крутить телефон все быстрее и быстрее. В допрос включился сержант морской пехоты. Это продолжалось долго. Из языка пленного текла кровь, половые органы напухли и тоже кровоточили. Когда я запротестовал, мне стали кричать, что эти звуки убили наших парней. Меня спросили: «Ты что, любишь гуков?» Морские пехотинцы били пленного до тех пор, пока тот не потерял сознание. Его били прикладами винтовок. Затем его схватили и окунули головой в унитаз.

В июне 1968 года я был в штабе нашего подразделения к северо-западу от Дананга. В штаб привели десятилетнего мальчика. Сержант начал допрашивать его. У сержанта был нож около двух футов в длину и ручкой в восемь дюймов. Сержант стал бросать нож к ногам мальчика. Мальчик был бос. С каждым разом нож падал все ближе. Наконец он попал в большой палец ноги и рассек его. Мальчик закричал, его увели.

А что творят наши парни, допрашивая женщин и молодых девушек, трудно себе представить. Не хочется даже вспоминать об этом. Морские пехотинцы превратились в грубых животных с извращенными сексуальными наклонностями. Как они обращались с маленькими девочками! Некоторые парни коллекционировали мужские и женские половые органы, и это все считалось в порядке вещей.

Джулиус Бишоп *

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Джулиус Бишоп.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Бостона, штат Массачусетс.

Вопрос. Как вы попали в армию?

Ответ. Записался добровольно. Я вырос в приютах. Учился в школах для трудновоспитуемых. Жил самостоятельно с четырнадцати лет. У меня было поддельное свидетельство о рождении, и я записался добровольцем в армию. Фактически шестнадцати лет. Это было в Денвере 25 июля 1965 года. Я считал, что в армии жизнь прекрасна. Наконец-то я почувствовал себя обеспеченным. Это было здорово! Так я стал солдатом и вскоре оказался в Дананге. Я научился разбирать мины и прочие подобные вещи. Меня перевели в Плей-Ку в батарею «В» группы поддержки. Я водил двенадцатитонный грузовик. Я видел там много жестокостей и диких вещей.

Вопрос. Что вы имеете в виду?

Ответ. Наши солдаты, например, делали связки из ушей противника. Началось это в 1966 году. Наши солдаты прибывали отрезанные уши к деревьям. Так старались испугать вьетнамцев. Потом свои коллекции солдаты начали навешивать на струны и вешать в хижинах. Однажды я ехал проселочной дорогой. Меня остановил парень и попросил немного бензина. Я не знал зачем и ответил: «О'кэй». Оказалось, группа солдат захватила молодую девушку. Собралась целая толпа. Невысокий толстый лейтенант командовал. Девушку раздели, привязали к двум деревянным колям, облили бензином и подожгли.

Вопрос. Она была вьетнамкой?

Ответ. Конечно. А наши парни просто стояли и смотрели, как она горела. После этого все мои идеалы о патриотизме, о необходимости убивать противника были выброшены на помойку. Я понял, что одурачен. Наши парни во Вьетнаме — это больные, сумасшедшие люди. Нормальный человек, который пробудет там год и увидит все собственными глазами, может потерять рассудок.

Вопрос. Джулиус, если бы я встретил вас до вашего отъезда во Вьетнам и рассказал обо всех этих ужасах, вы бы поверили мне?

Ответ. Нет. Я бы сказал, что нечто похожее делал только Гитлер. Это дикость! Это сумасшествие! Это нацизм! Я никогда не ожидал увидеть что-либо подобное. Эти крепко сложенные парни, типичные американские парни?! Господи, нет! Этого не может быть! В Штатах их ждут знакомые девушки. Я никогда бы в это не поверил!

Я никогда не слышал ничего подобного до приезда туда. Вашему рассказу я бы не поверил, но теперь я все это видел сам.

Роберт Фоссет

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Роберт Фоссет.

Вопрос. Какое у вас звание?

Ответ. Во Вьетнам я прибыл рядовым Е-2.

Вопрос. Сколько вам было лет, когда вы записались добровольцем?

Ответ. Девятнадцать.

Вопрос. Где это было?

Ответ. Я записался в Огайо. Меня направили в Форт-Нокс для основной подготовки, а затем я проходил пехотную подготовку в Форт-Ракере, штат Алабама. Перед отправкой во Вьетнам у меня было тридцать дней великодушного отпуска.

Вопрос. Почему вы записались добровольцем?

Ответ. Я получил призывную повестку, и мне посоветовали записаться добровольно, чтобы не быть пехотинцем во Вьетнаме.

Вопрос. Вы окончили среднюю школу?

Ответ. Да.

Вопрос. Сколько времени вы находились во Вьетнаме?

Ответ. Я пробыл там около шести месяцев. Там я стал курить марихуану.

Вопрос. Многие там начинали курить марихуану?

Ответ. В нашей роте было 370 человек, 250 из них закурили.

Вопрос. Каковы были ваши обязанности во Вьетнаме?

Ответ. Я был пулеметчиком на вертолете.

Вопрос. Где вы базировались?

Ответ. Около Сайгона, в местечке Беаркат. Там я был во время проведения операции «Тэт» в 1967 году. Я летал на большом вертолете. На нем было два пулеметчика и экипаж из трех человек. Мы стреляли по хижинам, домам, сампанам, а в свободной от огня зоне нам разрешалось стрелять во что попало.

Вопрос. Сколько вы пробыли пулеметчиком на вертолете?

Ответ. Около двух месяцев. Мне это страшно надоело, и я попросил перевести меня на другую работу. Меня назначили водителем грузовика, и я стал возить для роты воду. Иногда возил и горючее для самолетов.

Вопрос. На вашем вертолете поднимали в воздух пленных?

Ответ. Да, несколько раз. Один случай я помню очень хорошо.

Вопрос. Сколько было пленных?

Ответ. Двое.

Вопрос. Как же с ними обошлись?

Ответ. Их вытолкнули. Обоих вытолкнули, когда мы были в воздухе.

Вопрос. Куда вы должны были их доставить?

Ответ. В лагерь для военнопленных.

Вопрос. Как вы объяснили, что с ними произошло?

Ответ. Офицер сказал, что они сами выпрыгнули.

Вопрос. Это случалось систематически?

Ответ. Нет, но и не было редкостью. Все зависело от настроения наших парней. Мы слышали, что это случилось раза три в неделю.

ТЕ, КТО ВЕРНУЛСЯ

ПОДГОТОВКА

Джеймс Адамс

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Джеймс Адамс.

Вопрос. Вы записались добровольно?

Ответ. Да. Я записался за три дня до вызова на пункт.

Вопрос. Почему вы записались в корпус морской пехоты?

Ответ. Главным образом потому, что там дают двадцатидневную отсрочку. Корпус морской пехоты к тому же — единственный из всех видов вооруженных сил, где служба продолжается два года.

Вопрос. Куда вас направили?

Ответ. Я начал подготовку 14 августа 1969 года в Паррис Айленде, штат Южная Каролина.

Вопрос. Что это была за подготовка?

Ответ. Когда я был дома, в отпуске, меня уже об этом спрашивали. Я ответил тогда, что худшего нельзя ожидать. Это трудно понять, не испытав на себе.

Вопрос. Что же, на ваш взгляд, самое худшее в этой подготовке?

Ответ. Самое худшее — это полное подавление личности и постоянное промывание мозгов. Такая подготовка, по-моему, предусматривает не только приучить вас выполнять приказы, но и стремится сделать из вас горячих приверженцев корпуса морской пехоты.

Вопрос. Приверженцев убийства?

Ответ. Убийства и вообще любого дела, входящего в функции корпуса морской пехоты. Все, что вам поручают, вы должны выполнять с удовольствием, независимо от того, нравится вам это или нет. Важно, чтобы вы все хорошо сделали.

Вопрос. Как часто вы должны были говорить «убей!»?

Ответ. Не слишком часто. В основном в тех случаях, когда проходили занятия по ближнему бою. Тогда нам приказывали кричать, орать, корчить гримасы и делать все что угодно, лишь бы испугать врага, внести панику в его ряды.

Вопрос. Сколько вам лет?

Ответ. Двадцать один год.

Вопрос. Что вы делали до военной службы?

Ответ. Два года я проучился в колледже. Работать начал, когда перешел в последний класс средней школы. За первый год обучения в колледже я платил сам. Понимая, что меня вот-вот призовут в армию, я попытался записаться добровольцем в резерв ОМС. Я получил повестку явиться через десять дней, а мне нужна была сто-двадцатидневная отсрочка. И поэтому я записался в корпус морской пехоты.

Вопрос. Где вы находились, когда стало известно об убийствах в Сонгми?

Ответ. Я был в Кэмп Лежоне, в 1-м учебном полку. Я проходил курс подготовки одиночного бойца. Конечно, подробнее я узнал об этом, когда на рождество приехал в отпуск домой.

Вопрос. Вы были потрясены тем, что услышали?

Ответ. Нет. Меня это не шокировало. Просто было интересно, как стало известно об этом. На меня происшедшее в Сонгми не произвело впечатления, потому что нас готовили именно к этому. Нас учили атаковать позиции противника. Сначала атаковать, а затем прочесывать местность. Главные силы прочесывания должны двигаться вперед медленно и равномерно. Во время атаки движения должны быть безостановочными. Даже если ранен товарищ, следовало оставить его и продолжать движение вперед. Нам говорили: «Пусть санитар позаботится о раненых. Двигайтесь вперед!» Нельзя было останавливаться, даже если заклинило оружие. Следовало наладить оружие на ходу. Двигаясь вперед, нужно было орать во весь голос, стрелять во все, что попадется. Каждому из нас выделялся сектор огня, и мы должны были обстреливать все, что находится в секторе, неважно, что это. По словам нашего инструктора: «Если перед вами прыгнет заяц, пальните и в него как следует. Если проходите мимо раненого солдата противника, убивайте его. Если у вас в

руках винтовка с примкнутым штыком, отрубите раненому голову или вклейте в него несколько пуль. Так или иначе не оказывайте ему помощи! Убивайте раненого на месте!»

Вопрос. Каким нормам поведения учили вас по отношению к гражданским лицам во Вьетнаме?

Ответ. Наш инструктор говорил нам, что нужно привыкать убивать и детей. Это говорилось потому, что морские пехотинцы, впервые попадая во Вьетнам, обычно с симпатией относятся к детям. Ведь у многих из морских пехотинцев дома остались свои дети. Нам же внушали, что многие вьетнамские дети заминированы и, когда вокруг них собирается много морских пехотинцев, дети снимают предохранитель на ручной гранате и взрывают себя вместе с морскими пехотинцами. Кто-то из инструкторов рассказывал, что в одной из деревень, жители которой симпатизировали Вьетконгу, американцы давали детям печенье, сделанное из С-3 и С-4, то есть из пластической ядовитой взрывчатки. Детям давали это печенье, и они умирали. Инструктор шутя обратился к лейтенанту: «Это, конечно, не то, о чем говорят, не правда ли, лейтенант?» Лейтенант же ответил: «Не напоминай мне. Я тоже делал это».

Вопрос. Где это было?

Ответ. В Кэмп Лежоне.

Вопрос. Когда приблизительно происходило это?

Ответ. Между 20 и 30 ноября 1969 года.

Вопрос. Значит, два или три месяца назад?

Ответ. Так точно. Около двух или трех месяцев назад.

Вопрос. Где вы сейчас служите?

Ответ. В Кэмп Пендлтоне. Заканчиваю подготовку по основной специальности как артиллерист. На следующей неделе мне предстоит отправиться на сборный пункт, а это значит, что меня направят куда-нибудь за границу. Может, во Вьетнам.

Джон Зребьек

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Джон Зребьек, капрал.

Вопрос. Вы добровольно записались в корпус морской пехоты?

Ответ. Да.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. 16 октября 1968 года.

Вопрос. Сколько вам тогда было лет?

Ответ. Восемнадцать.

Вопрос. Вы окончили среднюю школу?

Ответ. Нет, не окончил.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Чикаго.

Вопрос. Где вы проходили основную подготовку?

Ответ. В Сан-Диего.

Вопрос. Каковы ваши впечатления?

Ответ. Грубости начались с первого же дня. Самыми тяжелыми были две первые недели. Парней очень часто вызывали в «домик».

Вопрос. За что?

Ответ. За нарушения на учебной площадке. За курение или еще за что-нибудь в этом роде.

Вопрос. Что же происходило в этом «домике»?

Ответ. Инструкторы били солдат.

Вопрос. Сколько там обычно бывало инструкторов?

Ответ. Как правило, двое.

Вопрос. Вас били?

Ответ. Били, потому что я не смог влезть по канату. Понимаете, установлено определенное время, за которое нужно взобраться по канату. Кажется, пятнадцать секунд. Один раз у меня ушло на это семнадцать секунд. Инструктор вызвал меня в «домик» и спросил, почему я не залез быстрее. Что я мог ему сказать? Устал и не мог взобраться быстрее. Знаете, что он сделал? Вы представляете себе стеной шкаф?

Вопрос. Да, я знаю, что такое стеной шкаф.

Ответ. Я должен был вспрыгнуть на этот шкаф и повиснуть на нем на локтях. Вы знаете, что это такое? Я должен был висеть в таком положении минут пятнадцать.

Вопрос. Висеть на локтях?

Ответ. Так точно. А инструктор спрашивает: «Теперь сможешь быстро взобраться по канату?» Я, конечно, очень устал, но что я мог ответить? Я сказал: «Да, сэр». И мы вышли. Я попытался снова взобраться по канату, но все равно не смог уложиться во время. Тогда они начали бить меня.

Вопрос. Сколько раз вас вызывали в «домик»?

Ответ. Два раза.

Вопрос. И каждый раз били?

Ответ. Так точно. Однажды меня так избили, что я потерял сознание.

Вопрос. Сколько вы находились без сознания?

Ответ. Не знаю. На меня вылили ведро воды, чтобы я пришел в себя.

Вопрос. Вы не получили тогда каких-нибудь серьезных повреждений?

Ответ. Нет, в тот раз нет. Щиколотку мне сломали позже.

Вопрос. Кто сделал это?

Ответ. Инструктор.

Вопрос. Как же это произошло?

Ответ. Это случилось на стрелковом полигоне. При стрельбе лежа ступни ног должны находиться в особом положении: одна из них должна лежать на земле, другая — приподнята. Так вот ту ступню, которую следовало положить на землю, я приподнял. Мне так было удобнее целиться. А сержант-инструктор как раз проходил мимо. Он меня уже раньше предупреждал, что я держу ступни неверно. На этот раз он подошел и с силой наступил мне на щиколотку. У меня в глазах потемнело от боли. Я не смог идти.

Вопрос. Что произошло потом?

Ответ. Меня положили в госпиталь. Щиколотка оказалась сломанной.

Вопрос. Сколько вы находились в госпитале?

Ответ. Месяца полтора.

Вопрос. Этот сержант отличался жестокостью?

Ответ. За две недели до случая со мной он ботинком ударил одного парня в бок и сломал ему три ребра.

Вопрос. Вы об этом докладывали кому-нибудь из офицеров?

Ответ. У лейтенанта Джонсона был дикий характер. Лейтенант пригрозил мне, что, если я когда-нибудь расскажу об этом, моя жизнь в морской пехоте станет адом. Лейтенант сказал: «Позабудь о своей проклятой щиколотке».

Вопрос. Вы все еще служите в морской пехоте?

Ответ. Да. Сейчас я нахожусь в Кэмп Пендлтоне.

Джеймс Нелл

Вопрос. Когда вы вступили в корпус морской пехоты?

Ответ. В октябре 1967 года. На три года. Мне осталось служить всего несколько месяцев.

Вопрос. Где вы сейчас находитесь?

Ответ. В Кэмп Пендлтоне.

Вопрос. Где вы проходили основную подготовку?

Ответ. В лагере подготовки новобранцев.

Вопрос. Было тяжело?

Ответ. Я находился во Вьетнаме девятнадцать месяцев. В некотором отношении лагерь хуже.

Вопрос. Чем же?

Ответ. В лагере вас пытаются сломать. Там нещадно бьют новобранцев. Я видел, как одному парню сломали челюсть.

Вопрос. Кто это сделал?

Ответ. Инструктор.

Вопрос. Сломал новобранцу челюсть?

Ответ. Да. Он ударил его по лицу.

Вопрос. А инструктора не наказали?

Ответ. Парень пожаловался. Инструктора понизили в звании. Но через месяц все было забыто, и инструктору снова присвоили прежнее звание.

Билл Хаттон

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Билл Хаттон.

Вопрос. Что вы делаете в настоящее время в Кэмп Пендлтоне?

Ответ. Работаю инструктором по тактике. Моя задача — научить людей, едущих во Вьетнам, хорошо делать свое дело.

Вопрос. Какое у вас сейчас звание?

Ответ. Капрал.

Вопрос. Когда вы вступили в корпус морской пехоты?

Ответ. 2 марта 1966 года.

Вопрос. А вы сами прошли обучение в Пэррисе?

Ответ. О, да. Я этого никогда не забуду.

Вопрос. Вас заставляли молиться за войну и убийства?

Ответ. Да, у морских пехотинцев есть молитвы, назначение которых побуждать к убийствам. Это внушается в течение всего обучения в лагере. Парней заставляют бегать и повторять «убей! убей! убей!».

Вопрос. Это в лагере подготовки новобранцев?

Ответ. Да. В лагере. Там люди боятся возразить против любого требования инструктора. Я сам прошел через все это. Это наиболее эффективная из всех существующих машин убийства. Без сомнения! Вас постоянно унижают и лепят из вас то, что им нужно. Если же вы попытаетесь спорить или возражать, вас избьют. Знаете, почему не используют морских пехотинцев при подавлении беспорядков?

Вопрос. Почему же?

Ответ. Боятся, что морские пехотинцы перейдут все границы. Нас никогда не направляют, например, в Лос-Анжелес или Детройт. Я не без основания полагаю, что, если морским пехотинцам поручат патрулирование какого-то района, где происходят беспорядки среди гражданских американцев, убийств не избежать. После той обработки, которую проходят в период подготовки морские пехотинцы, желание убивать становится реакцией, импульсом. С парнями обращаются, как с безмозглыми животными, и хотят, чтобы и вы поступали, как такое животное.

Стивен Ламброз

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Стивен Ламброз.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Лонг-Бича, штат Калифорния.

Вопрос. Что вы делали до поступления на военную службу?

Ответ. Одно время я работал водителем грузовика на фабриках фирмы «Формика» и учился в городском колледже Лонг-Бича. Я там проучился полтора года.

Вопрос. Какую среднюю школу вы окончили?

Ответ. Я кончил школу в Лонг-Биче.

Вопрос. Вас призвали?

Ответ. Да.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. В апреле 1968 года.

Вопрос. Каковы ваши впечатления от призывного пункта?

Ответ. Обычные впечатления, как и у каждого, кто побывал там. Мы в трусах бегали по плацу, а все вокруг улюлюкали. Затем мы направились в маленькую комнату в тыльной части здания и прошли медосмотр. Когда мы стояли в очереди на медосмотр, какой-то гражданский сообщил, что корпус морской пехоты набирает определенное число людей по поручению самого президента Джонсона. Далее этот гражданский сказал, что двое уполномоченных из армейского центра изучают личные дела призывников. Дела тех, кто имел приводы в полицию, откладывались. Этих людей призывали в корпус морской пехоты в первую очередь. Потом зачисляли каждого пятого.

Вопрос. Вас тоже выбрали для службы в корпусе морской пехоты?

Ответ. Да. Я был последним, на кого пал выбор. Затем нас повели наверх и прочитали традиционную присягу. Я отказался принять присягу. Мне стали объяснять, что отказ от призыва — нарушение федеральных законов и все такое. Я же пошел к консультанту и заявил, что ни за что не пойду в морскую пехоту. Консультант урегулировал дело, и я попал в армию. Вскоре я оказался в старом добром Форт-Орде. Так началась моя армейская карьера.

Вопрос. Где находился этот призывной пункт?

Ответ. На Олив-авеню в Лос-Анжелесе. Серое, обычное здание. Это недалеко от центра города. Поганое место.

Вопрос. Вам объяснили, почему в корпус морской пехоты брали в первую очередь людей, зарегистрированных в полиции?

Ответ. Мы там оказались в таком положении, что было не до вопросов. Там с самого начала, понимаете, на людей нагоняют страх. И вы уже ни о чем не спрашиваете. Представьте себе, что вы стоите в трусах перед человеком, одетым в полную форму, с блестящими пуговицами и со всеми регалиями. В таком положении человека унижают с самого начала.

Вопрос. Откуда вы узнали, что в корпус морской пехоты берут в первую очередь людей, имеющих приводы в полицию?

Ответ. Я разговаривал с одним из тех, кто занимался отбором.

Вопрос. Не знаете ли вы, по каким делам эти люди проходили в полиции?

Ответ. Человек, с которым я разговаривал, сказал, что эти люди судились за кражи и другие преступления. Видимо, начальство в корпусе морской пехоты видит какую-то ценность в них. Может быть, это способ избавиться от хлопот с убийцами. Не знаю. Морские пехотинцы — машины убийства. Убийство — все, чему их учат. А людей такого сорта научить легче.

Вопрос. Вы не были во Вьетнаме?

Ответ. Нет. Я служил на территории Соединенных Штатов. Основную подготовку прошел в Форт-Орде, а усовершенствованную пехотную — в Форт-Диксе. Затем меня направили в Форт-Кэмпбелл и назначили инструктором. На этой должности я был приблизительно месяц, а потом меня перевели в строевую часть. Около трех месяцев я нес караульную службу в гарнизонной тюрьме. Сейчас я служу здесь, в Форт-Худе.

Вопрос. Где вы были караульным в гарнизонной тюрьме?

Ответ. В Форт-Кэмпбелле.

Вопрос. Как там обращались с заключенными?

Ответ. Грубо. А те, кто попадали в одиночные камеры, подвергались еще более жестокому обращению. Их избивали. Думаю, что это обычный порядок во всех военных тюрьмах. Людей сажали в камеру площадью около двух с половиной метров. Им давали пищу, которая вызывает острое расстройство желудка. Такая мера применяется, чтобы подавить у заключенного волю к сопротивлению.

Вопрос. По сколько дней заключенных держат в одиночке?

Ответ. Это зависит от командира.

Вопрос. И все же?

Ответ. Один из заключенных был посажен в одиночку по политическим мотивам. По-моему, он пробыл там девятнадцать дней.

Вопрос. Часто бьют заключенных?

Ответ. Часто. Однажды ночью они заявили протест против условий, в которых их содержат. Они устроили что-то вроде бунта. Потом их сильно избивали. Никто и не подумал как-то успокоить заключенных, их начали сразу избивать. Потом всех вывели на улицу, раздели и заставили стоять на морозе около тридцати минут.

ВОЙНА

Питер Мартинсен

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Питер Мартинсен.

Вопрос. Когда и где вы родились?

Ответ. В Сан-Франциско, 3 ноября 1944 года.

Вопрос. Какое у вас образование?

Ответ. Я окончил два курса колледжа, вернее, эквивалент этого в армейской школе иностранных языков.

Вопрос. Сколько вам было лет, когда вы поступили на военную службу?

Ответ. В девятнадцать лет я записался добровольцем. Это было в июне 1963 года. Я бросил колледж, в котором проучился около года. Затем посещал университет Беркли в Калифорнии. Учился неважно, но меня не отчислили за неуспеваемость. Я сам перестал посещать занятия, потому что потерял интерес к учебе. Когда я записался добровольцем, отец сказал мне: «Ты идиот, если поступаешь таким образом. Если б ты записался еще на год, у тебя был бы выбор». Тогда я записался на дополнительный год, и меня сделали поваром.

Вопрос. Вы сами выбрали эту профессию?

Ответ. Нет.

Вопрос. Что делает ваш отец?

Ответ. Он гражданский инженер.

Вопрос. Как вы стали поваром?

Ответ. Я записался добровольцем, полагая, что буду иметь право выбора. Однако мне не пришлось выбирать. Сержант заявил, что выбор за меня сделает начальство. Когда определяли умственные способности, у меня оказались очень хорошие оценки, особенно по математике.

Когда оценивали интеллектуальные способности, я тоже добился хороших результатов. И другие испытания у меня прошли хорошо. А в итоге меня сделали поваром.

Вопрос. Где вас готовили?

Ответ. Основную подготовку я проходил в Форт-Орде, а потом остался там в школе поваров. Позже меня направили в Дагуэй, на испытательный полигон в штат Юта, это там, где отравили газом всех овец. По площади — это крупнейший армейский лагерь, но там очень мало людей. Это полигон для испытаний нервного газа и бактериологического оружия. Я был там поваром в офицерском клубе. Такое назначение было противозаконно, но меня все равно назначили: кто-то должен был готовить для офицеров. Нельзя же поручить это гражданским поварам! В дополнительный год срока службы я воспользовался льготой, чтобы выбраться из Дагуэй и попытаться попасть в школу иностранных языков. Меня назначили в очень хорошее место, в Сан-Франциско.

Вопрос. На какой срок вас призвали первоначально?

Ответ. На три года. После первого года службы можно подписать контракт, согласно которому срок службы продлевается еще на год, но зато предоставляется право выбрать любое место службы. Я постарался использовать это обстоятельство с умом и не только получил приличное назначение, но и поступил в школу иностранных языков в Вашингтоне. За шесть месяцев я изучил итальянский язык. По окончании курса обучения я получил отпуск на две недели, а потом был назначен в школу допроса военнопленных в Форт-Холабёрде, где учат искусству получения разведывательной информации. Там четыре основных курса, в том числе и курс допроса военнопленных, на котором я специализировался.

Вопрос. Вы проходили только курс допроса военнопленных?

Ответ. Да. Это основной курс. По этому курсу называется и вся школа. Я учился там семь недель. В последнюю неделю моей учебы произошли беспорядки в Ваттсе¹, и президент выступил с речью об эскалации. Вскоре меня перевели в Форт-Мид. Там была рота допроса военнопленных. Мы ничего не делали, лишь иногда переводили

¹ Имеются в виду негритянские волнения в США в 1965 году. — *Прим. ред.*

какой-нибудь документ для ЦРУ. Затем началось действительное наращивание сил. В Форт-Миде находился 11-й бронекавалерийский полк, правда, в ослабленном составе. Его решили пополнить и направить во Вьетнам. В нем восстановили два эскадрона и отряд разведки. Там требовались восемь следователей по допросам, и я оказался в их числе. Итак, меня назначили в 11-й бронекавалерийский полк и направили во Вьетнам.

Вопрос. Расскажите о школе допроса военнопленных.

Ответ. Эта школа очень многогранна. Вначале меня ориентировали на допросы советских пленных или пленных из стран Восточной Европы, потому что в то время Вьетнаму не придавалось большого значения: в учебном плане было выделено только четыре часа на изучение методов допроса вьетнамцев. Метод допроса определяется грамотностью человека, обстановкой, в которой происходит допрос. Нас учили целому ряду приемов и пытались вбить как можно больше знаний по «боевому порядку». «Боевой порядок» — это выяснение того, сколько танков у противника, какие это танки и т. д. Нас учили и технике допросов. Например, нас обучали «технике большого брата». «Большой брат» заходит в комнату, видит пленного, хватается за него и бьет о стенку. Потом заходит «маленький брат». Он, судя по всему, имеет более высокий чин.

Вопрос. Он должен показаться пленному хорошим человеком?

Ответ. Да. Он ругает «большого» за глупость, медлительность и приказывает ему убраться. Пленный, разумеется, из благодарности начинает давать показания. Полиция часто пользуется этим методом, но применение его сохраняется в тайне, потому что при этом нарушаются правила ведения войны по Женевской конвенции, предписывающие обращаться с военнопленными так же, как с заключенными в собственной стране. Это всего-навсего один из приемов техники ведения допросов. Существуют и другие. Например, при допросах раненого пленного можно отказывать ему в медицинской помощи до тех пор, пока он не согласится сообщить какую-нибудь информацию. Можно также не давать пленным есть или долгое время держать их на солнце.

Вопрос. А более конкретной технике пыток вас учили?

Ответ. Нет. Это не входило в учебный план. Однако

после занятий можно было обратиться к офицеру или сержанту, который ведет курс: «Сержант, ну а по-настоящему как допрашивают в боевых условиях?» Сержант обычно отвечал: «Возьмите полевой телефон, присоедините провода к половым органам и «позвоните».

Вопрос. Это говорил только сержант?

Ответ. Я слышал это и от офицеров. «Позвоните», и вам обязательно ответят». На вопрос, законны ли такие пытки, следовал ответ: «Нет, незаконны, но они не оставляют следов». Сержант говорил, что эти правила допроса официально нигде не записаны, но они всегда действуют: «Не оставляйте следов и делайте все, что угодно». Этих правил и придерживаются. Позже я разговаривал с теми, кто вернулся из Вьетнама. Они рассказывали о широком применении армейских полевых телефонов при проведении пыток. Телефон считали самым обычным инструментом пыток. Им часто пользовались, и обычно это называлось «попробовать проводами» или «позвонить». Сержант рассказывал, что провода можно присоединить к любому месту — ушам, пальцам, половым органам, к любым частям тела, где их можно закрепить.

Вопрос. После учебы в школе вас направили во Вьетнам?

Ответ. Мы приехали во Вьетнам на скверном, дырявом пароходе.

Вопрос. Откуда?

Ответ. Из Окленда.

Вопрос. Когда вы отплыли?

Ответ. То ли в конце августа, то ли в начале сентября. Мы прибыли в Вапгтау.

Вопрос. А что потом?

Ответ. Мы должны были остаться в пункте сбора до прибытия остальных подразделений полка. Они прибыли в Сайгон, и мы направились туда же.

Вопрос. С каким подразделением вы прибыли?

Ответ. Я прибыл с подразделением 11-го бронекавалерийского полка. Мы формировались в Лонгбине, затем двинулись в район южнее Ксуанлока. В наш полк входили также саперный батальон, медицинская рота, наш 501-й отряд военной разведки и некоторые другие подразделения. За время передвижения к Ксуанлоку ничего особенного не произошло, если не считать, что из засады убили нашего дешифровальщика аэрофотоснимков. Это

казалось тем более нелепым, что такие специалисты никогда не бывают на опасных заданиях. Нам всем было горько от этого. Вскоре мы получили первую группу задержанных и...

Вопрос. Что значит задержанных?

Ответ. Задержанные — это все, кого захватывают. Задержанные — это мужчина, женщина, ребенок, любой, кого захватили. Задача ведущего допрос определить, кто эти люди: пленные или так называемые хочаны, то есть дезертиры из армии противника. Нужно узнать, находится ли у вас ни в чем не повинный гражданский, или этот человек нарушил гражданские законы страны и принадлежит к Фронту Национального Освобождения. Прежде всего, конечно, нужно выявить военнопленных — убежденных вьетконговцев... Итак, мы получили первую группу задержанных. Я не впервые видел допросы, но это был первый раз, когда я стал свидетелем самого зверского применения силы. Я нередко видел, как людям представляли ножи к горлу, как их избивали. Избивали всех — мужчин, женщин и детей. И вот мы тоже получили первую группу задержанных.

Вопрос. Вы помните, когда это было?

Ответ. В конце сентября или начале октября 1966 года.

Вопрос. Где это было?

Ответ. В провинции Лонгкхан. Базовый лагерь находился в Лонггиао. И мы допрашивали этих задержанных, мы были очень озлоблены, потому что у нас убили депифровальщика Малона и мы впервые ощутили близость войны. До этого война как-то не затрагивала нас. Мы не подвергались минометному обстрелу, в нас никто не стрелял, не стреляли и снайперы. Мы видели пока только грязь, страдали от дизентерии и глотали таблетки от малярии. Мы начали допрашивать этих людей. У меня ничего не получалось. Я бил пленного по лицу, так как был уверен, что это вьетконговец, но не смог ничего от него добиться. А лейтенант все время орал на меня, заставляя «сломать» парня.

Вопрос. Вы помните, как звали лейтенанта?

Ответ. Да. Это был лейтенант Дуглас Куинлан. Типичный продукт нашей «славной» системы корпуса подготовки офицеров-резервистов в южных университетах. Лейтенант Куинлан сказал: «Я сам займусь им». Он достал полевой телефон, снял изоляцию с провода и намотал на

запястья пленного, но тот по-прежнему не давал показаний.

Вопрос. Лейтенант крутил телефон?

Ответ. Да. Шок, который создает телефон, прямо пропорционален скорости вращения ручки, потому что напряжение там постоянное. Затем лейтенант присоединил провода к половым органам пленного. Я не мог видеть этого. Я ушел, заявив, что этого делать нельзя. Лейтенант все равно сделал это. Однако пленный все не «ломался». Я впервые видел такое применение телефона.

В дальнейшем я участвовал во многих небольших операциях по поиску и уничтожению, то есть по прочесыванию деревень. В них участвуют по восемьдесят или сто человек. Обычно в деревнях задерживали очень многих людей. Это были мужчины, женщины и дети. Мы определяли, насколько эти люди подозрительны. Мы работали в тесном содружестве с национальной полицией. Национальная полиция — это в общем-то воинские части, но они величают себя национальной полицией. Так называемых гражданских оборонцев мы передавали властям. Гражданский оборонец — это любой человек, нарушивший коммандантский час и оказавшийся без удостоверения личности. А многие вьетнамцы не носят с собой удостоверение личности. Этот документ они предпочитают хранить дома. Так, мол, надежнее! Тех из задержанных, кто казался нам подозрительным, хотя он и не нарушил никаких законов, мы отвозили в столицу провинции Ксуанлок и передавали в участок национальной полиции. Там таких арестовывали за бродяжничество. Об этих людях потом больше никто ничего не слышал.

Вопрос. А вы не знаете, что с ними происходило дальше?

Ответ. Не знаю. Как правило, этих людей увозили за тридцать или сорок километров от их дома в лагерь или в город Ксуанлок, а это очень далеко от их родных мест. При допросах наши парни всюю применяли физическую силу, а также пытки электричеством. Однажды мы захватили вооруженного человека. Этот вьетконговец был ранен. Но мы отказывали ему в медицинской помощи, настаивая, чтобы он давал показания.

Вопрос. Какое ранение у него было?

Ответ. В ногу и плечо. Он прятался в зарослях, его нашли на следующий день. Мы безуспешно пытались по-

лучить от него какую-нибудь информацию, а ведь это был первый захваченный нами военнослужащий армии Вьетконга. Это случилось в ноябре 1966 года. Командир полка очень хотел получить какие-нибудь сведения тактического порядка, но никаких сведений пленный не давал. Это очень злило командира полка и нас. Я был одним из допрашивающих. Мы исчерпали практически весь запас средств техники допросов: били, не давали есть и пить, отказывали в медицинской помощи, применяли электрические пытки. Но ничего не подействовало.

Вопрос. И сколько времени его пытали?

Ответ. У нас в руках он находился около двух дней.

Вопрос. Какой вид электрической пытки вы применяли?

Ответ. Тот же полевой телефон... Потом началась операция «Аттлибюро». Это была одна из первых крупных операций по поиску и уничтожению, проведенных по инициативе Уэстморленда. В ней принимали участие очень большие силы. Это было в ноябре 1966 года. Эта операция началась в то время, когда в военной зоне «С», около границы с Камбоджей, подверглась нападению 196-я пехотная бригада. Командир бригады был неопытен и вводил в бой роту за ротой, вместо того чтобы нанести удар сразу крупными силами. Он потерял целый батальон и вызвал на помощь части 25-й пехотной дивизии. И снова был потерян батальон. Тогда в дело вступила бригада 1-й пехотной, и это в конце концов принесло нам победу в бою.

В январе началась операция «Седар Фолз». Задача операции «Седар Фолз» состояла в том, чтобы очистить от вьетконговцев так называемый «железный треугольник». Этот район контролировался Фронтом Национального Освобождения. Это был спорный район: войска правительства действовали здесь днем, а Фронт Национального Освобождения осуществлял свою власть ночью. Части сил нашего полка предстояло блокировать одну из сторон «треугольника», а остальным силам двигаться вперед и теснить противника навстречу блокирующим частям 25-й пехотной и 1-й пехотной дивизий.

Четыре или пять тысяч жителей этого района в принудительном порядке изгонялись из своих деревень, предварительно проходя проверку. Им не разрешалось брать с собой какого-либо личного имущества. Все дома были

уничтожены. Бульдозеры буквально сровняли с землей эти деревни.

Вопрос. И много было таких деревень?

Ответ. Да, много, и среди них такие большие деревни, как Бен Сук. Я был там в то время. Жителей захватили, посадили в грузовики и увезли. Дома были снесены бульдозерами. Под каждым домом во Вьетнаме есть траншея. Траншеи эти существуют не потому, что их любят копать, а потому, что это единственный способ укрыться при бомбардировках. Эти траншеи были засыпаны. Наверняка там находились люди. Я не видел этого сам, но вьетнамцы говорили, что в траншеях осталось много людей, которые боялись выйти. Их засыпали бульдозерами.

Вопрос. Неужели это правда?

Ответ. Должно быть. Я никогда в жизни не видел такой картины полного разрушения. Бен Сук находилась в джунглях. На севере — старая заброшенная каучуковая плантация, на юге — тоже джунгли. Люди туда не ходят. На границе с этим районом находились Бен Сук, Рачкьен и несколько других деревень. Я мог бы показать вам их на карте. Я постоянно работал с картой и могу показать на карте те деревни, которые бульдозеры сровняли с землей.

Задержанные поступали главным образом из района боевых действий. Задержанных во время допросов чудовищно пытали.

Вопрос. Вы видели это?

Ответ. Да, видел. К сожалению, я принимал в этом участие. Допрос проводился в специальной палатке. Пленный, которого я допрашивал, признался, что он имеет воинское звание капитана, что он военный историк и описывает действия Фронта Национального Освобождения в этом районе. Больше он ничего не сказал мне. А начальству требовалась тактическая информация, так называемые горячие сведения. Они были очень нужны. Мне повторили: «Немедленно раздобудь их!» Но я ничего не мог добыться. Тогда Мартин Пирс, специалист шестого класса, начальник отделения допросов, и Чарльз Крокер, офицер-следователь...

Вопрос. А какое было у вас звание в то время?

Ответ. Я был специалистом пятого класса. Специалист шестого класса Пирс был на ступень выше. Пирс и Крокер начали допрашивать пленного, а я вышел пообедать.

Когда я вернулся, лейтенант Крокер загонял бамбуковые щепки под ногти пленного.

Вопрос. Что было с этим человеком?

Ответ. Он сидел привязанным к стулу. Эти металлические складные стулья — часть оборудования для допросов. Одна рука пленного была привязана к столу проводом полевого телефона. Пленному загоняли бамбуковые щепки под ногти, а Пирс накрутил провода вокруг его ушей и пытал его при помощи полевого телефона. Но пленный отказывался давать показания. Когда попадает в плен такой высокий чин, то немедленно сообщают об этом командованию. Пленных переправляют из полка в штаб бригады, из бригады в дивизию, из дивизии в штаб корпуса, а из корпуса, если пленный важный, в Сайгон. Этот пленный тоже был важным, и его требовали немедленно отправить для допроса в штаб 1-й пехотной дивизии. Вскоре после этого лейтенант Крокер получил выговор от командира отряда за то, что загонял бамбуковые щепки под ногти пленного, так как это оставляет следы. Однако за то, что он присоединял провода полевого телефона к ушам пленного, Крокер не получил замечания. Уже на следующий день он таким же способом пытал шестнадцатилетнюю девушку.

Вопрос. Вы видели это?

Ответ. Да, видел. Одного пленного так жестоко пытали электрическим током, что с ним произошел шок. Все перепугались, не знали, что делать. Сколько ни пытались вывести пленного из состояния шока, даже подносили зажженные спички к векам, ничего не помогло. Потом пленного куда-то забрали, а два дня спустя он умер.

Помню, один из офицеров допрашивал старосту из деревни, контролируемой Вьетконгом. Пленный умер, когда капитан «звонил» ему. Я не видел, как пленный умер, но слышал, как офицер рассказывал об этом. Мы сидели в палатке, пили пиво. Была ночь. Вдруг вошел капитан и сказал: «Он уже готов был «сломаться», но отдал концы». Я спросил: «Как вы объясните это командиру части?» Капитан пожал плечами и вышел. Позже я узнал, что смерть пленного объяснили сердечной недостаточностью. Возможно, что у него и было слабое сердце, но человека просто замучили.

Был и другой случай, в котором я в какой-то степени принимал участие. Пленный оказался капитаном северо-

вьетнамской армии, и от него хотели получить ценную информацию.

Вопрос. Пленный сам сказал, что он капитан?

Ответ. Да, он сам сказал, что он из северовьетнамской армии. Мы прочесывали деревню. Мужчин там не было. Одни женщины. И вдруг обнаружили мужчину. Он прятался в дренажной канаве. У него было оружие. Не было никаких сомнений, что он вьетконговец. Я начал допрашивать его. Я сказал: «Послушайте, мы поймали вас с поличным, так что лучше говорите откровенно. Иначе все кончено». Он испугался, но старался не показывать этого. Выяснилось, что он занимал довольно высокий пост. Он был политработником и, вероятно, приходил на встречу с какими-то другими руководителями. Переводчик взял деревянный молоток, которым разбивают орехи, и начал бить пленного по лопаткам и коленям, пока не пошла кровь. Эти места страшно вздулись. Пленный стал давать кое-какие показания, но не очень охотно. Вот тогда он и сказал мне, кто он. «Пусть не рассказывает басни. Мы его застрелим», — сказал я переводчику. Я взял у одного из солдат лопату и приказал: «Пусть роет себе могилу». Пленный копал яму, а переводчик бил его деревянным молотком. Пленный не выдержал и стал давать подробные показания. Я сохранил ему жизнь. Офицеры-следователи знали об этом, и я был уверен, что, если бы оказалось необходимым убить этого человека, со мной ничего бы не сделали. Я знал это. Я говорю «необходимым», но ведь эту необходимость определял я сам. Я мог бы и убить пленного, и со мной ничего бы не сделали. Над этим пленным у меня была полная власть. Я мог делать с ним все, что угодно. Нам приказали: «Не оставляйте следов!» И всегда можно было сослаться на то, что «он» пытался бежать. Мы провели пятьдесят — шестьдесят допросов, и практически при каждом из них применялась сила. Применялась она и в отношении женщин.

Вопрос. Пятьдесят — шестьдесят допросов за какой период времени?

Ответ. За восемь-девять дней.

Вопрос. Во время этой операции?

Ответ. Да. В районе действий нашего отряда был длинный тоннель, который в буквальном смысле слова тянулся на многие километры. Слухи о его существовании ходили давно, и все искали этот тоннель. Наконец его на-

шли. Наши солдаты спустились туда и увидели, что там прячется несколько человек. За ними погнались, потом пустили в тоннель слезоточивый газ. Люди вышли на другом конце тоннеля. У них было сильное отравление газом. Пленный сказал, что один из них умер от отравления, но этого никто не мог доказать. В плен захватили четырех девушек-санитарок и одного мужчину — калеку. Пленных привели ко мне. Они были в очень плохом состоянии: кашляли, хрипели, мучились. Уже много дней они ничего не ели. Мы заявили им, что не будем их кормить до тех пор, пока они не дадут показаний. Девушки были в очень тяжелом состоянии, и особенно одна из них. Я позвал врача-хирурга и сказал: «Эта девушка очень больна. Дайте ей что-нибудь». Он сделал ей укол, наверное укол адреналина. Я не применял силы по отношению к этим девушкам, хотя и отказал им в пище, воде и медицинской помощи.

Вопрос. Вы видели, как пытали женщин?

Ответ. Да. Одной девушке накрутили электрические провода на уши, а саму ее привязали к каркасу палатки (высота палатки приблизительно два с половиной метра). Девушку привязали к каркасу и присоединили провода к ее ушам и пальцам. Другой девушке, около восемнадцати-девятнадцати лет, провода присоединили к соскам грудей. У нас было четыре палатки и постоянно проходили четыре допроса.

Вопрос. И во всех четырех палатках одновременно шли допросы?

Ответ. Да, если было соответствующее количество военнопленных. А во время этой операции их хватало.

Вопрос. Кто вел допросы?

Ответ. Я, Пирс, Лэрри Камп, два офицера и шесть рядовых. Пленные поступали неравномерно. Допросы пленных вели и другие отряды военной разведки. Они применяли ту же технику допроса. Во время операции «Седар Фолз» я чаще видел пытки электрическим током и реже побои. Побои — это утонченная пытка, которой мы научились не сразу. Если бить пленного ладонью руки по лицу, то никаких следов не остается. Так можно избить пленного до потери сознания, не оставив на его теле никакого следа.

Когда мы не вели допросов, то строили укрепления, насыпали мешки с песком. Я пытался найти любую при-

чину, лишь бы поехать в Ксуанлок, чтобы там напиться и остаться как можно дольше пьяным. Наш отряд в количестве тридцати двух человек потреблял восемьдесят восемь ящиков пива в неделю. Это целый контейнер. Иногда, особенно при тяжелых обстоятельствах, мы выпивали такой контейнер за три дня. Большинство из тех, кто ведет допросы, — беспробудные пьяницы.

Следующая операция называлась «Джанкшин Сити». Это была большая операция, но мы не принимали в ней особого участия. Она проходила в непосредственной близости от камбоджийской границы, недалеко от района постоянного действия Фронта Национального Освобождения, рядом с военной зоной «С». В этом районе, по официальному заявлению правительства, была уничтожена 9-я дивизия Вьетконга. Правительство заявляло об этом пять или шесть раз, пока наконец, обескураженное, не замолчало. У нас была база огневой поддержки. Мы выполняли задачи сопровождения поддержки. В это время из задержанных у меня было только восемь рабочих каучуковых плантаций. Капитан, помню, как-то пригнал к моей палатке несколько вьетнамцев, сказав, что задержал их, так как у них не было удостоверения личности. То, что вьетнамцы не имеют при себе удостоверений личности, — обычная вещь, но мы узнали об этом несколько позже. Вначале мы думали, что самое великое преступление на белом свете — не иметь удостоверения.

Когда закончилась операция «Джанкшин Сити», нас сразу же перебросили на операцию «Манхэттэн», которая продолжалась пятьдесят дней. Наши солдаты захватывали множество пленных и приводили их к нам. Это были солдаты армии Национального Фронта Освобождения. На этот раз пытки электрическим током применялись редко, поскольку майор предупредил: «Немножко поостыньте».

Вопрос. Почему?

Ответ. Перед этим мы получили заявление Уэстморленда, где говорилось: «Мне стало известно, что пленные не имеют прав, предусмотренных Женевской конвенцией в соответствии с пунктом... Это должно прекратиться немедленно!» Майор зачитал нам это заявление, однако уже на следующей неделе он колотил пленного гранатометом по голове.

Вопрос. Вы видели это?

Ответ. Да.

Вопрос. Как называлась тогда операция?

Ответ. Операция «Седар Фолз». Меня тогда чуть было не застрелили. Я помню все очень четко. Я стужал с джипа ящики с пивом. Вдруг послышался звук пок-пок-пок, а потом крик «прячься!» Я повернулся и увидел, как этот сумасшедший бежит с карабином и направляет его прямо мне в живот. Он нажал на курок, но выстрела не последовало. К счастью для меня, произошла осечка. Я побежал в сторону и прыгнул в яму. А этого безумца застрелили из пулемета.

Вопрос. Кто он был?

Ответ. Командир взвода из армии Вьетконга. По беспечности переводчик оставил без присмотра свой карабин. Так вот этот пленный схватил его и начал палить.

Вопрос. Он застрелил кого-нибудь?

Ответ. Он выстрелил в переводчика и попал ему в большой палец. Того наградили потом медалью «Пурпурное сердце». По-моему, он получил еще и награды за доблесть.

В палатке, из которой бежал пленный вьетнамский командир, остался его товарищ. Когда беглеца подстрелили, наш командир отряда вбежал в палатку и первое, что он сделал, это ударил другого пленного в лицо и зарорал: «Если и ты попытаешься сделать это, ублюдок, я убью тебя». Пленный был связан. Майор изо всей силы начал бить пленного по голове прикладом ручного гранатомета.

Во время операции «Манхэттэн» у нас было очень много пленных. Их били. Били очень сильно. Помню, ко мне подошел однажды наш парень и признался: «Да, приятель, это был жестокий допрос. У меня даже руки устали бить его по лицу». За время своего пребывания во Вьетнаме я насчитал 652 официальных допроса.

Вопрос. Это вы лично провели столько допросов?

Ответ. Нет. Весь отряд. Из этого числа против шестидесяти пяти или семидесяти допросов стоит мое имя. Я имею в виду официальные отчеты о допросах. Было проведено также триста или четыреста полуофициальных допросов, и более тысячи человек прошли у нас проверку.

Вопрос. Вы часто видели грубое обращение с пленными женщинами?

Ответ. Нет. Я принимал участие в одном таком допросе. Допрашивали китайскую девушку. Это произошло в базовом лагере, кажется, в период между операциями «Седар

Фолз» и «Джанкшин Сити». Привели девушку. В деревне на нее указали как на вьетконговку. Она говорила и по-китайски и по-вьетнамски. Наш переводчик был наполовину китаец и изъяснялся с ней на китайском. Я бил ее. Ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Я избил ее очень сильно, но ничего не добился. Другой следователь тоже бил ее. Наконец ей сказали: «Ну, хорошо, снимай одежду!» Она посмотрела на нас так, будто хотела крикнуть: «Катитесь вы все!» И начала расстегивать блузку. Я сказал тогда: «Не надо!» — и вышел из палатки.

Случаев изнасилования я не знаю. Мы только грозили пленницам отдать их в распоряжение солдат, но эти угрозы не давали эффекта. А вот побой были. Я иногда удивляюсь, как можно избивать человека по разным поводам. Ударить его по лицу, потом еще. Пленный же молчит. Тогда начинаешь злиться. Снова начинаешь избивать его. И очень скоро бьешь пленного от ярости, уже не сознавая, что делаешь. Рождается какая-то бессмысленная, животная злоба, это трудно описать. Невозможно представить, что человек способен на такое и что это вообще случается. Но это случается. Это случилось не только со мной, но и с другими, кто вел допросы. А ведь у нас было тридцать два человека.

Вопрос. В подразделении, которое вело допросы?

Ответ. Нет. В отряде военной разведки.

Вопрос. Как назывался ваш отряд военной разведки?

Ответ. 541-й отряд военной разведки.

Вопрос. И он состоял из тридцати двух человек?

Ответ. Да. 542-го отряда не было, я никогда не слышал и о 540-м. В нашем отряде было восемь рядовых, один специалист шестого класса, четыре специалиста пятого класса (их называют старшими следователями, одним из них был я), четыре специалиста четвертого класса — так называемые младшие следователи. Вот эти люди и вели допрос. Кроме того, было еще пять офицеров, включая начальника отделения допроса военнопленных. В нашем отряде военной разведки, как и в других, было отделение контрразведки и отделение по разведке боевого порядка, а также отделение по дешифрованию аэрофото-снимков. Все, кто вел допросы по служебному положению и кто хотел просто попробовать себя в роли следователя, применяли силу, пытки, запугивания. В 172-м отряде военной разведки, с которым мы работали во время опе-

рации «Седар Фолз», я был свидетелем допросов с применением пыток электрическим током. То же самое было и в 1-м отряде военной разведки 1-й пехотной дивизии. Я там не проводил допросов, но они показали мне аппарат, при помощи которого электроды полевого телефона укрепляются на спине человека и у шейных позвонков, то есть в самых чувствительных местах нервного сплетения. Таким образом рассчитывали на максимальный эффект.

Вопрос. Вас не привлекали к военному трибуналу?

Ответ. Нет. У меня в армии безупречная характеристика. Я получил медаль за примерное поведение, армейскую медаль за заслуги и обычный вьетнамский мусор. За пребывание во Вьетнаме медали дает и вьетнамское правительство и американское. Вьетнамскую медаль за национальную службу дает вьетнамское правительство, а медаль за вьетнамскую кампанию — американское.

Вопрос. Медаль за национальную службу?

Ответ. Эту медаль получает каждый, кто пробудет шесть или более месяцев на действительной службе. Иными словами, человеку гарантируется ряд медалей, если он поедет во Вьетнам. Это как украшение витрины, чтобы солдаты были счастливы.

Вопрос. Вы получили медаль за заслуги?

Ответ. Да.

Вопрос. С грамотой, подписанной министром обороны?

Ответ. Да. Я получил благодарственную армейскую медаль по почте. Уже после того, как уехал оттуда. Я был уволен с действительной службы 23 июня 1967 года.

Вопрос. Начиная с 19 августа 1966 года вы все время допрашивали пленных?

Ответ. 19 августа мы должны были быть во Вьетнаме, но мы там не были. Считается, что вы находитесь во Вьетнаме с той минуты, как только погрузились на пароход и он вышел из порта. Плавание же на пароходе заняло восемнадцать дней. Значит, мы прибыли во Вьетнам 6 или 7 сентября. В течение почти всего периода пребывания во Вьетнаме моя работа состояла в допросах пленных.

Вопрос. Как вы пытали пленных?

Ответ. Применяли силу, пытки электрическим током и побой. Существует книга, так называемый «Закон ведения наземной войны». Это сокращенный вариант Женев-

ской конвенции, касающийся обращения с пленными и с гражданским населением. Я не читал этот документ от корки до корки, но познакомился с основной его частью. Я могу процитировать вам главу или параграф, от которых во Вьетнаме не просто отступают, а делают прямо противоположное. По полу задержанных не разделяли, не разрешали пользоваться почтой, не соблюдались элементарные санитарные условия, не было медицинского обслуживания. Буквально каждое из положений нарушалось. И мне кажется, Женевская конвенция квалифицировала эти акты как военные преступления. А эту конвенцию мы подписали в 1948 году.

Вопрос. Вернувшись, вы рассказывали в своей семье о том, что видели?

Ответ. Немного. Я говорил со своим старшим братом. Он мне ответил: «Не играй с огнем!» Мне понадобилось месяца два, чтобы прийти в себя после Вьетнама. Понимаете? В моральном отношении. Я был здоров как лошадь, но нужно было подлечить нервы. Поправившись, я стал искать возможности рассказать о том, что мне довелось пережить. К сожалению, нельзя просто войти в редакцию газеты и сказать: «Вот он я. У меня для вас есть история». Многие из моих друзей находились еще на действительной службе, и я хотел открыть им глаза. В течение четырех или пяти месяцев я пытался выступить в прессе или по телевидению, но ничего не вышло. Меня игнорировали. За меня взялось ФБР. Агенты ходили к моей матери и откровенно угрожали, если я не замолчу. Одни называли меня вруном, другие — дураком, а то и тем и другим. Многие из моих родственников говорили: «Ты розовый, ты комми». Америка в силу своей консервативности накладывает вето на правду.

Вопрос. Какие были у вас политические взгляды, когда вы поступили на службу?

Ответ. Мне кажется, я был за войну во Вьетнаме, но теперь я понимаю, что эта война — прямая агрессия. После того как я побывал во Вьетнаме, мне стало ясно, что никто из вьетнамцев не хочет, чтобы мы там были, за исключением лишь тех, кого мы покупаем.

Вопрос. Как реагируют родители на ваши рассказы?

Ответ. Они не хотят верить мне. Они говорят: «Может, это делал соседский парень, но не наш сын». Такое отношение расстроило меня. Ведь получалось, что даже

родители не хотят меня слушать. А я уже сыт газетами и телевидением, мне хочется что-нибудь предпринять. Но ничего нельзя сделать, пока американский народ остается в неведении.

Когда сам увидишь, что происходит во Вьетнаме, лучше понимаешь, что происходит в Соединенных Штатах. Начинаешь понимать, что Вьетнам — это не единственное больное место. Это симптом болезни самого общества. Когда стало известно о событиях в Майлае, я и многие другие пришли к выводу: сознание американского общества уже готово принять тот факт, что американцы не все хорошие люди, что совсем не обязательно быть нацистом, чтобы убить шесть миллионов евреев. Любой человек в условиях войны с ее бесчеловечностью и зверствами превращается в чудовище во многих отношениях. И мне кажется, настало время, когда американцы смогут осознать это.

Я отправился в Нью-Йорк, в компанию Эн-Би-Си. Со мной разговаривали около часа, но материала в эфир не дали. Мне объяснили, что это слишком горячий материал, что юристам компании нужно изучить его. Тогда я позвонил в Си-Би-Эс. Там тоже заинтересовались, но потом сказали: «Да, это действительно горячий материал, слишком горячий, чтобы давать его сейчас».

Вопрос. Как вы рассматриваете вашу собственную миссию во Вьетнаме?

Ответ. Если исходить из того, чему меня учили с детства, я должен был бы отказаться выполнять то, что мне приказывали делать, и отправиться в тюрьму. Я этого не сделал, как не сделал и никто другой. Я говорю это не для того, чтобы оправдать самого себя. Я мог бы сразу же забыть Вьетнам, забыть, что это вообще случилось в моей жизни. Но если можно спасти кого-нибудь от того, что испытали мы и через что прошли люди в Майлае, если это можно остановить, если можно спасти от этого хотя бы одного человека, об этом следует говорить. Следует говорить об этом снова и снова.

Джеймс Генри

Вопрос. Ваше имя и фамилия?

Ответ. Джеймс Генри.

Вопрос. Когда и где вы родились?

Ответ. 4 апреля 1947 года в Риверсайде, штат Калифорния.

Вопрос. Сколько вам было лет, когда вы пошли на военную службу?

Ответ. Девятнадцать.

Вопрос. А что вы делали до этого?

Ответ. Я окончил среднюю школу и работал в больнице. Потом я получил повестку о призыве. Я отказался призываться, и ФБР пригрозило мне. Я согласился идти на военную службу, когда мне дали статут 1-А-0. Это статут человека, возражающего против призыва по своим убеждениям, хотя мои возражения были не религиозного, а морального характера.

Вопрос. Когда вас призвали?

Ответ. 8 марта 1967 года.

Вопрос. Где вы проходили основную подготовку?

Ответ. В Форт-Полке.

Вопрос. А усовершенствованную пехотную подготовку?

Ответ. В Форт-Хьюстоне.

Вопрос. Когда вы закончили пехотную подготовку?

Ответ. В августе 1967 года.

Вопрос. Куда вы получили назначение?

Ответ. Прямо во Вьетнам.

Вопрос. Как вы отправились туда?

Ответ. Самолетом. Полет занял двадцать четыре часа.

Вопрос. Где приземлился ваш самолет?

Ответ. В Камранге.

Вопрос. В какой части вы служили во Вьетнаме?

Ответ. В 35-м пехотном полку 4-й пехотной дивизии.

Вопрос. Вы пробыли там год?

Ответ. Да. Я был в медчасти.

Вопрос. Вы все время находились в одном подразделении?

Ответ. Да.

Вопрос. Вы принимали участие в боях?

Ответ. Да. В нескольких. Первый бой проходил в проливной дождь, и я ничего не понимал, что творится вокруг.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. 8 октября 1968 года.

Вопрос. Где это было?

Ответ. Примерно в сорока километрах к западу от Чулай, в горах.

Вопрос. Вас отметили по службе?

Ответ. Меня наградили орденом «Бронзовая звезда», а также медицинским босвым нагрудным знаком за участие в боевых действиях.

Вопрос. Были вы свидетелем грубого обращения с пленными?

Ответ. Конечно.

Вопрос. Вы не можете вспомнить, когда впервые увидели это?

Ответ. В первом же бою. Казнили двенадцатилетнего мальчика. Солдаты взяли его в хижине, что находилась на холме. Мы стояли у реки. Шел проливной дождь. Лейтенант сидел на камне. Когда привели мальчика, лейтенант спросил: «Кто хочет убить его?» Вызвались двое парней. Один из них ударил мальчика в живот, а мой друг, тоже медик, завел его за камни и выстрелил в спину. Мне кажется, он сделал выстрелов восемнадцать.

Вопрос. Вы видели это?

Ответ. Я не видел. Это было за камнями. Я слышал выстрелы. Тело мальчика бросили в реку.

Вопрос. Почему лейтенант приказал убить ребенка?

Ответ. Не имею представления. Мальчик ничего не сделал.

Вопрос. А какой-нибудь другой случай зверства или убийства вы можете вспомнить?

Ответ. О да. И не один. Помню, мы захватили в плен старика. Ему было, пожалуй, лет семьдесят. Я не помню, как мы его захватили. Он появился у нас как-то вдруг.

Вопрос. Где это было?

Ответ. В том же районе, примерно в трех километрах от того места, где расстреляли мальчика. Этот старик долго шел с нашим подразделением. Его намеревались отправить на допрос на вертолете. Нам предстояло подняться на довольно высокий холм. До этого старика немного побили, и у него по дороге на холм сделался сердечный приступ.

Вопрос. Он умер?

Ответ. Я не видел, как он умер. Я видел, как двое парней сбросили его с холма на груды камней.

Вопрос. Почему он шел с вашим подразделением?

Ответ. Его захватили для допроса. А потом, когда ему стало плохо, его сбросили с холма. В другой раз мы проходили через бамбуковые заросли. Это было дня через

три. Второй взвод захватил старика в пещере. По радио я слышал, что этот взвод собирался произвести испытательные стрельбы из какого-то оружия. Когда послышались выстрелы, я подумал, что это испытывают оружие. Потом я увидел мертвое тело старика в пещере. Его использовали в качестве мишени. Он был мертв, а в него все еще стреляли.

Вопрос. Почему они это делали?

Ответ. Не знаю. В феврале произошел еще один случай. Накануне был огневой бой, и мы потеряли восемь человек. Мы захватили пленного. Он был призывного возраста и прятался в паучьей норе. Это маленькое замаскированное углубление, в котором едва уместится человек. Двое парней вытащили вьетнамца и начали спрашивать его, не вьетконговец ли он, не знает ли он, где находятся силы Вьетконга. Гражданское население относилось к нам недружелюбно. Мы часто встречали надписи: «Янки, убирайтесь домой!» или «Прекратите ездить на танках по нашим полям!» и т. п. Двое наших парней прижали вьетнамца к земле, и бронетранспортер проехал по нему. Вьетнамец страшно кричал. Он катался по земле, потому что, после того как его переехал бронетранспортер, он еще остался жив. Машина попятилась назад, раздавила вьетнамца, и мы двинулись дальше.

Вопрос. Какие были доказательства, что он вьетконговец?

Ответ. Никаких.

Вопрос. У него не было оружия?

Ответ. Нет.

Вопрос. И сам он ни в чем не признался?

Ответ. Он не знал английского языка.

Вопрос. И никто из вас не говорил по-вьетнамски?

Ответ. Нет, никто.

Вопрос. Можете вы рассказать о случаях грубого обращения с женщинами?

Ответ. Я слышал о таких случаях, но сам никогда не был свидетелем этого. В нашем взводе этого не случилось. А вообще случаи изнасилования были часто. Как-то ночью солдаты из 1-го взвода захватили и изнасиловали пятерых женщин.

Вопрос. Откуда вы это знаете?

Ответ. Солдаты сами рассказали мне.

Вопрос. Сколько солдат принимало в этом участие?

Отвст. Десять.

Вопрос. Где это было и когда?

Отвст. Это было к западу от Чулай.

Вопрос. Когда?

Отвст. В конце октября. 1-й взвод организовал засаду, чтобы поймать некоторых северных вьетнамцев, которые подносили продовольствие и оружие. В засаду попались пять женщин. Солдаты изнасиловали их и убили. Вот все, что я знаю об этом. Я передаю, что слышал.

Вопрос. Вы были свидетелем плохого обращения с гражданскими лицами?

Отвст. Да. Я видел, как убили девятнадцать женщин и детей. Вряд ли достаточно назвать это плохим обращением с людьми. Это было убийство.

Вопрос. Где и когда это было?

Отвст. Это случилось 9 февраля 1968 года, в тот же день, когда бронетранспортером задавили вьетнамца. Спусти полчаса мы вошли в маленькую деревню-хутор и решили сделать привал. Лейтенант из 3-го взвода доложил командиру роты по радио, что захвачено девятнадцать гражданских лиц. Инструкцией предписывалось задержать жителей и обыскать их.

Вопрос. Вы помните имя командира?

Отвст. Капитан Босуэлл.

Вопрос. А как его звали?

Отвст. Кажется, Роберт. Лейтенант спросил, что ему делать с задержанными. Капитан Босуэлл в свою очередь спросил, разве он не помнит приказ, который они получили от старшего начальника в это утро? А приказ требовал убивать всех, кто будет пойман.

Вопрос. Вы слышали этот разговор?

Отвст. Да, конечно.

Вопрос. Вы помните название деревни?

Отвст. Нет.

Вопрос. Что же сказал лейтенант?

Отвст. Он просто ответил: «До связи».

Вопрос. Это был разговор по радио?

Отвст. Да.

Вопрос. Как же вы узнали, что это был капитан Босуэлл?

Отвст. Потому что я сидел рядом с радистом и узнал голос капитана.

Вопрос. Кто еще был рядом с вами?

Ответ. Пять или шесть парней, большинство из 1-го взвода. И лейтенант начал действовать. Меня это встревожило, и я направился к капитану Босуэллу. По пути я увидел, как двое парней вытащили из хижины молодую девушку. Она была голой. Наверняка ее изнасиловали. Пока все это происходило, капитан Босуэлл пытался связаться с лейтенантом. Мне кажется, капитан хотел изменить приказ.

Вопрос. На каком расстоянии лейтенант находился от Босуэлла?

Ответ. Примерно в пятидесяти метрах.

Вопрос. И он вызывал его по радио?

Ответ. Да. Вы знаете, кричать там не хочется. Могут убить.

Вопрос. Значит, вы направились к капитану Босуэллу?

Ответ. Я видел его. Он был недалеко от меня, и я поспешил к нему. А эту девушку бросили на землю. Потом я услышал выстрелы. Всех девятнадцать задержанных расстреляли.

Вопрос. Вы видели, как в них стреляли?

Ответ. Да, все видели.

Вопрос. Сколько человек стреляло?

Ответ. Четверо или пятеро.

Вопрос. Кто они были по званию?

Ответ. Рядовые, не считая лейтенанта.

Вопрос. Какое оружие использовали при этом?

Ответ. Винтовки М-16.

Вопрос. Чем эффективно это оружие?

Ответ. Пуля из винтовки М-16 летит с очень большой скоростью. Она разрывает тело на части даже при выстреле со среднего расстояния, а с близкого расстояния поражение очень сильное.

Вопрос. Расстрелянных закопали?

Ответ. Нет, их так и оставили. Нашим парням было явно не по себе, и они уехали на бронетранспортерах. А лейтенант — командир подразделения бронетранспортеров, был возмущен, я бы сказал, он был в ярости.

Вопрос. Как его звали?

Ответ. Не помню. Кажется, это был первый его бой. Не думаю, чтобы он до этого видел, как убивают, тем более гражданских. Это очень его расстроило. Это расстроило многих.

Вопрос. Среди расстрелянных были только женщины?

Ответ. Женщины и дети. Кажется, были и старики.

Вопрос. Что-нибудь подобное вы видели еще во Вьетнаме?

Ответ. Не в таком масштабе. Такого же массового убийства я больше не видел.

Вопрос. А как допрашивают пленных, вы видели?

Ответ. Нет, как допрашивают — никогда не видел. Раза два видел, как наши парни издевались над пленными. Капитан приказал потом прекратить это.

Вопрос. Это был капитан Босуэлл?

Ответ. Да. Он был хорошим офицером. Вначале, когда капитан только прибыл во Вьетнам, он был настроен боевито. Однако после 9 февраля, когда мы попали в большой бой и крупную перестрелку, он будто разочаровался. После этого он стремился только защитить роту от высокого начальства. Он не любил начальство, потому что оно посылало нас на абсурдные операции. Так же считал и я. Капитан старался держать нас подальше от беды.

Вопрос. Скольких гражданских вот так бессмысленно убили на ваших глазах?

Ответ. По-моему, человек сорок. Гражданских вообще не было причин убивать. Они ведь не принимают никакого участия в войне, а их убивают обе стороны. На их долю и так выпадает больше всего беды.

Вопрос. Когда вы уехали из Вьетнама, вы пытались протестовать против того, что видели?

Ответ. Многие ребята собирались доложить об убийствах. Лейтенант Мастерсон даже собирался подать рапорт.

Вопрос. Он был очевидцем?

Ответ. Нет, он слышал по радио. Узнав, что произошло, он собирался доложить об этом. Лейтенант с бронетранспортера тоже собирался доложить. Я собирался написать в газету «Кроникл» в Сан-Франциско. Я уже начал писать письмо, но на следующий день после очень тяжелого боя забыл о своем намерении. Приехав домой в отпуск, я через неделю побежал к Дону Дункану. Я был здесь в сентябре 1968 года.

Вопрос. Вы знали Дункана?

Ответ. Нет. Я читал о нем. Вначале я разыскал своего друга Билла Ройса. Он офицер связи в Сан-Куэнтине. Он посоветовал мне поговорить с Дунканом. Я отправился в «Сити Лайтс». Повсюду искал его. Наконец в журна-

ле «Рэмпартс» мы с ним встретились. Я рассказал обо всем, что видел. Дункан записал и пытался опубликовать материал в журнале «Рэмпартс». Там тянули месяца два и в конце концов отказались печатать материал. В то время я был в Техасе.

Вопрос. Когда вы уехали из Вьетнама?

Ответ. 31 августа 1968 года.

Вопрос. 31 августа? Значит, вы разговаривали с Дунканом в сентябре?

Ответ. Да. Шла вторая неделя моего отпуска. Я поехал вначале в Сизтл, чтобы повидать там брата. На обратном пути я встретился с Дунканом.

Вопрос. В то время никто, кроме вас, не рассказывал об этом?

Ответ. Никто. Тогда впервые стало известно о таком массовом убийстве. Однако по-настоящему о нем никто не знает до сих пор, хотя прошло уже полтора года.

Вопрос. Что вы предприняли, когда «Рэмпартс» отказался опубликовать ваш рассказ?

Ответ. Я говорил с юристом Дейвисом Брэггом из Техаса.

Вопрос. Он из Киллина?

Ответ. Так точно. Он посоветовал мне, пока я служу в армии, заручиться поддержкой какого-нибудь политического деятеля и лишь потом пытаться что-нибудь сделать.

Вопрос. Вы тогда еще были в армии?

Ответ. Да. В то время я находился в Форт-Худе.

Вопрос. Как вы узнали о Брэгге?

Ответ. О нем мне сказал Дон. Дункан посоветовал мне поговорить с ним. Вначале я написал письмо конгрессмену, который, насколько я знал, имел репутацию настоящего либерала. Он ответил мне, что, к сожалению, поскольку я живу не в его округе, к нему это, по существу, не имеет отношения и он ничего не может сделать. Ведь я не являюсь его избирателем. Я же написал этому конгрессмену потому, что своему конгрессмену Эду Рейнке не хотел бы рассказывать что-либо подобное. Я не хочу причислять его к морону¹, но и не могу согласиться с его политической платформой. Сейчас он заместитель

¹ Мороны — религиозная секта в США. — *Прим. ред.*

губернатора Рейгана. В конце концов мне пришлось написать и Рейнке. Он ответил, что рассмотрит это дело, что его это очень взволновало. И на этом дело закончилось. Он наверняка прочитал лишь первую страницу моего письма.

Вопрос. Вы рассказали ему все в деталях?

Ответ. Да. Я не называл ему никаких имен. Я написал, что было убито девятнадцать человек женщин и детей, что я видел это лично и что хотел бы что-нибудь предпринять против этого.

Вопрос. Он вам ответил, что рассмотрит это дело, и на этом, собственно, все и закончилось?

Ответ. Да, на этом все и закончилось.

Вопрос. А вы предпринимали еще что-нибудь?

Ответ. Да. Я отправился в Форт-Худ, к армейскому юристу, и спросил его, будет ли наша беседа конфиденциальной, останется ли она только между юристом и клиентом. Он ответил: «Разумеется». Я рассказал ему тогда о массовых убийствах. Правда, я не совсем ему доверял, но мне хотелось узнать его реакцию. Я рассказал ему, что собираюсь опубликовать этот материал. Он посоветовал не делать этого, пока я нахожусь в армии, иначе я могу пострадать.

Вопрос. Он не сказал, каким образом вы можете пострадать?

Ответ. Сказал. Меня могут поймать на чем угодно. Например, на несоблюдении статьи 15-й. И, хотя в то время моя характеристика была безупречной, я согласился с ним. Затем он сказал, что у меня будет встреча с представителем контрразведки. Я встретился с ним. Он пугал меня, говорил, что доберется до истины и выяснит, что я хочу возвести на армию.

Вопрос. У вас не было впечатления, что он хотел узнать факты?

Ответ. Мне кажется, он пытался прихватить меня на чем-нибудь и заставить меня замолчать.

Вопрос. В каком он был звании?

Ответ. Вы не знаете этих контрразведчиков. Они носят гражданскую одежду, но они вовсе не гражданские лица. Это коварные люди. У меня создалось впечатление, что они за мной охотятся.

Вопрос. Кто-нибудь из вашего подразделения собирал такие трофейные сувениры, как уши?

Ответ. Да. Многие ребята прикалывали уши убитых ими вьетнамцев к лентам головных уборов. Некоторые парни держали их в банках с хлороформом.

Вопрос. И это считалось нормальным явлением?

Ответ. Большинство этим возмущалось, но возмущаться приходилось не только этим. 1-я рота, например, прославилась сексуальными преступлениями.

Вопрос. Вы говорите об изнасилованиях?

Ответ. Об изнасилованиях и о других диких вещах в сексуальном смысле. Во-первых, ответственность несут те, кто убивает гражданских. В конечном итоге ответственность несут военные чины, потому что не учат солдат другому.

Вопрос. Почему они убивают гражданских?

Ответ. Это не объяснят ни психологи, ни психиатры.

Вопрос. А как вы думаете?

Ответ. Ими руководит ненависть.

Вопрос. А что, массовый расстрел был произведен сразу же после перестрелки, в которой ранило наших парней?

Ответ. Да, но это не может служить оправданием.

Вопрос. Да, конечно, оправдания этому нет. Но как вы думаете, какие причины лежат в основе всех этих преступлений?

Ответ. По-моему, расизм. Этим я объясняю все. Откровенный расизм, потому что вьетнамцев не считают даже врагами. Они гуки.

Во Вьетнаме убивают много невинных людей. Неизвестно почему. По идее ты поддерживаешь убийц. Ты смотришь на южновьетнамскую армию, на их пехотинцев, которые бродят, таская по земле винтовки, и тебе совсем не хочется умирать за них. В тебе растет ненависть безотносительно к кому-либо. Главная причина — это расизм. Но не только расизм повинен во всем. Большую роль играет и система подготовки наших солдат. Некоторые убийства совершаются под руководством офицеров или с их разрешения.

Вопрос. Что вы делаете сейчас?

Ответ. Учусь.

Вопрос. Где.

Ответ. В младшем колледже в Валлей.

Вопрос. Что вы изучаете?

Ответ. Политические науки и историю.

Вопрос. Что вы собираетесь делать?

Ответ. Надеюсь в конце концов стать преподавателем.

Вопрос. Где?

Ответ. Не знаю. Может быть, в таком же младшем колледже.

Вопрос. Сколько вам сейчас лет?

Ответ. Почти двадцать три года. Мне было девятнадцать, когда меня призвали. Вот уже почти год, как я выбрался из Вьетнама. Я все еще в армии.

Вопрос. Вы еще не получили увольнения?

Ответ. Есть опасение, что меня могут призвать вновь. Я не нахожусь в части, меня отпустили, но я в активном резерве запаса до 1973 года. В любое время ко мне могут прийти и сказать: «Ну-ка, парень, бери свою форму».

Вопрос. Почему вы находитесь в резерве?

Ответ. Считается, что призывают на шесть лет, а не на два года. Я не уволен в запас. Я только отпущен из армии. Формально я все еще в армии.

Вопрос. Вас наказывали по 15-й статье?

Ответ. Нет. Ничего подобного не было. Я никогда не получал взысканий, у меня безупречная характеристика.

Вопрос. В каком звании вы уезжали из Вьетнама?

Ответ. Специалист пятого класса. Это эквивалентно сержанту.

Вопрос. Вы рассказывали своим родителям о том, что видели во Вьетнаме?

Ответ. О да. Я рассказал матери все. Я и в письмах рассказывал ей об этом. Правда, никогда подробно не писал о том, что происходило: письма могли потеряться или еще что с ними могло произойти. Отцу я ничего не говорил буквально до недавнего времени.

Вопрос. Что делает ваш отец?

Ответ. Он помощник управляющего фирмой в Санта-Фе. Его жена, моя мачеха, — преподаватель в Сан-Бернардино.

Вопрос. Что делает ваша мать?

Ответ. Домашняя хозяйка. Она воспитала меня и моего брата. Она против войны. Когда я был во Вьетнаме, она систематически посылала мне вырезки из газет обо всех протестах и т. п.

Вопрос. Вы получили орден «Бронзовая звезда»? Грамота к этому ордену у вас сохранилась?

Ответ. Да, она у меня есть.

Вопрос. О чем там говорится?

Ответ. О всяком дерьме.

Вопрос. Например?

Ответ. О спасении жизней, о бессонных ночах с ранеными и т. д. Не знаю, заслужил ли я орден на самом деле. Другие сделали больше. Что касается медалей, то некоторым их дают за явное безделье, а другие и за героические поступки не получают ничего. Медали — это фарс. Наш полковник получил медаль за то, что летал над местом боя, хотя вертолета почти не было видно. Конечно, полковник представил себя соответствующим образом. Офицеры получают медали только за то, что они там находятся. Они сами дают их друг другу.

Билли Конвей

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Билли Конвей.

Вопрос. Когда вы поступили на службу в армию?

Ответ. В феврале 1968 года.

Вопрос. Когда вы прибыли во Вьетнам?

Ответ. В мае 1968 года. Я прошел основную и повышенную пехотную подготовку в Форт-Орде. Оттуда после четырнадцатидневного отпуска меня отправили на самолете во Вьетнам. Мы приземлились в Лонгбине.

Вопрос. В какой части вы были?

Ответ. В частях 1-й кавалерийской дивизии.

Вопрос. Когда вы уехали из Вьетнама?

Ответ. Я был ранен в ногу в операции на центральном плато в ноябре 1968 года. Меня направили на остров Окинава в госпиталь и после излечения оставили на этом острове.

Вопрос. Вы во многих боях участвовали до ранения?

Ответ. Из семи месяцев, которые я провел на действительной службе во Вьетнаме, более пяти с половиной месяцев я принимал участие в боях.

Вопрос. Вы были свидетелем грубого обращения с пленными или ранеными противника?

Ответ. Я видел много случаев грубого обращения с пленными. Захватив пленного, его сразу же зверски били. В конце октября, перед тем как меня ранило, мы были в городе в ста тридцати или ста сорока километрах от

границы с Камбоджей. Город назывался Донтанг. Наше отделение послали в туннель, примерно в тридцати километрах от этого маленького городка. В отделении было девять человек. Восемь пошли в туннель. Спустившись туда, мы обнаружили девять раненых солдат северовьетнамской армии. С ними находились три медсестры в возрасте от восемнадцати до двадцати шести лет. Их начали бить и срывать с них одежду. Семеро солдат изнасиловали одну из девушек. То же самое произошло и с двумя другими медсестрами. Изнасилованных девушек зверски убили при помощи осветительных ракет.

Вопрос. Кто был старшим по званию в туннеле?

Ответ. Сержант.

Вопрос. Вы докладывали об этом кому-нибудь?

Ответ. Я пытался рассказать взводному сержанту, но он не хотел и слышать об этом. Меня часто мучили кошмары. Когда я приехал в отпуск домой, жена говорила, что я кричал во сне.

Вопрос. Вы получили какие-нибудь награды во Вьетнаме?

Ответ. Медаль «Пурпурное сердце», орден «Бронзовая звезда» и обычные вьетнамские нашивки.

Вопрос. За что вы получили орден?

Ответ. Моему товарищу оторвало ногу, и я вынес его с поля боя.

Вопрос. Что вы думаете по поводу присутствия наших войск во Вьетнаме?

Ответ. Это бессмысленное истребление человеческих жизней. Мое главное желание сейчас — выбраться из армии и жить нормальной жизнью. Я хочу быть печатником. Я пошел в армию в девятнадцать лет. Я хотел иметь диплом об окончании средней школы и получить образование, но мне это не удалось. Я получил кое-какую подготовку, но это было не то, что я хотел. У меня жена, ребенок, будет еще один. Я просто хочу жить с ними, жить нормальной жизнью.

Вопрос. Где вы родились?

Ответ. В Филадельфии. Воспитывался в Лос-Анжелесе, учился в средней школе в Сан-Фернандо.

Вопрос. Где вы сейчас расквартированы?

Ответ. В Форт-Луисе.

Барри Уайт

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Барри Уайт.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Данвилла.

Вопрос. Когда вы вступили в армию?

Ответ. В октябре 1968 года.

Вопрос. Что вы делали до этого?

Ответ. До поступления на службу в армию я был студентом колледжа и работал медицинским техником.

Вопрос. Где вы учились в школе?

Ответ. В Бостоне.

Вопрос. Скольких лет вы пошли на службу?

Ответ. Мне было двадцать два года.

Вопрос. Где вы проходили основную подготовку?

Ответ. В Форт-Брагге. Там же я прошел и повышенную пехотную подготовку.

Вопрос. Когда вы попали во Вьетнам?

Ответ. В январе 1969 года.

Вопрос. А когда вы уехали оттуда?

Ответ. В июле 1969 года, после ранения. Я был ранен в июне и пробыл в госпитале до июля. Затем меня направили в Японию, потом на Гавайи, а оттуда — сюда.

Вопрос. Сколько времени вы находитесь в Форт-Худе?

Ответ. Около двух месяцев.

Вопрос. Сколько вам еще осталось служить?

Ответ. Тридцать семь дней.

Вопрос. Вы считаете дни?

Ответ. Да.

Вопрос. Что вы делали во Вьетнаме?

Ответ. Я работал в лаборатории медицинской бригады в Лонгсуйене.

Вопрос. Каковы были ваши обязанности?

Ответ. Я работал в иммуногематологическом отделении, иначе говоря, в отделе консервации крови. Там переливают кровь раненым и другим пациентам.

Вопрос. А вьетнамцам там переливают кровь?

Ответ. В отношении вьетнамцев существует сильная дискриминация. Если случалось, что переливание крови могло быть сделано только одному пациенту, то, даже если речь шла о маленьком ребенке — вьетнамце, в первую очередь переливание крови делалось американскому солдату.

Вопрос. Были случаи смерти вьетнамцев в госпиталях в результате того, что им вовремя не сделали переливания крови?

Ответ. Были. Помню, привезли вьетнамскую девочку в состоянии коматоза. По диагнозу у нее была лейкемия. Разумеется, нужно было сразу сделать переливание крови. Но врач принял другое решение.

Вопрос. Американский врач?

Ответ. Так точно. Он решил не делать ребенку переливание крови, сказав, что это бесполезно, да и не стоит расходувать дефицитную кровь.

Вопрос. Сколько лет было девочке?

Ответ. По-моему, одиннадцать.

Вопрос. Что же дальше?

Ответ. Она умерла.

Вопрос. И много детей погибло в госпитале по этой причине?

Ответ. Не скажу, что много, но несколько человек умерли.

Вопрос. Вы получили какие-нибудь награды во Вьетнаме?

Ответ. Меня наградили медалью «Пурпурное сердце» и вьетнамской медалью.

Вопрос. Вы были ранены?

Ответ. Да. Когда мы находились на внешнем крае обороны нашего базового лагеря, неподалеку разорвались мины.

Вопрос. Если бы вам приказали снова отправиться во Вьетнам, вы поехали бы?

Ответ. Нет. За отказ меня бы судил трибунал. Но я бы предпочел попасть в военную тюрьму, чем отправиться снова воевать.

Джозеф Грант

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Джозеф Грант.

Вопрос. Когда вы вступили в армию?

Ответ. В 1963 году.

Вопрос. Где это было?

Ответ. Меня призвали в Чикаго и направили в Форт-Нокс.

Вопрос. Основную подготовку вы проходили в Форт-Ноксе?

Ответ. Да.

Вопрос. Куда вас направили оттуда?

Ответ. В Форт-Полк.

Вопрос. Для прохождения повышенной пехотной подготовки?

Ответ. Да.

Вопрос. Где вы проходили службу потом?

Ответ. Меня направили в Германию. Я был в 24-й дивизии, а затем в 21-й.

Вопрос. Когда вы попали во Вьетнам?

Ответ. Я прибыл во Вьетнам в июле 1967 года.

Вопрос. И сколько времени вы там находились?

Ответ. Год.

Вопрос. У вас были планы сделать военную карьеру?

Ответ. Да, были.

Вопрос. Что изменило ваше решение?

Ответ. О, многие вещи. Расовая дискриминация и все, что я видел во Вьетнаме.

Вопрос. В каком звании вы были во Вьетнаме?

Ответ. Я был младшим сержантом.

Вопрос. В чем состояла ваша служба во Вьетнаме?

Ответ. Около семи месяцев я был командиром отделения, затем меня перевели в транспортный батальон.

Вопрос. Где вы находились, когда были командиром отделения?

Ответ. В базовом лагере Дзиань, Лайкхе и Куинлой.

Вопрос. Вы принимали участие в операциях по поиску и уничтожению?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Вы, кажется, делали фотоснимки во время некоторых таких операций?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Вы не можете рассказать о какой-нибудь одной операции по поиску и уничтожению?

Ответ. Это было в марте. 5-й батальон южновьетнамской армии прочесывал какую-то деревню. На следующее утро туда должны были войти мы. Деревню обстреляла артиллерия. Были применены фугасные снаряды и напалм. Это продолжалось часов шесть. Когда мы вошли в деревню и заглянули в хижины, то увидели груды мерт-

вых тел. Это был результат артобстрела и налета наших самолетов.

Вопрос. Сколько, по-вашему, погибло жителей?

Ответ. Человек семьдесят пять. Там были старики,, женщины и дети.

Вопрос. Все жители деревни погибли?

Ответ. Почти все. В живых остались только несколько человек.

Вопрос. Что с ними сделали? -

Ответ. Их забрали в лагерь для допроса.

Вопрос. Вы видели, как их допрашивали?

Ответ. Нет, не видел. Но когда нам попадались подзрительные, мы заставляли их говорить.

Вопрос. Как?

Ответ. По отношению к пленным, во-первых, применялась бамбуковая щепка. Иногда пленных привязывали, брали донг — монету величиной в пять центов, раскаляли ее и прикладывали к пальцам.

Вопрос. Какие еще методы допроса применялись?

Ответ. Пленных связывали, пригибали голову к ногам и затем резко откидывали ее назад. Кроме того, все время тыкали пленных ножом.

Вопрос. Резали ножом?

Ответ. Нет, кололи.

Вопрос. Глубоко?

Ответ. Приблизительно на дюйм.

Вопрос. И многих людей так пытали?

Ответ. Многих.

Вопрос. А какие еще применяли методы?

Ответ. Систематически пленных поднимали в воздух на вертолете и выбрасывали из него. Потом говорили, что пленный выпрыгнул сам. Однажды я видел вьетnamца, свисающего из вертолета на цепи.

Вопрос. Как он был привязан?

Ответ. Его привязали за ноги.

Вопрос. И он свисал из вертолета вниз головой?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. Примерно в сентябре 1967 года.

Вопрос. Как вы проявляли пленку, заснятую вами во Вьетнаме?

Ответ. Через корейцев. Это единственный способ в Южном Вьетнаме. На Гавайях можно проявлять фото-

снимки голых женщин, но там отказываются обрабатывать снимки, сделанные в боевых условиях. У корейцев есть батальон «Белая лошадь». Там имеется оборудование для проявления фотопленки.

Вопрос. Они проявили и напечатали фотографии прямо там, во Вьетнаме?

Ответ. Так точно. Они взяли за это около пяти долларов.

Вопрос. За катушку?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Вы видели, как солдаты допрашивают жителей деревень?

Ответ. Было много таких случаев. Например, мы иногда задерживали женщин по подозрению в помощи вьетконговцам. Вызывали переводчика и задавали задержанным разные вопросы. Если они ничего не отвечали, то их били.

Вопрос. Кто их бил?

Ответ. Солдаты.

Вопрос. Винтовками?

Ответ. И винтовками, и руками.

Вопрос. Это была обычная процедура, когда вы входили в деревню?

Ответ. Да.

Вопрос. И сильно избивали?

Ответ. Да. Помню, одну женщину так ударили прикладом винтовки по голове, что она потеряла сознание.

Вопрос. Что же у нее спрашивали?

Ответ. Расположение мест снабжения с воздуха. Когда у нее спросили: «Мама-сап, где Вьетконг?», женщина ответила: «Мы не знаем». Она дрожала и пугливо озиралась. Вот тогда один из парней и ударил ее винтовкой по голове.

Вопрос. Вы видели нечто похожее на массовое убийство в Сонгми?

Ответ. Не такое большое, но видел. Например, в Вудопе. Подразделения 1-й дивизии вошли в деревню, а мы занимали позиции с другой стороны деревни.

Вопрос. Как они вошли в деревню? Чем они были вооружены?

Ответ. Они прилетели туда на вертолетах.

Вопрос. С какой стороны деревни они вошли?

Ответ. С юга. Жители сразу бросились бежать из деревни в ту сторону, где находилось наше подразделение.

Вопрос. Они бежали к вам с поднятыми руками?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Какое оружие было у вас?

Ответ. Пулеметы и винтовки.

Вопрос. Сколько людей бежало по направлению к вашим позициям?

Ответ. Человек семьдесят пять.

Вопрос. Кто они были?

Ответ. Мирные жители.

Вопрос. Что с ними произошло?

Ответ. Их убили.

Вопрос. Мужчин, женщин, детей?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. В декабре, как раз перед рождеством.

Вопрос. Перед рождеством 1967 года?

Ответ. Так точно.

Вопрос. А что случилось с деревней?

Ответ. Ее уничтожили.

Вопрос. Как вы ее уничтожили?

Ответ. Сожгли.

Вопрос. А что вы сделали с убитыми?

Ответ. Выкопали яму, побросали туда убитых, посыпали их известкой, облили бензином и подожгли.

Вопрос. Кто же копал такую большую яму?

Ответ. Был вызван саперный батальон с бульдозером.

Вопрос. Как же смогли доставить бульдозер через джунгли?

Ответ. Его привезли в вертолете.

Вопрос. Кто отдал приказ прислать его?

Ответ. Приказ обычно поступал от командира батальона или старшего начальника.

Вопрос. Бульдозер доставили специально, чтобы выкопать яму?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Сколько вы находились в этом районе?

Ответ. Весь день.

Вопрос. Сколько вы видели деревень, с которыми поступили так же?

Ответ. Еще две.

Вопрос. Кто-нибудь из ваших друзей коллекционировал части тел убитых солдат противника?

Ответ. Да. Наши парни отрубали у вьетнамцев уши, высушивали их, нанизывали на проволоку и послали на шее, как цепочку. Получалось нечто вроде сувениров. Половина наших парней походила потом с ума. Они подходили к мертвому телу, резали пожом или расстреливали его.

Вопрос. Вы видели это?

Ответ. Да.

Вопрос. И часто это происходило?

Ответ. Да, часто. Когда кто-нибудь из наших парней терял друга, или получал ранение, или что-нибудь еще случалось, он ходил как сумасшедший и вымещал все на мертвецах.

Вопрос. Вы видели, как убивали пленных?

Ответ. Помню, один вьетнамец, он даже не был пленным, крутился около нас. Солдат военной полиции покрывал на него: «Ди, ди».

Вопрос. А что это значит?

Ответ. Это значит «убирайся». Он не ушел, и военный полицейский застрелил его. Ему было лет пятьдесят пять, может, шестьдесят. Это случилось в 1967 году. Я к тому времени пробыл во Вьетнаме всего два месяца. Это произошло рядом с нашим базовым лагерем.

Вопрос. Почему он его застрелил?

Ответ. Да так просто. Там можно делать все, что угодно.

Вопрос. Вы получали приказы не брать пленных?

Ответ. Да, часто. В операциях по поиску и уничтожению. Нам приказывали убивать всех — мужчин, женщин, детей, скот.

Вопрос. Как поступали вы с ранеными солдатами противника?

Ответ. Их расстреливали.

Вопрос. И часто вы это видели?

Ответ. Довольно часто.

Вопрос. Применяли американские войска отравляющие вещества во Вьетнаме?

Ответ. Да, но не часто. Это был газ «Си-Эс». У нас была эта машина, которая накачивает газ в туннели. Иногда в туннелях находятся вьетконговцы, иногда там прячутся жители деревень. Мы пускали газ, а выходы заваливали.

Вопрос. А люди?

Ответ. Умирали. Они же не могли выйти наружу.

Вопрос. Предприимались ли какие-нибудь специальные меры, чтобы защитить от войны вьетнамских детей?

Ответ. Этого нельзя делать. Дети тоже участвуют в войне. В первую же неделю пребывания во Вьетнаме солдатам говорят об этом. У нас было восемь или девять инструкторов. Они нам объясняли, что у детей может быть спрятана взрывчатка или оружие, что они могут стараться подойти к нам поближе и убить нас.

Вопрос. Что же вы должны были делать в этих случаях?

Ответ. К тому времени, когда закончилось обучение, мы были уже достаточно насторожены. Каждый раз, когда дети подходили к нам близко, полагалось знаком показать им, чтобы они не подходили. Если же дети все-таки подходили, то в них стреляли.

Вопрос. Вы это видели?

Ответ. Да.

Вопрос. И часто?

Ответ. Раза четыре.

Вопрос. И что, у этих четырех детей действительно оказалась взрывчатка?

Ответ. Нет, у них ничего не было...

Вопрос. Сколько вам сейчас лет?

Ответ. Двадцать девять. Я вступил в армию двадцати двух лет.

Вопрос. Вы уволены с положительной характеристикой?

Ответ. Да.

Вопрос. Вас не судил трибунал за годы вашего пребывания в армии?

Ответ. Нет. У меня чистая характеристика.

Вопрос. Вы награждены медалями или отмечены по службе?

Ответ. Да. У меня пять медалей. Наше подразделение получило благодарность от президента.

Пит Шулер

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Пит Шулер.

Вопрос. В настоящее время вы находитесь в Форт-Худе?

Ответ. Да.

Вопрос. Когда вы вступили в армию?

Ответ. В августе 1967 года.

Вопрос. Откуда вы родом, Пит?

Ответ. Из Чикаго.

Вопрос. Где вы учились?

Ответ. В университете штата Нью-Мексико, затем в течение двух семестров учился в Беркли, правда, с перерывами. Потом некоторое время я работал, а затем пошел в армию. Меня направили в Форт Брагг для основной подготовки, а оттуда я был направлен в Форт-Хуачуку в Аризоне для усовершенствованной пехотной подготовки.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. С ноября 1967 года по январь 1968 года. Из Форт-Хуачуки меня направили во Вьетнам.

Вопрос. Куда вас направили во Вьетнаме?

Ответ. На базу Лонгбин. В главный распределительный пункт в Лонгбине. Оттуда меня направили в Кэмп Игл, что находится у Хьюэ, в 101-й отряд военной разведки.

Вопрос. Воздушнодесантный?

Ответ. Так точно. 101-й воздушнодесантный.

Вопрос. Это военная разведка?

Ответ. Так точно. Военная разведка. Я пробыл там около четырех месяцев... до перевода в Сайгон. Меня направили в 519-й батальон военной разведки для работы в центре по использованию захваченных документов. В этом центре я работал до мая или июня 1969 года. Затем меня перевели в разведывательный центр, а оттуда — в США. Это было в середине октября.

Вопрос. Что вы делали с октября?

Ответ. Я доложил о прибытии в Форт-Худ 1 декабря и был направлен в 501-й отряд военной разведки. Я проработал там около трех недель, потом меня освободили от обязанностей. С тех пор я живу в казармах и ничего не делаю.

Вопрос. Почему вас освободили от обязанностей?

Ответ. Официальная причина состояла в том, что мои документы о допуске к секретным материалам оказались то ли недействительны, то ли не были еще подтверждены.

Вопрос. Это после двух лет службы в военной разведке?

Ответ. Так точно. Мне сказали, что это обычная процедура. Всякий, кто возвращается в США, должен получить подтверждение допуска к секретным материалам. На это обычно уходит около недели. У меня это продолжается вот уже два месяца.

Вопрос. А какова действительная причина, по вашему мнению?

Ответ. Начальство знает о моих политических убеждениях, и поэтому меня решили отстранить от работы в разведке.

Вопрос. Что же вы сейчас делаете?

Ответ. До сегодняшнего дня я сидел в казармах, подметал пол и отвозил джип на профилактику, чтобы его помыли, сменили масло или что-нибудь такое.

Вопрос. Находясь во Вьетнаме, вы были свидетелем допросов пленных в боевых условиях?

Ответ. Когда я служил в 101-м отряде, видел, как допрашивали в полевых условиях. Допрашивали десять или двенадцать пленных. Это было в период с января по май 1968 года.

Вопрос. Какие применялись методы? Кто допрашивал?

Ответ. Допрашивали плепных как американцы, так и вьетнамцы. Иногда вьетнамские переводчики допрашивали, а американцы из военной разведки записывали или задавали через переводчиков вопросы. В других случаях американские лингвисты сами вели допросы.

Вопрос. В каком звании были американцы, ведущие допросы?

Ответ. Обычно это были специалисты четвертого или пятого классов. Но ничего необычного не было в том, что пленных допрашивали лейтенанты или капитаны.

Вопрос. Какие методы применялись во время допросов?

Ответ. Если пленный соглашался сотрудничать, методы, я бы сказал, были гуманными. Если пленный упорствовал, тогда допрос мог принять любую форму. Я был свидетелем, как применяли хорошо известный метод пытки электрическим током, когда телефонные провода прикреплялись к телу пленного.

Вопрос. Куда, например?

Ответ. Обычно к половым органам. И если пленный продолжал молчать, тогда крутили ручку телефона, и электричество постуало к половым органам пленного.

Вопрос. И это обычная процедура?

Ответ. По-моему, да. Я видел это сам и много раз слышал. Во Вьетнаме об этом говорили, как о повседневной процедуре пыток.

Вопрос. Офицеры знали об этом?

Ответ. Да.

Вопрос. Какие другие методы применялись?

Ответ. Довольно часто применялись побои. Обычно пленных избивали солдаты южновьетнамской армии, но я видел, как и американцы били пленных.

Вопрос. Как?

Ответ. Руками и ногами.

Вопрос. Плешные были связаны?

Ответ. Да, связаны. Обычно их ставили на колени.

Вопрос. А руки были связаны?

Ответ. Руки обычно связывали за спиной. Иногда связывали и ноги. Но, как правило, связывали только руки, потому что пленных нужно было перевозить из одного пункта в другой.

Вопрос. А оружием пленных били?

Ответ. Нет, я никогда не видел, чтобы их били оружием. Чаще всего били ногами. Пленных, как правило, сильно толкали, и поскольку они не могли балансировать руками, то падали на колени. Мне говорили, что особенно зверски избивали пленных, если их захватывали в том бою, в котором у нас оказывались серьезные потери. Тогда те, кто допрашивал, давали волю своей злобе. Применялись любые методы допросов.

Вопрос. Какие из таких методов вы можете назвать?

Ответ. Например, пленных волокли за бронетранспортером.

Вопрос. Вы сами это видели?

Ответ. Я слышал, что это делалось, но никогда не видел.

Вопрос. Что вы знаете об использовании вертолетов при допросах?

Ответ. Я слышал, что пленных допрашивают в вертолетах, которые поднимаются в воздух. Если пленные ничего не говорили или они не представляли ценности, их вытаскивали.

Вопрос. Кто рассказывал вам об этом? И широко ли это известно во Вьетнаме?

Ответ. Не знаю, широко это известно или нет. Я разговаривал с людьми, которые ведут допросы во Вьетнаме пять или шесть лет. Они рассказывали, что сами делали такие вещи.

Вопрос. Они сами признавались в этом?

Ответ. Да.

Вопрос. Вы когда-нибудь слышали о применении бамбуковых щеп?

Ответ. Да.

Вопрос. А о том, что некоторые наши парни коллекционируют уши убитых солдат противника?

Ответ. Да. Я читал об этом в материалах допросов. Самые разные люди свидетельствуют, что они лично собирали уши убитых вьетконговцев и носили их как петличку до тех пор, пока они не начинали слишком сильно пахнуть.

Вопрос. Почему это записывается в официальные документы?

Ответ. Трудно сказать. Я знаю, что сведения о некоторых вещах, которые происходили во Вьетнаме, командование считало секретными. Но многие наши солдаты писали о них в письмах к родным. Иногда у пленных мы отбирали письма захваченных ими американских солдат. Вот почему в материалах допросов упоминались такие вещи.

Вопрос. Вам приходилось бывать в каком-нибудь крупном центре допросов, где находилось большое число вьетнамцев?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Где и когда?

Ответ. Помимо двух разведцентров, которые я уже упоминал, был третий — в Чолоне. Это был большой лагерь, окруженный колючей проволокой. Здесь размещался главный центр допросов во Вьетнаме. Все важные пленные, захваченные в провинциях Куангтри и Куангнам, направлялись в этот центр допросов под вооруженной охраной. Обычно охрану несла американская военная полиция или пехотинцы, предназначенные для выполнения специальных заданий. Центром допросов управляли вьетнамцы, хотя там был и контингент американцев, корейцев и, возможно, тайландцев. Когда я был в Сайгоне, то

жил вместе с двадцатью или тридцатью американцами, которые работали в этом центре допросов. Кроме того, я сам бывал там пять или шесть раз. Я не видел камер, но по рассказам знаю, что большинство камер, где содержатся пленные, находятся в чудовищном состоянии. В этом лагере сразу же после операции «Тэт» и майского наступления было около двух тысяч пленных казнено. Это была как бы ответная мера. Это еще сделали для того, чтобы подавить недовольство наших солдат потерями, которые мы понесли в операциях за этот период.

Вопрос. Кто вам это рассказывал?

Ответ. Сержант, проработавший в центре два с половиной года. Кажется, сейчас он уже не служит.

Вопрос. Вы помните его имя?

Ответ. Поль Гард. Он мне рассказал об этом, по-моему, прошлым летом.

Вопрос. Во Вьетнаме?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Он не говорил вам, как были казнены пленные?

Ответ. Нет, не говорил. Но это общеизвестный факт. По крайней мере всему Сайгону и служащим, знающим о деятельности этого центра, известно, что пленных там казнят систематически.

Вопрос. В центре?

Ответ. Да, в центре.

Вопрос. И центр находится в ведении южновьетнамской армии?

Ответ. Да.

Вопрос. А пленные, захваченные американцами, попадали туда?

Ответ. Да. Очень многие. Особенно, как я говорил раньше, если их считали важными пленными. Туда привозили и пленных, захваченных в пределах провинции Гиادين. На территории Вьетнама организованы и другие центры допросов, но не такие большие. Это — главный центр. Сюда доставляют особенно важных пленных. Их допрашивают не только южновьетнамские, но и американские следователи. Результаты допросов пользуется также и гражданская полиция. Я знаю, что вьетнамская национальная полиция имеет доступ ко всем протоколам допросов и, наверное, принимает участие в допросах. Так же, как и группа «Фепикс», которая действует вне Сайгона.

Вопрос. Что это за группа «Феникс»?

Ответ. Я сам туманно представляю, что это такое. Но, насколько я понимаю, это что-то вроде представительства ЦРУ в Сайгоне. Его сотрудники участвуют в допросах важных политических пленных во Вьетнаме.

Вопрос. По роду вашей работы вы получали информацию, которая отличалась бы от сообщений прессы?

Ответ. Да, помню один случай. Я узнал об этом, работая с захваченными документами и протоколами допросов. В самом начале 1968 года, во время окружения Кхесани, когда морские пехотинцы были отрезаны от источников снабжения и пополнения, в прессе сообщалось, что окружение не приносит успеха противнику из-за действий нашей авиации. Однако из отчетов следовало, что около 20 или 30 тысяч солдат северовьетнамской армии находятся в резерве, готовые подойти и усилить войска, окружившие Кхесань. На самом же деле вьетнамцы вынуждены были полностью отказаться от операции из-за эпидемии бубонной чумы, которая началась среди солдат. Во всяком случае именно из-за чумы вьетнамцы сняли окружение базы.

Вопрос. Откуда вы это знаете?

Ответ. Из захваченных документов и протоколов допросов.

Вопрос. Вы были там 15 октября, в первый день моратория?

Ответ. Так точно.

Вопрос. Что же вы видели?

Ответ. 15 октября во время моратория я видел многих солдат из боевых частей в Сайгоне, которые носили черные повязки.

Вопрос. И много вы таких видели?

Ответ. Человек 70—100 только в течение одного дня.

Вопрос. Солдаты-негры в Сайгоне как-нибудь организованы?

Ответ. В Сайгоне есть ресторан, который называется «Сеульская кухня». Этот ресторан принадлежит негру, бывшему солдату американской армии. Там подают национальные блюда, шашлык, цыплят, зелень, кукурузный хлеб и тому подобное. Я был там много раз и говорил с десятками солдат-негров. Они приезжают в Сайгон в отпуск на три — пять дней практически отовсюду. Оказывается, почти каждый солдат-негр во Вьетнаме знает об

этом ресторане, и многие, приезжая в Сайгон, считают своим долгом пойти туда. Там они имеют возможность поговорить друг с другом, высказать свое отношение к войне. Для солдат-негров, которые находятся сейчас во Вьетнаме, это большое дело.

Вопрос. Вы были там?

Ответ. Да, много раз.

Вопрос. Ну и что там говорят о войне?

Ответ. По общему мнению, эта война является эксплуатацией главным образом негров. Негры понимают, что в пропорциональном соотношении в армии во Вьетнаме их больше, чем дома, в Штатах. И я думаю, они понимают, что выполняют более опасные задачи, нежели их белые коллеги. Не все, но большинство.

Вопрос. Сколько вам оставалось служить?

Ответ. Четыре месяца, если бы я сразу пошел в школу.

Вопрос. Что вы собирались делать в ближайшие четыре месяца?

Ответ. По вечерам ходить в школу, а днем — в младший колледж. При моих обязанностях у меня, конечно, было достаточно свободного времени. У меня есть официальное разрешение ходить днем на занятия.

Вопрос. Что вы собирались изучать?

Ответ. Я записался на курсы по журналистике, психологии, философии и современным проблемам социологии.

Вопрос. Что вы предполагали делать после увольнения из армии?

Ответ. Мне бы хотелось снова поучиться в университете, хотя бы недолго. Если бы мне удалось уволиться раньше, то есть если бы я ушел из армии в конце мая или начале июня, я должен был бы посещать школу, пока не кончился срок окончания службы, а это будет 25 августа 1970 года. Но иногда из армии увольняют за девяносто дней до окончания срока при условии, что уволенные пройдут полный курс школьного обучения.

Вопрос. Что вы планировали делать после получения диплома?

Ответ. Мне хотелось бы иметь возможность писать. Я очень заинтересовался Вьетнамом, и мне хотелось бы снова поехать туда, уже как гражданскому лицу, и писать. Очень хотелось бы также изучить социальные, политические и военные проблемы, а также положение во

Вьетнаме. Там я встречал многих людей, которые помогли бы мне в моей работе. Я смог бы иметь доступ ко многим источникам информации во Вьетнаме.

Вопрос. Что вы думаете о войне во Вьетнаме?

Ответ. Раньше мое отношение к войне было крайне противоречивым. После того как я побывал во Вьетнаме, отрицательное отношение к войне у меня резко усилилось. Я теперь не питаю никаких иллюзий относительно американцев, которые пахотятся во Вьетнаме. Оснований для этого у меня стало значительно больше, чем было раньше.

Вопрос. Какие же это основания?

Ответ. Прежде всего, я не заметил ни малейшего признака, чтобы народ жаждал находиться под властью Сайгона. И я не увидел ни малейшего доказательства того, что Сайгон в состоянии или был когда бы то ни было в состоянии эффективно управлять народом. С другой стороны, я видел, как относятся американцы в основной массе к этой небольшой расе людей. Я никогда не считал, что мы идем правильным путем. Я глубоко убежден, что Соединенные Штаты сделали одну из самых трагических политических ошибок.

Вопрос. Я понимаю, насколько трудно вам было. Вы были против войны и все-таки, по существу, поддерживали эти действия вашим участием и вашей работой?

Ответ. Так точно. Если говорить о том, что происходило в действительности, то временами это походило на постоянное состояние пизофрепии. Я хочу сказать, что приходилось делать одни вещи и в то же время верить совершенно в другие. За время своего пребывания там я не встречал никого, кто бы испытывал такое сильное раздвоение, как я. Многие там выступали против войны, но в основном это диктовалось личными соображениями. Иными словами, многие думали, что вьетнамцы — это пизшая раса, что мы просто зря теряем время, пытаюсь помочь им. Мое же отношение, мои чувства — это постоянная горечь от сознания, что я там был, что я делал там что-то, хотя наша основная задача — попытаться спасти американцам жизнь. Никаких попыток спасти жизнь, в частности, вьетнамцев, корейцев, австралийцев или тайландцев, конечно, не предпринималось. Наша задача при сборе документов заключалась только в том, чтобы уста-

повить передвижение частей, пути снабжения и переброски людей и оружия для того, чтобы по крайней мере американцы могли более эффективно планировать свои действия и как можно меньше попадать в военные ловушки, засады или невыгодные ситуации.

Вопрос. Если б вам сейчас отдали приказ вернуться, вы бы вернулись?

Ответ. Нет. Думаю, что в данном случае лучше дезертировать. Лучше даже в моральном смысле. Я не смог бы поехать туда снова.

Вопрос. Какое у вас звание?

Ответ. Специалист пятого класса.

Вопрос. В этом звании вы были во Вьетнаме?

Ответ. Да.

Билл Хаттон

Вопрос. Вы были во Вьетнаме?

Ответ. Так точно. Я вернулся около четырех месяцев назад.

Вопрос. Когда вы там были?

Ответ. С сентября 1968 по декабрь 1969 года.

Вопрос. Что вы там видели?

Ответ. Я видел много маленьких Майлай и много жестокости по отношению к людям. Убийства, которые я видел, не были массовыми, но потрясли меня своей жестокостью. Помню случай с ребенком. Ему было около восьми или девяти лет. Его застрелили среди бела дня. Для убийства не было никаких причин. Матрос из морской полиции просто взял и застрелил ребенка, хотя тот никому не мешал. Все это дикость.

Нам не позволяли устанавливать какие-либо контакты с вьетнамцами. На самом же деле, по моим наблюдениям, вьетнамцы — дружелюбные люди. Я знал одну вьетнамскую семью в Камлао. Это лучшие из людей, которых я вообще встречал. Что касается морских пехотинцев, то, по-моему, их миссия только в том и состоит, чтобы заставлять вьетнамцев ненавидеть нас. И, конечно, корпус морской пехоты вполне в этом преуспевает. В деревнях Вьетнама практически невозможно увидеть мужчин в возрасте от четырнадцати до пятидесяти лет. Все

они главным образом в горах, в войсках Народно-освободительной армии и северовьетнамской армии. Это довольно яркий показатель существующего там положения.

Гэри Джианниното

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Гэри Джианниното.

Вопрос. Когда вы поступили во флот?

Ответ. Я поступил на службу в ноябре 1966 года. У меня был выбор: либо записаться добровольцем, либо быть призванным. Это вообще-то не такой уж большой выбор, но в то время я считал, что лучше записаться добровольно. В этом случае я получал возможность учиться.

Вопрос. Сколько вам было тогда лет?

Ответ. Девятнадцать.

Вопрос. Что вы делали до того, как попали во флот?

Ответ. Я окончил среднюю школу и работал вместе с отцом, оформляя сады и парки. Я записался во флот на четыре года.

Вопрос. Где вы проходили основную подготовку?

Ответ. В Грейт Лейксе, штат Иллинойс, а потом там же учился в школе госпитальной службы. Выбирая место службы, я спросил, не попаду ли я хоть на какое-то время в морскую пехоту. Мне ответили отрицательно. И я сказал: «О' кэй». Мне предстояло быть санитаром в госпитале. Я приступил к службе после четырнадцати недель учебы. Меня направили в школу полевой медицинской службы в Северной Каролине, где вместе с морскими пехотинцами я проходил в течение пяти недель обучение по службе в боевых условиях. Затем меня направили в Портсмутский военный морской госпиталь, где я прослужил около двух или трех месяцев. Потом я получил приказ отправиться на Гавайские острова. Тогда я думал, что это будет передышкой. По прибытии на Гавайи нам сказали: «Мы отправимся в развлекательное путешествие вокруг Окинавы, Филиппин и Тайваня». Как раз в это время полным ходом шла операция «Тэт». Уже в Тихом океане нам объявили, что мы плывем совсем не на Филиппины, а во Вьетнам. И через двенадцать дней мы прибыли в порт Дананг.

Вопрос. До какого звания вы дослужились?

Ответ. Сержант.

Вопрос. К тому времени вас назначили в корпус морской пехоты?

Ответ. Я был при корпусе морской пехоты. Оказывается, во флоте готовят медперсонал и для работы в госпиталях морской пехоты. А в корпусе морской пехоты людей учат только убивать. Там не готовят ни терапевтов, ни дантистов, ни врачей других специальностей.

Вопрос. Вы были там в течение года?

Ответ. Десять месяцев. С февраля по декабрь 1968 года.

Вопрос. Что вы там видели?

Ответ. В Дананге мы оставались около месяца. Все три батальона были совсем не подготовлены к военным действиям. Нас взяли ввиду срочной необходимости. Нам решили дать месяц на практические занятия. Мы несли караульную службу, тренировались в устройстве засад и делали другие подобные вещи. Наш батальон все время пополнялся, так как в это время мы несли большие потери. Мы представляли собой своего рода остов батальона. Первый месяц мы, собственно, ничего не делали. Затем нас направили в Хюэ для выполнения оперативной задачи; мы были одним из подразделений 1-й дивизии, которая в полном составе участвовала в боевых действиях. Так вот, мы направились в Хюэ. Наша рота расположилась на острове и несла охрану базы горючего для флота. Нам очень повезло, потому что мы поселились в хижинах. Трех другим ротам батальона достались необжитые места. Они спали в воде и грязи, как бездомные бродяги. Мы участвовали в таких операциях, что, если бы я не видел все это сам, никогда бы не поверил. Убийства совершались безо всякой причины, хладнокровно и систематически. У меня был друг. Я говорю «друг», потому что считал его своим другом. Но он настолько потерял там человеческий облик, что однажды, например, во время несения патрульной службы он схватил вилтовку и сказал: «Видишь того крестьянина?» Он был отличным стрелком, какое-то время даже был снайпером. И вот он взял и просто так застрелил крестьянина из винтовки.

Вопрос. Когда и где это было?

Ответ. Кажется, это было немного севернее Хюэ в апреле 1968 года. Тогда все объяснили простой случайностью. Это был первый случай. В другой раз семь человек из другой роты нашего батальона...

Вопрос. Какого батальона?

Ответ. Это был 1-й батальон 24-го полка. Они взяли в плен нескольких подозреваемых. Подозревали, что задержанные — солдаты северовьетнамской армии. Мы только что вернулись после операции, в которой потеряли многих наших людей. Наши парни, понимаете, были как бешеные, как разъяренные звери. Они схватили пленных, повесили их, потом кололи, стреляли в них и, наконец, выбросили в реку прямо за деревней. Бывали случаи, когда мы отправлялись на так называемые операции по поиску и уничтожению. Налетая на деревни, мы сжигали хижины, вытаптывали посевы, убивали скот. Потом гранатами забрасывали бункеры, где прятались люди. Морские пехотинцы терроризировали людей, запугивали их до смерти. Жители боялись выйти из бункеров. Обычно какой-нибудь неврастеник начинал кричать в бункер: «Выходите! Выходите!» Люди не выходили. Тогда кто-нибудь из наших бросал туда гранату — и дело было сделано. Все об этом тут же забывали и уходили как ни в чем не бывало.

Вопрос. Вы часто это видели?

Ответ. Постоянно. Сжигали хижины и уничтожали все, что попадалось.

Вопрос. Какие это были деревни?

Ответ. Деревни на окраинах Хюэ. Мы участвовали в нескольких таких операциях. Мы отправлялись на пять — семь дней, на две недели или что-то около этого, и всякий раз повторялось одно и то же.

Вопрос. Были случаи насилия над женщинами?

Ответ. Знаете, это было немного рискованно. Многие не хотели рисковать, хотя я знаю двоих, которые это делали. Зато сжигали и уничтожали все: распарывали большие мешки риса и разбрасывали его, убивали скот, вытаптывали и выбирали посевы.

Вопрос. Это делалось постоянно?

Ответ. Все время. Это не преувеличение. Это считалось нормой, само собою разумеющимся. Таким образом мы вымещали свою злобу. Конечно, для ненависти было достаточно причин, но мы свою ненависть направляли не в ту сторону. Американский офицер, например, приказывал нашим тапкам пройти по нашим же раненым. Военное начальство приказывало убивать наших же людей. Артиллерийский огонь направлялся порой не в ту сторону. Тапки, вместо того чтобы уничтожить бункер,

переезжали наших рапёных. Такое случалось тоже постоянно.

Вопрос. Вы видели, как расчленяли тела?

Ответ. Мы брали пленных подозреваемых. Не знаю, кто разбирался в этом, но в процессе допроса всегда почему-то устапавливалась их принадлежность к Вьетконгу. Возраст задержанных не имел значения. Мне кажется, для охраны пленных специально выделяли настоящих садистов. Вьетнамцы — малорослые люди. А наши огромные парни, морские пехотинцы, связывали плешым руки за спиной, спутывали им ноги, жгли сигаретами, заставляли пить сок Табаско, били в пах. Однажды я остался на острове, где проводилась операция по прочесыванию. В пленных бросали гранаты, причём так, чтобы их только ранило осколками. Одного пленного отравили, заставив съесть таблетку, которая применяется для подогревания рациона «С». Несколько морских пехотинцев силой открыли ему рот и протолкнули в горло таблетку.

Вопрос. Ну и что же?

Ответ. В тяжёлом состоянии его отправили в госпиталь недалеко от Хюэ. В этот день взяли много пленных, обращались с ними очень жестоко. Били, топтали ногами.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. В начале мая.

Вопрос. В каком месте?

Ответ. Рядом с Хюэ. Там все время происходили подобные вещи.

Вопрос. Были ли вы свидетелем того, что солдаты отрезали уши убитых и носили их как трофеи?

Ответ. Нет. К тому времени, когда мы приехали, это уже было запрещено. До этого обычно хвастались убийствами и имели всегда при себе доказательства совершенных убийств, в том числе и уши убитых вьетнамцев. Особенно часто этим увлекались снайперы. Иногда нам ставили задачу действовать как заслон, когда другое подразделение прочесывало деревню. Естественно, жители пытались убежать, и если у них оказывалось оружие, то их убивали. Обычно мы сидели в засаде от бегущих жителей на расстоянии примерно пятисот — семисот метров. В них стреляли, как на стрельбище. Морские пехотинцы сидели и орали: «Кажется, я ему влепил. Да, кажется, влепил». Или: «Эх, промахнулся». И снова стреляли. В этом никто не видел ничего особенного. Стреляли в буйволов и сви-

пей, и это тоже не считалось ненормальным. Так вели себя очень многие. Нашим солдатам говорили, что вьетнамцы — низшая раса, отсталый народ. Однажды наше отделение было в деревне, и солдаты провели в хижине всю ночь. Там были две старушки, двое маленьких детей и две маленькие девочки. Всю ночь их мучили.

Вопрос. Вы видели это?

Ответ. Так точно. Я дошел до такого состояния, что через четыре месяца заявил об отказе воевать. В результате меня судили, и я получил четыре месяца каторги. Я отбыл наказание, и меня опять послали во Вьетнам. А мне хотелось выбраться оттуда, выбраться из всего этого дела. В то время я не думал о политике, я просто хотел выбраться.

Вопрос. Изменились ли ваши взгляды?

Ответ. Так точно. Когда я сидел во флотской тюрьме, до меня кое-что дошло. Однажды заключенные, договорившись, избили надзирателей и сожгли несколько камер. Мне стало ясно, что значит солидарность людей, доведенных до отчаяния побоями.

Вопрос. Были ли случаи самострела в войсках, которые находятся во Вьетнаме?

Ответ. Да. Многие парни стреляли сами в себя для того, чтобы выбраться из Вьетнама. Я рисковал, отказавшись воевать. Это обычно грозит тюремным заключением до десяти лет и увольнением с лишением прав и привилегий. А многие просто стреляли в себя. Когда мы бывали на прочесывании, они стреляли через наши головы, чтобы создалось впечатление перестрелки. Это была ложная перестрелка. Затем они стреляли в себя и делали вид, будто их ранил противник. В нашем взводе это сделали одиннадцать человек. И все, в том числе и офицеры, знали об этом, но ничего нельзя было доказать.

Вопрос. Как вы определяли, что солдаты стреляли сами в себя?

Ответ. Они сами приходили ко мне за советом, спрашивали, куда лучше всего выстрелить, понимаете, чтобы не остаться калекой на всю жизнь, по в то же время чтобы рана была достаточной для отправки их из Вьетнама. Некоторые даже просили у меня лекарства. Я давал им морфий и говорил, где меня найти, если я понадобится. Вот так. Они были моими друзьями, и я предпочитал видеть, как их, раненых, отправляли домой, вместо того

чтобы заталкивать их мертвые тела в мешки или складывать штабелями на тапк. Вот как я к этому относился. Когда я отказался воевать, меня поддержали все солдаты роты.

Роберт Гордон *

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Роберт Гордон.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Солап-Бича, штат Калифорния. Это маленький городок в округе Сан-Диего.

Вопрос. Когда вы вступили в армию?

Ответ. 25 мая 1966 года.

Вопрос. Что вы делали до этого?

Ответ. Ходил в школу и время от времени работал.

Вопрос. Вы закончили среднюю школу?

Ответ. Да.

Вопрос. Где?

Ответ. В Сан-Диего.

Вопрос. Куда вас направили для прохождения службы?

Ответ. Для основного обучения меня направили в Форт-Уэрт. Затем я совершил ужасную ошибку, добровольно записавшись в воздушнодесантные войска. Меня направили для пехотной подготовки в Форт-Гордон, а оттуда из десантной школы во Вьетнам, в пехоту. К тому времени я пробыл в армии около пяти месяцев.

Вопрос. Когда вы прибыли во Вьетнам?

Ответ. 31 октября 1966 года.

Вопрос. И куда вы отправились?

Ответ. Меня направили в пункт распределения пополнения в Лонгбин, а затем пароходом в Тайнин, в военную зону С, в 196-ю пехотную бригаду.

Вопрос. Сколько вы там пробыли?

Ответ. Я был во Вьетнаме три месяца обычным пехотинцем.

Вопрос. Вы принимали участие в военных действиях?

Ответ. Да. Я пережил переломный момент в ходе войны. Шла операция «Аттлборо». Мы находились на горе Черная Девственница. Предполагали, что там укрылась 5-я северовьетнамская дивизия или еще какая-то, которая считалась одной из самых крупных боевых частей противника на юге.

Вопрос. Значит, боевые действия велись интенсивно?

Ответ. Да, первые три месяца службы прошли очень активно.

Вопрос. А куда вы направились потом?

Ответ. Меня перевели в 25-ю пехотную дивизию в Кучи. Это приблизительно в сорока километрах к северу от Сайгона.

Вопрос. Сколько времени вы там находились?

Ответ. Около восьми месяцев.

Вопрос. Вы видели, как допрашивают пленных?

Ответ. Я был в пехотном подразделении, и нам обычно приходилось решать, стоит ли на месте допрашивать пленного или нужно отправить его дальше. Я видел, как переводчики допрашивали северовьетнамских пленных, прежде чем отправить их в более высокие инстанции.

Вопрос. Это были вьетнамские переводчики?

Ответ. Да.

Вопрос. Как же они допрашивали?

Ответ. Иногда дело доходило до крайностей. Они говорили с пленными на вьетнамском языке. И если им не удавалось добиться показаний, пленных били.

Вопрос. Как их били?

Ответ. В живот, по лицу, сбивали с ног.

Вопрос. Пленные были связаны?

Ответ. Да. Пленных всегда держали связанными. Руки связывали за спиной. Иногда пленных ставили на колени и завязывали им глаза. Иногда били, иногда нет. Все зависело от переводчика.

Вопрос. Вы видели, как пленных били прикладами?

Ответ. Некоторые переводчики делали это. Но в операциях по поиску и уничтожению я много раз видел, как наши солдаты били мужчин и женщин, подозреваемых в принадлежности к Вьетконгу.

Вопрос. Американцы?

Ответ. Да. Чтобы южный вьетнамец бил северного вьетнамца — это не часто увидишь.

Вопрос. Вы видели, как допрашивали пленных женщин?

Ответ. Однажды видел. Я хорошо это помню. Я стоял часовым у бункера в Кучи. Там находился базовый лагерь 25-й пехотной дивизии. Это один из самых больших базовых лагерей во Вьетнаме. Недалеко от наших бункеров допрашивали группу подозреваемых вьетнамцев. Их

плотным кольцом окружили южновьетнамские солдаты. Двое парней привязали пленных к столбу и избили их. Потом они начали допрашивать женщину. Они сняли с нее блузку, понимаете...

Вопрос. Сколько ей было лет?

Ответ. Она выглядела лет на двадцать. Знаете, очень трудно определить возраст вьетнамцев. Она выглядела лет на двадцать с небольшим. С нее сняли блузку, начали толкать по кругу и смеяться.

Вопрос. Что значит толкать по кругу?

Ответ. Солдаты стояли кругом и толкали женщину от одного к другому. Но потом они сделали такое, отчего мне стало плохо. Они накинули вокруг ее груди что-то наподобие пояса с прикрепленными к нему проводами и застегнули сзади, как лиф. Этот пояс охватил женщину кольцом. Они присоединили провода к батареям, к аккумуляторам автомобиля. Это, видимо, очень болезненно.

Вопрос. Она кричала?

Ответ. Да. Через некоторое время эта женщина умерла. Когда отстегнули эту штуку, стала видна обожженная полоса поперек груди и спины. Полосу прожгло током. Это проделывали с несколькими женщинами. А одной из женщин закрепили провод между ног, во влагалище, и присоединили провода к аккумулятору. Женщина даже не успела крикнуть — настолько сильна была боль. Не думаю, чтобы те, кто допрашивал, особенно интересовались какой-то информацией. Они просто забавлялись.

Вопрос. Скольких женщин пытали таким образом?

Ответ. Трех женщин пытали при помощи пояса и одну — проводами, закрепленными во влагалище.

Вопрос. В этом участвовали американские солдаты?

Ответ. На этот раз — нет. Там было несколько наших сержантов и солдат. Сами они непосредственного участия в допросах не принимали, но давали советы. Им нравилось это. Они смеялись вместе с южновьетнамскими солдатами, которые вели допрос. Это происходило на открытой части лагеря. Допрашивали южновьетнамские солдаты.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. В феврале 1967 года.

Вопрос. Вы слышали о том, что пленных поднимают на вертолетах?

Ответ. Австралийский летчик рассказывал мне, что в их роте вьетконговцев привязывали к вертолету веревкой

за ступи и пролетали над вершинами деревьев. Я много раз слышал, как хвастались летчики, что сбрасывали из вертолета двоих пленных для того, чтобы третий начал давать показания.

Вопрос. А об этом американцы рассказывали?

Ответ. Очень часто. Многие кадровые солдаты, «пожизненные заключенные», как мы их называли, хвастались, что участвовали и в таких делах, и избивали задержанных. Однажды мы проводили операцию по поиску и уничтожению. Операция, однако, началась с того, что мы рубили каучуковые и другие деревья в лесу, вокруг деревни, где, как предполагалось, вьетконговцы могли прятать продовольствие. Затем двое парней решили отправиться в деревню и привести нескольких девушек. Обычно сначала девушкам предлагались деньги, но если они отказывались, их все равно брали силой.

Вопрос. А как обращались с женщинами?

Ответ. Обычным делом считалось избиение жителей, в том числе и людей преклонного возраста, особенно в операциях по поиску и уничтожению. Если мы находились далеко от базового лагеря, считалось само собой разумеющимся, что все жители — вьетконговцы. Так что... их всегда избивали.

Вопрос. И убивали?

Ответ. Нет. Обычно убивали раненых пленных, даже легкораненых. Вместо того чтобы вызвать санитаров, раненых солдат противника убивали или топили в рисовых полях.

Вопрос. И часто вы это видели?

Ответ. К сожалению, я дважды сделал это сам. Я не могу этим гордиться. Во Вьетнам я прибыл политически неграмотным. Я не понимал, что происходит, что скрывается за вьетнамской войной. Сейчас это стало большой проблемой. Люди действительно не знают, что происходит. Кто-то сказал им, что коммунисты хотят лишить нас каких-то прав и тому подобное. И люди едут во Вьетнам.

Вопрос. Значит, вы против войны?

Ответ. Я против войны. Мне хотелось бы, чтобы Соединенные Штаты вывели войска из Вьетнама. Я пришел к этому решению там и теперь занимаюсь историей Южного Вьетнама. Я изучил историю тысячелетней давности, узнал многое о революционных событиях во Вьетнаме, например

о революции сестер Транг, которые возглавили первое восстание против китайцев...

Вопрос. Как вы убили тех двоих?

Ответ. Однажды я был в засаде. Началась перестрелка, и я услышал стоны. Я позвал парня, который был сзади меня: «Пойдем проверим. Я слышу какой-то шум». Мы только что взорвали мину, и я увидел двоих вьетнамцев. Один из них был ранен. Я доложил командиру по радио, что впереди раненый вьетнамец. Командир приказал: «Убейте его, но без шума».

Вопрос. Кто был командир?

Ответ. Капитан О'Малли. В то время он был командиром роты. У нас к тому времени сменилось три командира роты, не знаю почему. Так или иначе, он приказал убить раненого, но без шума. Я ответил, что вьетнамец ранен не тяжело. Рота находилась приблизительно в ста метрах позади нас. Засада у нас была за внешним кругом обороны. У меня была винтовка М-16 с пластиковым прикладом. В нашей роте не давали штыков. Как же убить вьетконговца оружием, которое весит не больше нескольких фунтов?

Вопрос. Что же вы сделали?

Ответ. Я ударил его несколько раз по голове прикладом винтовки, но это ничего не дало. Раненый продолжал стонать. Парень, который шел со мной, был значительно крупнее меня. У него была винтовка М-14, у которой на прикладе — стальная пластина. Он начал бить раненого винтовкой, но это тоже ничего не дало. Я, наконец, сказал: «Хватит ему мучиться», взял пистолет и выстрелил вьетнамцу в голову.

Вопрос. Куда он был ранен?

Ответ. У него было несколько ранений в грудь, но они были не глубокие. Возможно, у него была одна сквозная рана в грудь, но у меня не было времени посмотреть. Было темно. У раненого не было оружия. Это был первый случай, когда я убил раненого солдата-вьетнамца. О втором случае подробностей не помню. Другой вьетнамец убежал.

Вопрос. Многих раненых пленных убивали на ваших глазах?

Ответ. За последние шесть месяцев я видел это пять или шесть раз, а может, и больше. Знаете, это было очень давно. С тех пор как я вернулся, прошло два года. Я стараюсь забыть многое из того, что произошло. Помню один

случай. Мы находились в засаде на окраине довольно большой деревни. Было это приблизительно в пятнадцати километрах к северу от Кучи. Комендантский час кончался там в пять часов утра. Тогда крестьяне сажались на воловь упряжки и отправлялись в поля. Так вот, приблизительно за пять минут до окончания комендантского часа командир нашей группы передал командиру роты, что по дороге кто-то движется. Это было за пять минут до окончания комендантского часа. Командир сказал, чтобы мы действовали по собственному усмотрению. На велосипеде ехал старик. Он не был похож на крестьянина. Командир нашей группы открыл огонь, вслед за ним по старику начали стрелять все. Велосипед перевернулся. На велосипеде оказалась белая сумка. Всем стало ясно, что это был врач. Он ездил из деревни в деревню, помогая людям.

Вопрос. Его убили?

Ответ. Да. Убили. Командир нашей группы взял удостоверение доктора, сжег его, а тело убитого приказал выбросить в канаву. Об этом никогда потом не вспоминали.

Вопрос. А вы жгли деревни?

Ответ. Мы сожгли очень много деревень, в которых побывали. Жителей обычно уводили в другие деревни, которые, по-нашему мнению, не поддерживали Вьетконг.

Вопрос. А жители получали увечья во время всех этих действий?

Ответ. Да. Иногда их тяжело ранило. Помню, один вьетнамский солдат не захотел, чтобы разрушили дом его отца. Солдат вытащил из гранаты чеку и стал перед домом. Мы ломали тогда дома при помощи бронетранспортеров и танков.

Вопрос. Что такое бронетранспортер?

Ответ. Он похож на маленький танк. Такая небольшая квадратная машина. Командир бронетранспортера подошел к вьетнамцу, выхватил у него гранату и бросил в колодец. Затем он избил этого южновьетнамского солдата. Командир бил его винтовкой. Потом командир бронетранспортера приказал разрушить дом, не дожидаясь, пока его покинут жители. Старика, отца солдата, ранило. Одна из балок ударила его по голове. У него была большая рана. Его жена и дети, правда, не очень пострадали.

Вопрос. Сколько вам еще служить в армии?

Ответ. Полтора года. Я уже отслужил в общей сложности пять лет и четыре месяца. Меня судил трибунал.

Вопрос. За что?

Ответ. В прошлом году, кажется в августе, я получил приказ отправиться вторично во Вьетнам. Мне это было не по душе.

Вопрос. Вы уже не хотели снова ехать во Вьетнам?

Ответ. К тому времени я уже лучше ориентировался в политике и пришел к выводу, что люди в Северном Вьетнаме мне не враги. Я прибыл по вызову и занялся канцелярской работой.

Вопрос. Что это значит?

Ответ. Я разбирал почту. Потом, когда работа была закончена, я упаковал свои чемоданы и отправился домой. Дома я пробыл три месяца. Наконец мое дело передали в военный трибунал. Поездка во Вьетнам приостанавливается, если человека ожидает судебное разбирательство.

Вопрос. Вас судили за самовольную отлучку?

Ответ. Да. За это предусмотрено наказание значительно легче, чем за отказ поехать во Вьетнам. Тогда бы меня обвинили в невыполнении приказа.

Вопрос. Сколько вам лет?

Ответ. Двадцать три.

Вопрос. Что вы собираетесь делать, когда уволитесь из армии?

Ответ. Я собираюсь активно участвовать в антивоенном движении. Возможно, я стану членом общества «Ветераны Вьетнама против войны» в своем родном городе.

Вопрос. Сколько вы убили солдат противника?

Ответ. За мной числятся восемь человек. В то время это считалось большим успехом. Сейчас же мне это не доставляет радости.

Вопрос. А как вы теперь относитесь к войне?

Ответ. У меня вызывает чувство протеста тот факт, что там, во Вьетнаме, умирают американские солдаты. По моему, война — это продукт деятельности нашего правительства. И хотя во Вьетнаме погибает много американских солдат, в том числе и мои друзья, я поддерживаю Фронт Национального Освобождения.

Ален Райт

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Ален Райт.

Вопрос. Сколько вам лет?

Ответ. Двадцать.

Вопрос. Где вы родились?

Ответ. В Балтиморе.

Вопрос. Где вы вступили в армию?

Ответ. В феврале 1967 года в Балтиморе.

Вопрос. Где вы проходили основную подготовку?

Ответ. В Форт-Брагге.

Вопрос. Почему вы пошли в армию? Вы записались добровольно или вас призвали?

Ответ. Я записался добровольно, когда мне было семнадцать лет. Я рассчитывал к двадцати годам уволиться из армии.

Вопрос. Вы окончили среднюю школу?

Ответ. Нет, не окончил.

Вопрос. Какая это была средняя школа?

Ответ. Средняя школа Роланд Парк.

Вопрос. Что делает ваша семья?

Ответ. Мой отец машинист. Он работает на фабрике. Мать работает в ресторане.

Вопрос. Где вы проходили усовершенствованную пешотную подготовку?

Ответ. В Форт-Джэксоне. Затем я получил приказ отправиться во Вьетнам. Перед этим мне дали тридцатидневный отпуск. Я поехал в Балтимор, а оттуда в Окленд. Во Вьетнам отправился самолетом и прибыл туда в августе 1967 года. Пробыл там один год.

Вопрос. Вы принимали участие в боевых действиях?

Ответ. Да. Я был на передовой.

Вопрос. В какой роте?

Ответ. В 4-й дивизии, в 1-й роте 8-го батальона. Последние три месяца я был в 1-й роте 2-го батальона 1-й дивизии.

Вопрос. Вы вернулись в США в августе 1968 года?

Ответ. Да. После возвращения из Вьетнама я был в отпуске, а затем меня направили в Форт-Худ, где я служу и сейчас.

Вопрос. Сколько вы здесь пробыли?

Ответ. В Форт-Худе я пробыл шестнадцать месяцев.

Вопрос. Когда у вас кончается срок службы?

Ответ. В следующем месяце, числа двадцать пятого.

Вопрос. За год пребывания во Вьетнаме вы видели когда-нибудь, как допрашивают пленных?

Ответ. Да, видел однажды в 1-й дивизии.

Вопрос. Где это было?

Ответ. В районе Дзиань, недалеко от базового лагеря Дзиань.

Вопрос. Кто вел допросы?

Ответ. Военная полиция и вьетнамские переводчики.

Вопрос. Когда проходил этот допрос?

Ответ. В конце апреля 1968 года.

Вопрос. Как проводился допрос?

Ответ. Сначала пленных спрашивали о передвижении войск и задавали другие подобные вопросы. Если пленный не отвечал (то ли потому, что не знал, то ли потому, что не хотел давать показания), с ним начинали обращаться грубо.

Вопрос. А именно?

Ответ. Применялось несколько разных грубых приемов. Пленного били...

Вопрос. Пленный был связан?

Ответ. Ему связывали руки за спиной.

Вопрос. Как же его били?

Ответ. Кулаками.

Вопрос. А еще что с ним делали?

Ответ. Потом применили старую пытку — загоняли бамбуковые щетки под ногти.

Вопрос. Вы видели это?

Ответ. Да, видел.

Вопрос. И какую это вызывает реакцию?

Ответ. Боль. Пленные сильно кричат и пытаются вырвать руку, но их обычно крепко держат.

Вопрос. Скольких людей при вас пытали таким способом?

Ответ. Немногих. Большую часть времени я находился на передовой. Допросы мы видели редко, обычно их проводят в тылу.

Вопрос. Вы слышали о том, что пленных выбрасывают из вертолетов?

Ответ. Как только я приехал во Вьетнам, сразу же услышал рассказы о том, что пленных допрашивают в вертолете на большой высоте. И, как я уже говорил, если пленный отказывался давать показания или не отвечал на вопросы, его выталкивали из вертолета.

Вопрос. Широко ли применяется такой метод во Вьетнаме?

Ответ. Достаточно широко.

Вопрос. Кто вам рассказывал об этом?

Ответ. Многие. Я слышал это и в базовом лагере, и от солдат на передовой.

Вопрос. Вы участвовали в операциях, когда сжигались деревни?

Ответ. Лично я в таких операциях не участвовал, но знаю, что однажды наша рота вступила в деревню, из которой всех жителей вывезли, и сожгла все дома в ней.

Вопрос. Почему?

Ответ. Не знаю.

Вопрос. Вы были свидетелем плохого обращения во Вьетнаме с гражданским населением?

Ответ. Я видел, как их выталкивали, буквально выбрасывали из домов.

Вопрос. Вы слышали о том, что вьетнамских девушек насиловали наши солдаты?

Ответ. Мне рассказывали об очень многих случаях изнасилования. Вьетнамские девушки не могут оказать серьезного сопротивления хотя бы потому, что у солдат есть оружие.

Вопрос. Можно ли сказать, что изнасилование — частое явление?

Ответ. Я слышал очень много раз об этом, когда бывал в деревнях.

Вопрос. Вы были свидетелем таких случаев?

Ответ. Нет, но мне рассказывали об этом.

Вопрос. Вы слышали о том, что кое-кто из наших парней во Вьетнаме коллекционирует части тела убитых?

Ответ. Да. Я слышал, что некоторые солдаты штыками или ножами-мачете отрезали пальцы убитых, чтобы снять кольца. Слышал, что на груди или животе убитых вырезали эмблемы войсковых частей.

Вопрос. Какие подразделения делали это?

Ответ. Этим славилась 1-я дивизия.

Вопрос. А 27-я?

Ответ. Тоже. В 1-й дивизии солдаты обычно вырезали эмблемы на груди или животе вьетнамцев штыком или еще каким-нибудь острым предметом. Нам много раз попадались убитые вьетнамцы, между зубами у которых была засунута эмблема 1-й пехотной дивизии, сорванная с плеча военной формы. Иногда ее вырезали на теле человека.

Вопрос. Вы слышали о ком-нибудь, кто коллекционировал уши убитых?

Ответ. Когда я был в 4-й дивизии, то много слышал о том, что солдаты коллекционируют уши убитых. Но я никогда не встречал тех, у кого такие коллекции были.

Вопрос. Какие медали вы получили во Вьетнаме?

Ответ. Я получил медаль за вьетнамскую кампанию, вьетнамскую нашивку и медаль «Пурпурное сердце».

Вопрос. Когда вы были ранены?

Ответ. 28 мая 1968 года.

Вопрос. Какое это было ранение?

Ответ. В глаз попал осколок снаряда.

Вопрос. Сколько времени вы находились на излечении?

Ответ. Около трех дней.

Вопрос. Только три дня?

Ответ. Только три дня. Затем меня снова направили на передовую.

Вопрос. А со зрением у вас все было в порядке?

Ответ. Нет, не совсем.

Вопрос. Вы увольняетесь в следующем месяце?

Ответ. Надеюсь.

Вопрос. Вы собираетесь снова записаться добровольцем?

Ответ. Вряд ли.

Вопрос. Если вы получите приказ снова направиться во Вьетнам, то поедете?

Ответ. Нет.

Вопрос. Почему?

Ответ. Я не верю в то, что мы там делаем. Я считаю: все, что мы там делаем, неправильно. По-моему, нам ничего делать во Вьетнаме.

Вопрос. Вы так же думали в августе 1967 года?

Ответ. Нет. Тогда я ничего не знал о Вьетнаме. Вьетнамский народ не хочет, чтобы мы там были, и наши солдаты не хотят этого.

Роберт Бауэр

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Роберт Бауэр.

Вопрос. Сколько вам лет?

Ответ. Двадцать.

Вопрос. Где вы родились?

Ответ. В Питтсбурге.

Вопрос. Где сейчас живет ваша семья?

Ответ. В Какао-Биче.

Вопрос. Чем занимается ваш отец?

Ответ. Мой отец работает инженером в корпорации «Бендикс». Он подполковник ВВС США в отставке. Он прослужил двадцать лет.

Вопрос. Где вы учились в средней школе?

Ответ. Во Флориде. Потом я совершил поездку по штатам, чтобы узнать, что они собой представляют, и остановился в Салеме, штат Массачусетс. Там я добровольно записался в армию 21 декабря 1966 года, чтобы служить своей стране и господу богу.

Вопрос. Почему вы записались добровольно?

Ответ. Я был настроен весьма патриотически. Я хотел служить стране и богу. Я считал, что должен поехать во Вьетнам и помочь свободному миру.

Вопрос. И вы поехали во Вьетнам?

Ответ. Да, так точно.

Вопрос. А куда вы попали сначала?

Ответ. Меня направили в Форт-Дикс для прохождения основной подготовки. Там я пробыл два месяца. Затем меня направили в Форт-Нокс, где я прошел подготовку члена экипажа танка. Потом я вызвался добровольно поехать во Вьетнам, и меня направили туда в мае 1967 года.

Вопрос. Каким транспортом вы направились во Вьетнам?

Ответ. Самолетом. Я прилетел в Сайгон и получил назначение в штабную роту 5-го батальона 60-го пехотного полка. Я пробыл там два месяца. Затем меня перевели в 11-й бронекавалерийский полк, там я пробыл все оставшееся время, то есть десять месяцев.

Вопрос. Вы получили награды?

Ответ. Я был два раза ранен, был дважды награжден медалью «Пурпурное сердце», получил Боевой пехотный знак, медаль за службу во Вьетнаме, медаль за вьетнамскую кампанию и медаль за национальную оборону.

Вопрос. Вы были сторонником войны, когда отправлялись во Вьетнам?

Ответ. Так точно, я был ястребом.

Вопрос. А теперь?

Ответ. Теперь я не ястреб, но и не голубь. Да, я во многом изменился во Вьетнаме. Когда я впервые пошел во Вьетнам, меня послали в самое пекло. Это было 21 июля 1967 года. Колонна, в которой я был, попала в засаду на дороге № 20 и была атакована 273-м и 272-м полками Вьетконга. Примерно после трехчасового боя весь передовой отряд нашей части был уничтожен. Остались только два бронетранспортера, в одном из которых находился я. Когда закончился бой и смолкла перестрелка, мы бульдозерами сгребли тела 115 убитых северовьетнамцев и вьетконговцев в кучу. Потом солдаты прибывших частей обслуживания — саперы, водители грузовиков — начали резать тела убитых вьетнамцев, колоть их, отрезать пальцы и уши. Я видел там многих саперов из 919-го саперного батальона (он поддерживал 11-й бронекавалерийский полк). Саперы просто дурачились: прокалывали штыками грудь убитых, загоняли штыки в ноги и делали другие подобные вещи, знаете, в духе войны. Меня это взбесило. Приблизительно через месяц наше подразделение двинулось к границе с Камбоджей, что недалеко от Аньлока. Мы захватили нескольких пленных, их связали колючей проволокой.

Вопрос. Как связали?

Ответ. Им связывали проволокой руки за спиной.

Вопрос. Проволока, конечно, прокалывала кожу?

Ответ. Да.

Вопрос. И текла кровь?

Ответ. Да. Эти проколы кровоточили. Один из пленных был убит, и его труп волокли за бронетранспортером.

Вопрос. Его убили при допросе?

Ответ. Он был раньше несколько раз ранен в грудь и живот.

Вопрос. В бою или уже после того, как его взяли в плен?

Ответ. В бою. Его труп волокли за машиной через всю деревню. Это было на окраине Аньлока.

Вопрос. Что произошло с другими пленными?

Ответ. Там было около пятнадцати женщин и старики. Их подозревали в симпатиях к Вьетконгу. Их держали всю ночь в очень маленьком и тесном сарае и не разрешали даже выходить в туалет. Они вынуждены были оправляться прямо там. И, насколько я знаю, их не кор-

мили. Я видел, как один наш парень дал пакет района «С» северовьетнамскому солдату, которого днем ранило. Его ранило в грудь. Рана была сквозная. Он был ранен и в ногу, была разбита рука. Не знаю, что случилось с ним позже, умер он или ему была оказана медицинская помощь...

Вопрос. А в течение того времени, когда вы видели его, была ему оказана какая-нибудь медицинская помощь или нет?

Ответ. Нет. Рана на руке была завязана старыми тряпками. Наши санитары не сделали ничего. Повязка на руке не была стерильной, это уж совершенно точно.

Вопрос. Что же случилось с пленными, вы не знаете?

Ответ. Пленных держали всю ночь, а потом их увезли на грузовике куда-то в тыл, не знаю куда. Их забрали какие-то специальные части южновьетнамской армии. Кажется, это что-то вроде американских «зеленых беретов». После этого было довольно тихо. Ничего примечательного не происходило приблизительно до 28 августа 1968 года. За два дня до начала операции «Тэт» мы снова попали в Аньлок, что на границе с Камбоджей. Южновьетнамские капиталисты, я думаю, их так можно называть, то есть те, кому принадлежат дома терпимости и подпольные сети по продаже наркотиков — марихуаны и опиума, направили целую партию девушек и наркотиков из Сайгона в Аньлок. Сделали они это потому, что туда прибыл 3-й эскадрон 11-го бронекавалерийского полка. Мы должны были пробыть там месяца два и принять участие в операции по перекрытию пути проникновения из Камбоджи. Так вот... туда привезли целый город — проституток, палатки продавцов наркотиков и т. д. Тем более что дело шло к концу месяца и приближался день полочки. Солдаты обращались с вьетнамками как с людьми нижней расы. Они били женщин после того, как спали с ними, били их и не платили. Мы приехали в Сайгон как раз в разгар операции «Тэт». В это время там всех захватила большая волна мародерства, в том числе и нас.

Вопрос. Солдат?

Ответ. Да, солдат. Впервые мы действовали без машин, как пехота. До этого мы всегда сидели в танках. Мы бросили машины и начали патрулировать улицы, пытаюсь ликвидировать снайперов. Старались занимать позиции, которые мы могли без труда удерживать. Разрешалось де-

лать все, что угодно: стрелять, бросать гранаты куда хочешь. В общем, все, что угодно.

Вопрос. В Сайгоне?

Ответ. Да. В районе, который мы потом сровняли с землей (приблизительно двенадцать кварталов). Он находился сразу же за окраиной Сайгона.

Вопрос. Почему этот район сровняли с землей?

Ответ. Подозревали, что там противник. Я не знаю. Это были только слухи. Никто из нас не видел противника. Мы применили танки для того, чтобы разрушить церковь: там могли засесть снайперы. Но в подвале церкви оказалось около 100 гражданских лиц. Они прятались там. Мы взорвали верхнюю часть колокольни, и она рухнула внутрь здания. Много занимались мародерством: врывались в магазины, срывали с рук людей часы, кольца, забирали блоки сигарет и другие вещи. Это похоже на игру. Нам разрешалось делать все, что угодно. Это продолжалось дня два, в самый разгар операции «Тэт». Я не могу сказать, что наши солдаты убили за всю операцию «Тэт» хотя бы одного солдата Вьетконга. Мы отправились в Чолон на ипподром, куда предполагалось сбросить на парашютах южновьетнамскую часть. Это был первый воздушный десант за длительный период. Однако Вьетконг успел перебить их всех до одного еще в воздухе. Наше подразделение направили собрать оружие и вещи, которые принадлежали южновьетнамским парашютистам. Но когда мы прибыли туда, то увидели только груды тел. Все уже было взято. Интересно заметить, что вьетконговцы не издевались над трупами. Они забрали только оружие и военное снаряжение.

Потом нас направили из Сайгона в местечко Дукла. Там мы проводили операцию по поиску и уничтожению. Она продолжалась с середины февраля до конца марта. За этот период мы уничтожили несколько деревень. Именно тогда я насмотрелся, как уничтожалась личная собственность гражданских лиц, как наши солдаты издевались над трупами противника, как убивали пленных.

Вопрос. Вы это видели сами?

Ответ. Да.

Вопрос. Вы можете подробнее описать операцию по поиску и уничтожению?

Ответ. Да. 16 или 17 марта 1968 года мы направились к небольшой деревне. Женщинам было приказано эвакуи-

роваться, но некоторые из них не ушли. Они хотели остаться. В этой деревне из поколения в поколение жили их предки, и жители не хотели покидать свои дома. Когда уже истек срок эвакуации, нам сообщили, что из деревни стреляет снайпер. Я говорю, что нам сообщили, однако в нас никто не стрелял. И мы двинулись в деревню. Наша рота разделилась на взводы, которые расположились в разных местах. Мы открыли огонь по деревне. Целый взвод из десяти мапин двинулся на деревню. Я помню, как на одной стороне деревни от трассирующих и зажигательных пуль загорелись хижины и постройки. То, что не горело, разрушали танки и бронетранспортеры. Жителей силой выгнали из деревни.

18 марта, буквально через пару дней, как мы разрушили ту деревню, мы снова выступили и нарвались на засаду. С нами был 51-й южновьетнамский батальон рейнджеров. Нас обстреляли из зарослей на острове, что находился посередине рисовой плантации. Там росли кусты и деревья, было всего несколько домов. Это началось около девяти часов утра. Островок составлял приблизительно половину футбольного поля. Именно островок. Представьте себе — деревья, кусты, примерно три хижины, огороды, маленькое кукурузное поле, бобы и много зелени. И оттуда стреляет снайпер. Южновьетнамские солдаты прыгнули с машин и открыли огонь. Мы тоже начали стрелять из пулеметов и гранатометов. Это продолжалось около двух часов. Реактивные самолеты около часу сбрасывали фугасные бомбы и напалм, расстреливали остров из крупнокалиберных пулеметов. После этого мы пытались атаковать, но нашу атаку отбили. Авиация вновь совершила налет. Мы снова пошли в атаку и опять ничего не добились. За все это время я ни разу не увидел солдат противника, хотя огонь был интенсивным.

Вопрос. Из автоматического оружия?

Ответ. Да, из автоматического. Мы были по-настоящему деморализованы. Мы вызвали поддержку с воздуха. Она обошлась, пожалуй, в 500 тысяч долларов, а вы должны помнить, что это был островок в два с половиной гектара. Мы окружили его со всех сторон, вызвали артиллерию, авиацию, но не могли подойти близко. Потом решили, что американские подразделения должны прикрыть огнем атаку южновьетнамской пехоты с целью захвата острова.

Вопрос. Кто принял такое решение?

Ответ. Конечно, американское командование. Так вот, приблизительно в три тридцать мы предприняли решительное наступление. Южновьетнамцы двинулись в атаку. Было по-настоящему смешно, когда одному из них несколько прапеллин угодили в задницу. Он повернулся и, ковыляя, пошел назад. И улыбался, понимаете? Понимаете, в чем дело?

Вопрос. Так он покончил с войной?

Ответ. Да. А другие южновьетнамцы не хотели вести бой. Они спрятались за насыпь рисовых полей. Лейтенант начал их бить, толкать. Он бил их по спине автоматом, пытаясь заставить идти вперед, но они не шли. Мы должны были следом за ними медленно двигаться в бронетранспортерах, а они лежали на земле и не двигались. Тогда нам приказали стрелять вплотную к южновьетнамским солдатам. Мы открыли огонь. Южновьетнамцы соображали, чем это пахнет, и начали двигаться, но очень медленно, беспрерывно падая. Они притворялись, будто их ранило. К ним спешил санитар, но, увидев, что они не ранены, начинал их колотить, заставляя идти вперед. Южновьетнамские офицеры тоже били своих солдат и толкали их вперед. Наконец они добрались до зарослей и начали выбивать вьетконговцев. В плен никого не брали. Всех убивали. Один вьетконговец вышел из бункера. Его лоб буквально пылал от напалма. Его тут же застрелили. Потом привели пленного и поставили за машину. Американский советник, капитан, что-то сказал южновьетнамским солдатам. В перестрелке до этого ранило одного американского советника. Пленного завели за машину, с ним пытались поговорить. Ему задали несколько вопросов. Казалось, что он оглушен. Было такое впечатление, что он плохо слышит. Он не был ранен, это я видел. Но за шесть часов на вьетконговцев высыпали целую кучу бомб и снарядов. И это не могло не подействовать. Пленного начали бить бамбуковыми палками, расщепленными палками. Хотели заставить заговорить, но пленный, казалось, и не собирался говорить. Его очень сильно били и бамбуковыми палками, и штыками. В конце концов от побоев и порезов он умер. Его забили до смерти.

Вопрос. Кто-нибудь в вашем подразделении коллекционировал части тел убитых?

Ответ. Я знал сержанта, который в растворе формальдегида держал палец. Сержант говорил, что этот палец он отрезал у вьетнамской проститутки. Он сделал это, чтобы проучить ее. Конечно, я слышал также о том, что многие парни собирали уши убитых. Я слышал и о том, что людей выбрасывали из вертолетов. Об этом я слышал много. Я даже разговаривал с теми парнями, на глазах у которых это делали. Однажды из вертолета выбросили мальчика лет четырнадцати: у него нашли американскую винтовку. Когда они летели на вертолете, разговор был приблизительно такой: «Ну что ж, если он коммунист в этом возрасте, то коммунистом и останется. Нет смысла перевоспитывать его. Он все равно не будет говорить». Вертолет летел со скоростью приблизительно 150—200 километров в час над рисовой плантацией. Мальчика вытолкнули из вертолета. Я знаю много случаев, когда из вертолетов расстреливали домашний скот вьетнамцев. Если, например, видели бегущего буйвола или какое-нибудь другое домашнее животное, они пролетали над ним несколько раз и убивали.

Вопрос. А пехота принимала участие в расстреле домашних животных?

Ответ. Да. Очень часто. Иногда это происходило случайно, но чаще всего преднамеренно. Сержант Смит, например, хвастался тем, что он перестрелял целое семейство свиней — кабана и кучу поросят. Он расстрелял всех из пулемета.

Вопрос. Вы получали во время операции приказ не брать пленных?

Ответ. Нет. Официально нам никогда не давали таких приказов.

Вопрос. Какое было у вас звание?

Ответ. Специалист четвертого класса.

Вопрос. Там, где находилась ваша часть, был черный рынок?

Ответ. В Ксуанлоке был очень большой черный рынок. Там продавали винтовки, машины...

Вопрос. Откуда же брали вьетнамцы оружие?

Ответ. У американских солдат. Там продавались не только винтовки, но и грузовики. Висело, например, объявление, что здесь находится мойка автомобилей. Американские солдаты туда въезжали, а оттуда выходили. Они

получали около 800 долларов за грузовик и от 400 до 500 долларов за джип.

Вопрос. Какой же грузовик можно было купить за 700 или 800 долларов?

Ответ. Машину грузоподъемностью в четверть или две с половиной тонны. Американцы заезжали на мойку, а там машины перекрашивали из пульверизаторов, спинали номера с бамперов и моторов. На это уходило часа два. Потом машины выезжали и отправлялись в другую часть страны.

Вопрос. Кому же они доставались?

Ответ. Не знаю. Говорили, что их покупали южновьетнамские бизнесмены.

Вопрос. Достались ли некоторые из них Национальному Фронту Освобождения?

Ответ. Я уверен, что достались.

Вопрос. Может ли американский солдат, пробыв год в передовых частях во Вьетнаме, не знать о тех зверствах, которые там совершаются?

Ответ. Думаю, что это невозможно. Достаточно пробыть месяц в роте на передовой во Вьетнаме, чтобы узнать обо всем этом. Когда новичок прибывает в роту, первые три или четыре дня каждый рассказывает ему о своих великих приключениях или делах нашего подразделения. А через некоторое время и сам новичок начинает хвастаться, как он убил того-то и того-то. Даже находясь в тылу, нельзя не услышать что-либо подобное. Может, конечно, некоторые и занимаются только чистенькой работой в Сайгоне, но всякий, кто имеет отношение к боевой части, не может не слышать о зверствах.

Вопрос. Вы знаете, что многие американцы не верят, что во Вьетнаме совершаются зверства?

Ответ. Мне трудно в это поверить, поверить в то, что люди не в курсе. Ведь происходит постоянная смена войск. Сейчас во Вьетнаме 500 тысяч парней или что-то около этого. Они, как правило, проводят во Вьетнаме год и возвращаются в США. Я уверен, большинство из них могли бы рассказать истории более драматичные. Они не хотят об этом говорить. Они скрывают это по ряду причин. Они не хотят говорить об этом сейчас, когда раскрылась история с Майлай. Она перепугала многих американских солдат, и они не говорят о том, что видели, и, конечно, о том, что делали. Большинство парней, которые вернулись, ви-

дела нечто подобное. Это вроде того, что сказал парень по поводу дела в Майлай. Он не говорил о нем, потому что думал, что все это знают, что всем это известно. Сейчас парни не хотят говорить об этом по другой причине. Они говорят себе: «Будь оно проклято! Это случилось каждый день или почти каждый день. Я думал, все это знают». Сейчас армейские представители начинают наказывать нас за военные преступления. Но кто-то ведь отдавал нам приказы совершать их! Лейтенанта Колли, например, могут отправить в военную тюрьму, его могут осудить на пожизненное заключение, но ведь корень проблемы значительно глубже. Не лейтенанты колли являются причиной массовых убийств. За это нужно судить Никсона, Лейерда, Джонсона. За эти преступления надо судить людей, имеющих власть в нашем правительстве, а не тех, кто выполняет их приказы. Это подобно военным преступлениям, осужденным Нюрнбергским процессом. Кого судили за них? Эйхман никогда не поворачивал краны в газовых камерах, он никогда не открывал дверей, ведущих в ловушку. По его приказанию это делали другие. Что случилось бы, если бы стали судить, попытались судить всех мелких исполнителей? А это пытаются сделать сейчас в Соединенных Штатах. Сегодня пытаются судить мелочь. В Нюрнберге судили преступников. А здесь военные преступники пытаются судить других, пытаются свалить свою вину на других — на американских солдат, которые практически только выполняют приказы. Я не говорю, что это оправдание — выполнять приказ. Но как можно оправдать тех, кто отдавал эти проклятые приказы?

Джеймс Нелл

Вопрос. Когда вы отправились во Вьетнам?

Ответ. В апреле 1968 года.

Вопрос. Какое было у вас звание?

Ответ. Капрал.

Вопрос. Какое вы получили назначение?

Ответ. У меня их было несколько. Некоторое время я был рядовым пехотинцем. Позже я стал командиром отделения и принимал участие во многих операциях по прочесыванию.

Вопрос. Какие были отношения между офицерами и рядовыми во Вьетнаме?

Ответ. Не слишком хорошие. Некоторые наши лейтенанты не считают рядовых солдат за людей. Они измываются над солдатами и иногда доводят рядовых до самострела.

Вопрос. Вы видели это сами?

Ответ. Да.

Вопрос. Как это было?

Ответ. Однажды ночью я был в карауле... Один из парней вышел из хижины с винтовкой и выстрелил себе в грудь.

Вопрос. Он умер?

Ответ. Да, через два часа, как его привезли в госпиталь.

Вопрос. Вам не приходилось слышать о том, что солдаты стреляли в офицеров?

Ответ. Я видел это во время боевых действий.

Вопрос. Как это было?

Ответ. Например, вы несете караульную службу с группой пехотинцев, а офицеры начинают слишком действовать тебе на нервы, доводят тебя. Тогда идешь и рассказываешь кому-нибудь об этом, какому-нибудь пехотинцу. Пехотинец назначает цену за голову — 100 или 200 долларов. Первый, кто убьет офицера, получает эти деньги.

Вопрос. А откуда солдаты брали деньги?

Ответ. Парни, которые сговариваются, платят за это.

Вопрос. Все солдаты вносили деньги на то, чтобы убить офицера?

Ответ. Обычно все, почти все, практически вся рота.

Вопрос. А сколько раз вы видели подобные случаи?

Ответ. Пять или шесть раз.

Вопрос. А когда убивали офицеров?

Ответ. Во время боя.

Вопрос. Когда убивали этого офицера, другие офицеры догадывались, почему его убили?

Ответ. Думаю, что да.

Вопрос. Ну, и это заставило остальных офицеров изменить свое отношение к солдатам?

Ответ. О, да! Они сразу же начинали шевелить мозгами. Переставали измываться над солдатами.

Вопрос. В какой вы были части?

Ответ. Последний раз в 10-м саперном батальоне.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Огайо. Я живу в двадцати шести милях от Кливленда.

Терри Клайн

Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Терри Клайн.

Вопрос. Откуда вы родом?

Ответ. Из Чикаго.

Вопрос. Сколько вам лет?

Ответ. Двадцать три года.

Вопрос. Что вы делали до того, как приехали сюда, в Форт-Гордон?

Ответ. До вступления в армию я учился в колледже в Боулинг-Грин.

Вопрос. Сколько вы там проучились?

Ответ. До получения диплома мне оставался год. Я проучился три года.

Вопрос. Вас призвали или вы доброволец?

Ответ. Я временно оставил занятия, чтобы заработать деньги для продолжения учебы. В этот период меня и призвали.

Вопрос. Трое ваших коллег сейчас на гауптвахте. Вы находитесь под домашним арестом. Против вас четверых выдвинуто обвинение. Представители армии заявили, что все вы будете преданы военному трибуналу.

Ответ. Да.

Вопрос. Чем вызвана такая реакция армейских представителей?

Ответ. Мы подписали листовку, в которой призывали ветеранов войны во Вьетнаме, которые находятся сейчас в Форт-Гордоне, выступить и рассказать о том, что они видели во Вьетнаме. В листовке говорится, что Сонгми — это не единичный случай. Никто из нас четверых не был во Вьетнаме, но мы говорили с очень многими ребятами, которые побывали там. Мы против того, чтобы прекратить расследование дела лейтенанта Колли, которым занимается сейчас конгресс. Это дело расследуют американские офицеры. Мы же считаем, что расследование должны проводить и американские солдаты. Вот почему мы

подписали листовку и назвали себя комиссией американских солдат по военным преступлениям.

Вопрос. Когда была подготовлена листовка?

Ответ. 11 или 12 января, а через неделю против нас было выдвинуто обвинение.

Вопрос. Листовку распространили?

Ответ. Да, ее распространили в городе.

Вопрос. Через сколько дней после ее распространения вас арестовали?

Ответ. Я был в расположении роты, когда меня вызвали в штабную комнату к командиру. Он сообщил мне, что на меня налагают домашний арест в расположении роты за подрывную деятельность. Какое мне предъявляется обвинение, командир обещал сказать позже.

Вопрос. Вас кто-нибудь допрашивал?

Ответ. Меня вызывали к командиру. Он сказал, что дело о моей подрывной деятельности будет расследоваться. Во второй половине дня меня вызвали в контрразведывательный гарнизон Форт-Гордона. Мне задали там около тридцати вопросов. На следующий день мне зачитали обвинение.

Вопрос. Какие вам задавали вопросы?

Ответ. Например, кто поддерживает комиссию по военным преступлениям; кто отвечает за распространение листовок; хорошо ли я знаю трех других, кто подписал данную листовку...

На следующий день командир зачитал мне обвинение и повторил, что я нахожусь под домашним арестом.

Вопрос. В чем же состояло обвинение?

Ответ. Кажется, по статье 134. Я не помню точно номер статьи, но она касается высказываний, подрывающих верность солдат своей армии. Другое обвинение касается местных правил пересылки почтовой корреспонденции. Эти правила запрещают распространять по почте материалы без разрешения начальника гарнизона.

Вопрос. Вы распространяли листовки по почте?

Ответ. Нет, я лично не распространял.

Вопрос. А что случилось с тремя другими, кто подписал листовку?

Ответ. Их посадили на гауптвахту.

Вопрос. Здесь много ветеранов войны, не так ли?

Ответ. Так точно. Много.

Вопрос. Кто они и чем занимаются?

Ответ. Форт-Гордон — большой центр. Здесь находится школа связи. Многие из тех, кто побывал во Вьетнаме, получают назначение в Форт-Гордон, особенно в школу связи.

Вопрос. Это главным образом специалисты шестого и пятого класса?

Ответ. Так точно. Основной состав роты, в которой я служу, это специалисты шестого и пятого класса.

Вопрос. А что вы делали в этой школе?

Ответ. Был инструктором. Я прошел основную подготовку в Форт-Джэксоне, затем прибыл сюда. Двенадцать недель учился здесь, а как только закончил курс связи, стал инструктором школы связи и с тех пор все время работал инструктором. Когда появилась листовка, меня на следующий же день освободили от обязанностей инструктора.

Вопрос. Что вы делаете сейчас?

Ответ. Делаю в казармах общую уборку, подметаю, натираю полы, налаживаю в здании оборудование...

Вопрос. Вы участвовали в издании солдатской газеты, которая здесь выходила?

Ответ. Я принимал активное участие в издании газеты, но это было шесть-семь месяцев назад. Однако в связи с тем что некоторые члены редколлегии были переведены в другие гарнизоны или уволены, редколлегия распалась.

Вопрос. Что это была за газета?

Ответ. Она называлась «Последняя тревога».

Вопрос. Когда она издавалась, вы не помните?

Ответ. Мы напечатали четыре номера: один в октябре 1967 года, потом в декабре 1968 года, затем в марте и, наконец, прошлым летом — в июне или июле.

Вопрос. Что случилось с теми, кто издавал ее?

Ответ. Главный энтузиаст, тот, кто основал это дело и начал печатать газету, был уволен с военной службы с лишением прав и привилегий за десять дней до окончания срока службы в армии. Потом двоих из редколлегии отослали во Вьетнам, одного в Германию.

Вопрос. Газета прекратила свое существование?

Ответ. Да.

Вопрос. В листовке вы указываете, что Сонгми — это не единственный случай. Какие у вас есть основания для такого вывода?

Ответ. Лично я беседовал в казармах со многими из тех, кто вернулся из Вьетнама. Они рассказывали, что стреляли в людей ни за что. «Желтые гуки — не люди, их просто убиваешь». Один из парней рассказал, например, о последней моде, если можно так назвать повальное увлечение — гонять грузовик или джип по дороге и считать, скольких человек удалось сбить. Я уверен, что там происходят самые невероятные вещи, о которых пытаются умолчать как в печати, так и в официальных донесениях. Командование тоже пытается скрыть это. В Форт-Гордоне много можно услышать.

Вопрос. Например, о чем?

Ответ. О том, как отрезают уши или убивают без причины всех подряд.

Вопрос. Вы слышали о том, что пленных выбрасывают из вертолетов?

Ответ. Да, об этом я тоже слышал. Мне рассказывали, что пленного высовывают из вертолета, держат его некоторое время на весу, потом намечают определенную цель и сбрасывают его на нее. Мне рассказывали об этом парни, которые делали это сами.

Вопрос. Скажите, а те американские солдаты, которые рассказывали вам об этом, стыдились того, что совершили, или, наоборот, хвастались своими поступками?

Ответ. Стыдились этого очень немногие, но и хвастались, может быть, двое. Большинство же, на мой взгляд, рассказывали об этом просто, как о чем-то каждодневном, как рассказывают об условиях, в которых живут.

Вопрос. Вы верите всему, о чем услышали?

Ответ. Я не могу представить себе, как это выстраивают женщин и детей и расстреливают их.

Вопрос. Вы встречали здесь людей, которые видели это?

Ответ. Да, многие видели это. Вот мы и решили создать комиссию, чтобы довести рассказы этих людей до американского народа. Военное руководство реагировало мгновенно. В прессе об этом почти ничего не было. Кажется, передали по радио одно сообщение об арестах, и все. Судя по всему, американское руководство не намерено предоставлять возможность американским солдатам рассказывать правду о войне, а пресса тоже не очень заинтересована распространяться на эту тему.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От издательства	5
От автора	15
Книга первая. Те, кто не вернулся	23
Подготовка	37
Статистика	41
Война	99
Книга вторая. Те, кто вернулся	99
Подготовка	108
Война	108

Марк Лейн

УСТАМИ АМЕРИКАНЦЕВ

Редактор *Е. М. Соминский*
 Литературный редактор *А. Г. Кобозева*
 Технический редактор *Р. Ф. Медведева*
 Корректор *Г. С. Корнеева*

* * *

Сдано в набор 18.8.71 г.
 Подписано в печать 21.3.72 г.
 Формат 84×108^{1/2} — 5^{3/4} печ. л. = 9,660 усл. печ. л.
 9,951 уч.-изд. л.
 Типографская бумага № 2. Тираж 30 000 экз.
 Изд. № 10/4707. Цена 50 коп. Зак. № 687

* * *

Ордена Трудового Красного Знамени
 Военное издательство
 Министерства обороны СССР
 Москва, К-160
 1-я типография Воениздата
 Москва, К-6,
 проезд Скворцова-Степанова, дом 3